

European Journal of Literature and Linguistics

Nº 2 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

European Journal of Literature and Linguistics

Scientific journal
№ 2 2016

ISSN 2310-5720

Editor-in-chief

Erika Maier, Germany Doctor of Philology

International editorial board

Akhmedova Raziyat Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Belous Viktor, Ukraine, Ph.D. of Philology
Halipaeva Imperiyat Arslanbekovna, Russia, Doctor of Philology
Jasna Potočnik Topler, Slovenia, PhD of Literature
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Marszałek Paulina, Poland, Doctor of Philology
Montoya Julia, Spain, Doctor of Philology
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Vorobyova Olga Ivanovna, Russia, Doctor of Philology
Zholshayeva Maira Satibaldiebna, Kazakhstan, Doctor of Philology
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review
“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1
1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Literature and Linguistics is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Linguistics

*Abdullayeva Xumar Valiaddin,
Senior Lecturer of Tafakkur University
E-mail: xumar.safarova@mail.ru*

The role of science — fiction in the formation of society

Abstract: In this article the researcher has decided to show science — fiction as the first step towards progress, as it allows us to imagine the future we want, and consider ways to work towards it. It also makes us aware of futures we wish to avoid, and helps us to prevent them. It is change, continuing change, inevitable change that is the dominant factor in society today. Most importantly, science — fiction is the only genre that depicts how society could function differently.

Keywords: science — fiction; imagination; fairy — tale; fantasy; utopia.

Artistic works play a major role in formation of the society and undoubtedly, the influence of realistic works is more essential, powerful and effective. All leading scientists, pedagogues particularly mention the educational significance of artistic works written realistically. Besides, artistic works written in fantastic genre also have a particular and decisive significance which cannot be substituted with anything else, in education and proper formation of the people of a certain age. This is pedagogically associated with the several issues; first and foremost, ability of fantasy (or imagination, dream) as a special form of psychic and mental activity, is closely related to all emotional activity of a person. Fantasy is a talent playing an important role in the social life and issues of cognition of the nature which are necessary for human and help him or her not only in childhood, but also throughout the lifetime and in all spheres of his or her creativity [1, 128 p].

While speaking about the significance of fantasy or imagination, it should be noted that, this ability is so precious. Wrongfully it is believed that, this is only needed for a poet or a writer. That is nonsense. Even mathematics requires imagination. Even differential equations and integral calculations would not be discovered without imagination. Imagination is a quality having a great value.

It has long been proven in education world that, ability and desire to imagine become more powerful and active in childhood and in early youth. A person mainly comprehends and keeps everything in his or her mind through imagination and fantasy from childhood [2, 316 p].

For these reasons teachers try to rapidly develop this ability in children. Of course, it is impossible to achieve this goal empty-handed. For this, a certain means is required and this is, first of all, science fiction works or fantastic tales.

Science fiction helps development of psychic abilities, increase of sensitivity and firstly, improvement and activation of imagination. While implementation of certain and permanent physical habits is important in order to strengthen the organism physically and prepare it for the struggle of life, science fiction also creates necessary habits for the development of psychic abilities and feelings. But this is not enough. Science fiction works and tales, at the same time, help strengthening ideology, directing morals in a right way, development of aesthetic tastes, enriching life practice, increasing proper knowledge on social life and nature.

In idealist philosophy ability of fantasy is comprehended separately from all other emotional life of a person, from mental, ideological, political and social activity of a person and evaluated as an abstract, independent spiritual ability.

Ability of imagination should not be considered a windfall, independent, abstract and natural quality which is separated from social environment and social being. Imagination is ability or quality which is closely associated and related with all mental-social activities and which participates in all creative and cognitive activities of human.

Besides showing the special role of fantasy in human mental and cognitive activity, it should also be men-

tioned that imagination has an opportunity of going to religion and eventually to God, that is, it moves away from the life and reality.

Fantasy is that sort of thing that, it has an opportunity to forestall the life events, predict the future and therefore stimulate the work, and on the contrary, to move the reality, become worthless or unimportant thing. In the first case the imagination is extremely useful, but in the second case it is worthless.

Imagination may go beyond the natural course of events or following the other way it may go to the direction where any natural course of the events will never arrive. In the first case the imagination is harmless; even it may increase and strengthen seriousness of a hardworking man. In this type of imaginations there is nothing to destroy or undermine work force. If a person was completely deprived of such imagination and he or she was not able to run ahead and was not able to imagine whole and complete view of the creation which newly started to be formed under his or her hand, a person could not start and finish anything in art, science and life. If an "imaginee" takes seriously his or her imagination, by paying attention the life compares his or her observations with his or her imaginative plans and generally, works honestly in order to implement his or her imagination, then there will be no contradiction between the imagination and reality. When there is a contact between the imagination and the life, everything is in place. Unfortunately, such imaginations are not enough in our movement.

Imagining is a special, precious talent, on one hand. It has a capacity to cover the entity in all sciences, as well as, in art and all spheres of human activity. On the other hand, it is able to more deeply comprehend the development of entity, to more properly as certain natural real development of the events and to brighter notice the future. This is creative fantasy. In the second case, the fantasy or imagination may have such a worthless type that, on the contrary, it constraints human from life, reality, ruins reliance to the power of mind. And this is passive imagination.

Passive imagination is considered the most dangerous one of the spiritual, psychic abilities. Extremely fantastic narratives and stories going beyond the reality create dreaminess in human being. Fantasy being considered one of the most precious abilities and talents in human is created and formed together with other psychic and mental activities. As psychological abilities and mental activity develop, as the knowledge on the life increases and generally, cognitive ability deepens, ability to imagine develops together with them as well. Thus creative

fantasy is a special quality that it is the product of deep mind, life knowledge and scientific information and it is associated with them and generated from them.

Fantasy cannot be imagined that it is located in the certain place of the brain and it has an absolute, unchanged quality. In idealist philosophy fantasy is mainly evaluated as a gift, special ability which does not belong to many and is only granted to certain people. But indeed, fantasy is a talent which is related with the activity of awareness, associated with ideology and can only act together with the activities of them.

For instance, it is known to all that, "Utopia", one of the classic samples of science fiction works by Tomas More, "City of the sun" by Campanella and "Gulliver's travels" by Jonathan Swift are the works written on basis of criticism of the structure of the society of that time and in any case these cannot be considered the product of abstract fantasy. In creation of these works mind, thinking, ideology, political thoughts of the authors participated together with their fantasy. This sample clearly confirms that, be it real artistic or science fiction, the works cannot be considered the product of the fantasy only in the abstract case. Generally fantasy takes part in such works to some extent like in the science. That is why, works which are only the products of abstract fantasy are considered the most worthless in artistic creativity.

Thus creative fantasy which helps the work is a fantasy that is created in the process of cognition, generated from the world of the truth, conditioned with the social being of a person, combined with the desire and reason of further development of the being, conquering the nature to a large extent, seeing the life more beautiful. All kinds of fantasy in contrast to this are illusion and discouragement.

Many idealist esthetes in the history, as a tradition coming from the ancient time-from idealist Plato, explained the imagination especially, imagination and fantasy in art in the meaning of moving away from the life getting inspired, falling in abstract-romantic ideas, both turning away from life and moving away from self and ego. Undoubtedly, imagination has an opportunity to tend to such abstract, idealist direction. But such imagination or fantasy is an issue that is associated with weakness, narrowness and straggling of cognition or mind. Inability of human's deep perception of life and nature creates a condition for a change of his or her fantasy toward the wrong direction. Of course, condition, environment, social-economic development level of the society play a major and decisive role in this process. For instance, it was proved in the science that, the cases where

fantasy moves away from the life both in profession and science were more and stronger in the first stages of social development, in the periods where economy, culture and sciences did not improve yet.

Negative economy mainly stands on the different wrong imaginations on nature, human characteristics, spirits, magic powers and etc. Low-level economic development created a condition for and caused the wrong imaginations on nature in the prehistory. As the social development has certain concrete historic periods, human imagination, fantasy has certain concrete historic periods as well. It is not an abstract, absolute and unchanged quality. While talking on the fantasy idealist philosophers namely tried to hide this characteristic of it. For instance, though Hegel delivered proper opinions on the art, artistic creativity in the fantasy section of his esthetics, he mainly evaluated fantasy as an unchanged, absolute quality [3, 288–289 p].

Each fantastic character, each fantastic work, first of all, is the world view. Also, fantasy of artisan, scientist or poet is not a different thing from his or her ideology or world view and is an expression of it in the special form of his or her view toward the world, nature and society. Especially, human fantasy has born more social content after emerging classes and class societies.

Fantastic characters which previously only reflected hidden secrets now bear social attribute and start to be a representative of historic powers.

Thus human fantasy bears real essence in accordance with the improvement of society, development of economy, science and culture, expansion of knowledge on nature and society and become a major factor of the activity of public thinking, tendency and thought of subordinating the nature to itself to a large extent and further beautifying the life. Division of the society into classes, existence of contradictory ideologies, existence of reactionary ruling classes and conservatives who want to stop and draw off social development still now create an opportunity of fantasy moving away from the reality, and not only the opportunity of moving away from the reality, but also the opportunity of clearly creating an obstacle to innovation and progress [4, 119 pp]. Surely, the fantasy created within such opportunity bears a particular, certain content and reflects the certain world view. But this content is an old and reactionary content which lost its belief and reliance to the mind power. It is not only a content that moves away from the life, but also is terrific and dangerous one which resists the innovation. This cannot be otherwise. Because every fantastic work, in the broadest sense of the word, has a real embryo to a certain extent in itself. In the fantastic works certain real characteristics of existing social life and social structure are reflected differently as to form, but similarly as to content and essence as being in the realistic works. This is so in science — fiction, too.

References:

1. Jafarov M.J., “Significance of science fiction in children education”, 128 p.
2. Belinsky V. G., collected works, volume III. P. 316.
3. Hegel, collected works, volume XII, 288–289 p.
4. Gurevich G.I., “A Conversation about science fiction”. M, 1991, 119 p.

*Yekibayeva Ninel Amanturlievna,
candidate of philological sciences, associated professor,
Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

*Satysheva Ayala Khadzhimukanovna,
master student, Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
E-mail: ayala-92@mail.ru*

Syllable division in the english language

Abstract: We have considered the structure of the syllable division. The aim of the article is to increase knowledge about syllable division. Methods of the article: analytical, descriptive and explanatory.

Keywords: boundary, consonant, vowel, syllable, onset, sound, phoneme, word.

The syllable division determines the syllabic structure of the language, its syllable typology.

Phonotactic possibilities of a language determine the rules of syllable division [7, 7].

Correct syllable division, especially at the word junctions, is of great Phonological importance, as the wrong syllable division may lead to the confusion of one word with another and cause phonological mistake [8, 72].

Compare: a name — an aim; a nice house — an ice house, she saw the meat — she saw them eat, ice-cream — I scream, I saw her eyes — I saw her rise.

Syllable division in English is regulated by the following rules:

Syllabic boundary is inside intervocalic consonants preceded by vowels. It means that when a short stressed vowel is separated from a following syllable sound by only one consonant it always occurs in a closed syllable. The syllabic boundary in this case occurs within the consonant.

1. It is greatly differs from Russian where the first syllable is always open if there is only one consonant between two vowels, for example, *си-ла, во-да, пу-ля*. This difference results in phonetic mistakes when learners tend to turn English closed syllables into open ones by lengthening the short vowels, for example, *money*.

2. Syllabic boundary is before an intervocalic consonant if it is not preceded by a short stressed vowel. It means that long monophthongs, diphthongs and unstressed short vowels [i, ə, v] always occur in phonetically open syllables when they are separated from the following syllabic sound by only one consonant, in essence, *voi-ces, ar-my*.

3. The syllabic boundary lies between two consonants if the first consonant is preceded by a short checked vowel, in essence, *love-ly, twen-ty, and quick-ly*.

4. The sonants [l, m, n] are syllabic if they are preceded by noise consonants, for example, *eagle, open, and blossom*.

5. There cannot be more than one vowel in one syllable.

6. The typical and the most fundamental syllable structure is of (C) V + C type, where is C-consonant, V-vowel.

7. Word final consonants are normally of weak-end type.

English historically short vowels under stress occur only in a closed syllable.

Checked vowels are always followed by a consonant. So the syllabic boundary never occurs after these vowels.

The preceding and the following vowels attract this consonant and the consonant is split into two.

In speech the consonant forms a close link between the two syllables.

If a checked vowel is separated by one consonant from a syllabic sonant the boundary between the two syllables is also within the consonant.

Historically long monophthongs, diphthongs and unstressed short monophthongs can occur both in the open and in the closed syllable.

When a free vowel is separated from a succeeding vowel by a single consonant sound, the syllable in which such a vowel occurs is always opened.

When a post-stressed short vowel is separated from a succeeding vowel by a single consonant, the boundary is most probably before the consonant, because the short vowel is free in an unstressed position.

When there is a cluster of consonants between two vowels, the place of the syllabic boundary is conditioned by whether this cluster is permitted at the beginning of words or not. If it does occur in initial position in English the syllabic boundary is before it. If it does not, the boundary is between the consonants.

Sometimes we may take into account the morphemic structure of the syllable [9, 15–16].

We have seen that the sounds of a language form a system or a system of sub-systems in which the various elements are opposed to one another. However this is not enough to explain the organisation of the sound pattern of language, whose units are used to convey meaning.

The various elements of the system or sub-systems combine in certain ways which reveal the various levels of structure of the sound system.

On the first level we find out the structure called syllable.

In the English language a syllable consists of a phoneme or a sequence of phonemes. If the syllable receives word stress it can be associated with meaning and form what is usually called a word.

No word in the English language can consist of anything less than a syllable and no syllable can consist of anything less than a vowel.

There are not many examples of monosyllabic words consisting of only a vowel in English.

Each vowel has the possibility of constituting a syllable by itself whereas this is never possible for a consonant. This is the great phonological distinction between vowels and consonants.

But not all English vowels can form a word by themselves, is not an existing English word.

However, what matters is that it can be a word. If we are to invent a name for a new product, we can well use

the single-vowel syllable. We will then have made use of what is called an accidental gap.

Accidental gaps are formed of possible combinations of phonemes at any level of the structure of the sound system of a language, which have not yet been assigned meaning.

Most English syllables consist of more than one vowel. We must examine what they can consist of, because it is not sufficient to add any consonant or group of consonants to a vowel to get an English syllable.

The construction of a syllable is always organized around a vowel.

What comes before the nucleus is called onset and what follows is called termination.

There are restrictions as to the position consonant phonemes can occupy: for example /m/ can never occur before a vowel; just as /h/, /w/ and /j/ can never occur after a vowel.

Our list does not include /r/ as in Received Pronunciation, it never occurs in a termination cluster.

Both onset and termination can consist of one or more consonant phonemes. Two or more consonants in the onset or in the termination form consonant clusters. Here again there are restrictions as to how the consonants can combine in the onset and termination respectively.

Any consonant can be the sole element of the onset except /m/ as mentioned before.

In everyday speech, a spoken language syllable is perhaps most often, and certainly rather easily, characterized as a short sequence of vowel (V) — «sonant» — and optional consonants (C); for example, CV or CVC [5, 54–57].

However, empirically the syllable has proved to be an extremely difficult unit to define.

Although there are no watertight definitions of syllable available, and although at the end it might be that the syllable is an abstract unit that exists at some higher level in the mental activity of a speaker, many spoken language researchers still approach and define the syllable in terms of sonority, that is, a property traditionally assigned to sound segments and understood as their intrinsic loudness [4, 221]. From this perspective it has been claimed that the spoken syllable is a unit which includes only peak — that is, a segment whose inherent value of loudness is relatively high, meaning typically a vowel — and in which the segments as a whole are organized so that their sonority values first increase and then decrease [6, 206–244]. As a typological generalization this sonority is based on the definition of the spoken syllable has stood the test of time well, but language specifically there is certain well-known exceptions to it. One such

exception comes from English and deals with monosyllabic words beginning and ending with the consonant clusters: the word *spill*, for example, includes two sonority peaks since the inherent loudness, or sonority value, of segments /s/ and /i/ is higher than the loudness of the segments or the parts of the signal immediately preceding and following them.

Sonority is simply equated with loudness and redefined the concept as an inherent property of a sound segment which contributes to the perceptual salience of that segment.

The close relationship between the syllable and sonority has been noted in most current theories dealing with the spoken syllable, and consequently sonority has become a key concept also in the study of the signed syllable.

With the basic understanding that sonority has mostly to do with perceptual salience, signed language researchers — including Corina, Perlmutter, Sandler, and Brentari — have proposed that the property which most contributes to the perception — or visibility — of a signed signal and its parts is movement, and that movements therefore function as the sonority peaks of signed syllables [2, 165–201].

In the field of signed syllable research, this view has now become the dominant one, as has the idea which follows from it that signed syllables are units formed around movement «pulses», identified in turn with the dynamic lexeme-internal and underspecified — for instance, phonological — parts of the signal. This latter stand is captured, for example, in the following rough criteria by Brentari for the identification of signed syllables.

Paradoxically, there is no direct evidence available to support the view that the parts of the signed signal which include phonological or any other kinds of movement are indeed the most salient and therefore also the most sonorous parts of the signal.

However, indirectly the claim can be supported, for example, by the studies of Allen, Wilbur, and Schick, Wilcox, and Crasborn.

First, in their study of rhythm, Allen, Wilbur and Schick found that the rhythmical beats, for example, «those events that are felt to be more forcefully produced and around which the other events in the sequence are organized», are associated with sign internal movements.

Secondly, Wilcox's study has shown that perception is enhanced by an increase in movement velocity.

Finally, Crasborn has provided phonetic evidence in support of the positive correlation between “visual

loudness” and the amplitude of a sign’s movement [1, 297–320].

In addition to these studies, the link between salience and movement can also be strengthened by the general research that has been carried out into visual perception; the research suggests, for example, that movement enhances the possibility of perceiving the object, and that movement contributes positively also to the identification of the object.

In a coherent treatment of sonority, the question of its articulatory basis must also be addressed. With the regard to this issue it has been suggested that with spoken language the degree of sonority of a sound correlates articulatorily with the openness of the vocal tract.

The main idea is that a sound generated in an open vocal tract is more sonorous than a sound generated in a closed tract since the larynx sound resonates differently in the vocal cavity depending on the degree of openness of the tract; the larynx sound going through an open tract produces a stronger — and thus better perceived — signal than one going through a closed tract. Traditionally,

this view of the articulatory basis of sonority has been used to explain, for example, the greater sonority of vowels over consonants: vowels are always produced in a relatively open vocal tract whereas in the production of consonants there is always a closure of some sort.

As far as we are aware, the articulatory basis of sonority in signed language has not been investigated in a level comparable to that in spoken language.

However, an exception of the linguist Brentari who uses the physiologically, socially, motivated weakening and strengthening phenomena of lexical movements to argue that sonority in signed language correlates with the proximality of the joint used in the production of the movement [3, 316].

Conclusion.

We found out syllable division. We recommend continuing to research the syllable division, because the syllable division is not studied completely by the all linguists of the whole world. A full investigation of the formation of the syllable will be useful for studies, teaching and learning of phonetics.

References:

1. Allen, G. D., Wilbur, R. B. & Schick, B. B. Aspects of Rhythm in ASL. – Baltimore: Sign Language Studies, 1991. – 297–320.
2. Corina, D. & Sandler, W. On the Nature of Phonological Structure in Sign Language. – New York: Phonology, 1993. – 65–201
3. Brentari, D. Sing languages. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 316.
4. Ladefoged, P. A. Course in Phonetics. New York: Hartcourt, Brace, Jovanovich, 1995. – 221.
5. Maddieson, I. Syllable Structure. The World Atlas of Language Structures, Oxford: Oxford University Press, 2005. – 54–57.
6. Blevins, J. The Syllable in Phonological Theory. The Handbook of Phonological Theory. – Oxford: Blackwell, 1995. – 206–244.
7. Vasilina V. N. Theoretical Phonetics of the English Language. – Minsk: Belorussian State University, 2014. – 7.
8. Malimonova N. V., Merkulova T. K. Introduction to the theoretical phonetics. Conspects of lectures. – Kh: Khar'kov National University after named V. N. Karazin, 2004. – 60.
9. Gromovaya I. I. Theoretical Phonetics. – Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2013. – 15–16.

*Zvarych Olena,
Ivano-Frankivsk University of Law named after King Danylo Halytskyi,
PhD in Economics, the Faculty of Law
E-mail: lena_zl@ukr.net*

Linguistic problems of modern migration processes

Abstract: In the article one of the key ethnopolitical issues of the contemporary world and Ukraine-migration and language agenda is elucidated.

Keywords: state ethnic policy of Ukraine, linguistic aspect, migration processes, ethnolinguistic problems.

Introduction. The issue of migration processes, *including linguistic aspect*, has always been topical, but recently has become especially pressing *due to the migration collapse* in particular, in Belgium, Germany, France, Hungary, which is widely discussed in the international and domestic mass media. Concerning Ukraine, it is primarily caused by the fact that its higher power bodies have not decided their foreign policy on migration issues. Among other things the problems of deportation and issuance of documents aren't fully resolved giving foreigners the right to residence and labour on the territory of Ukraine and *aren't formulated clear language requirements related to these processes*.

Analysis of the latest researches and publications, the object of this article. Migration, in the context of the ethnopolitical relations, is the research subject of a number of the profile structures of the National Academy of Sciences (NAS) of Ukraine, and widely covered in the scientific works of such scholars as: V. Yevtukh, O. Malynovska, E. Melnykov, V. Naulko, O. Piskun, A. Svistunov, H. Sereda, M. Shulha and others [1–8]. At the same time, *the language problems*, that accompany these processes, still insufficiently investigated *that became the purpose of the scientific exploration*.

Results and Discussion. Since gaining the independence, Ukraine has begun the transition to the new format of international relations, joined many international organizations as the equal member of the World and the European Community and ratified the majority of conventions, treaties concerning human rights protection, *including language*.

Development of the legal foundation of ethnopolitics in conditions of independence of Ukraine is related to the requirements of time and according to Ye. Melnykov [3] *can be divided into two stages*. *The first*: August 1991-June 1996 (Declaration of Independence of Ukraine of August 24, 1991; Acts of Ukraine: of October 08, 1991 No. 1636-XII "On Citizenship of Ukraine", of November 01, 1991 No. 1771-XII "Declaration of Rights of Nationalities of Ukraine", of February 14, 1992 No. 2117-XII "Fundamentals of Legislation on Culture", of June 25, 1992 No. 2494-XII "On national minorities in Ukraine", of December 24, 1993 No. 3818-XII "On Refugees", of February 04, 1994 No. 3929-XII "On Legal Status of Foreigners and Stateless Persons". However, *the second* period began with the adoption of the Constitution of Ukraine on June 28, 1996 and it lasts till the present day [9–16].

Considering this *the state ethnopolitics of Ukraine* is carried out in accordance with the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil

and Political Rights and the Optional Protocol, the Declaration of the 47th session of the General Assembly UN on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities, the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe, the Hague Recommendations Regarding the Education Rights of National Minorities and Oslo — Regarding Linguistic Rights of National Minorities and other international instruments [17–22].

Everything aforesaid demonstrates *the consistent formation of a democratic legal environment in Ukraine*, but the practical implementation of these legal acts still remains a problem. Thus, the most significant gaps in ethnopolitics, which make actual *the necessity of aimed influence on ethno-linguistic agenda, are the absence of the differentiated approach to various categories of migrants* [3; 23]: 1) *internal*: unaffected (for instance: due to marriage); displaced persons (Crimea, Donetsk, Luhansk); ecological (basically, it's Chornobylians); 2) *external*: immigrants from Ukraine who are returning to their homeland from neighboring countries (repatriates); persons who were illegally deported from Ukraine which was a part of the former Soviet Union on the national basis; migrants from neighboring countries who were forced to leave the country of residence, in particular because of the authorities harassment; refugees from far-abroad countries; illegal migrants from different countries (including undocumented transit persons).

The process of creeping depopulation associated with the migration situation is almost the major threat just for the titular nation and its language. Furthermore, the significant mortality of the population and low birth rate may lead to the fact that in a few decades *the number of indigenous ethnos could reduce* to 50 and more percents with its unequal substitution for the immigrants from Asia and Africa, including those who would come illegally to Ukraine. As Ye. Melnykov notes referring to the [24] Security Service of Ukraine (SSU) data, *the main migration traffic* to the European countries is through Ukraine and 60 thousand of illegal migrants annually use it [3]. Synchronically, according to the UN conclusions and their quantity Ukraine occupies the fourth position after the USA, Germany and Russia. According to the experts' estimation approximately 4 million migrants have already settled in our country [3].

It should also be noted that polyethnicity spectrum of Ukraine—the country in which the representatives of about one hundred nationalities have lived since early times, became even more diverse within recent years. And it isn't just due to illegal migration. According to

some estimation 20 or more thousands of persons, particularly from Russia, Armenia, Uzbekistan, Moldova and Azerbaijan have acquired the citizenship of Ukraine officially every year officially [3; 25].

Thus, **migration is the objective reality** there is no sense to combat with it. It's necessary to gain its advantage in the interests of the state and the sooner it will begin—the better. Nevertheless, taking the dynamism of foreign flows in Ukraine into consideration, it becomes possible that in 7–10 years, or probably earlier, it would be necessary to settle rather large groups of migrants for whom it will be more difficult to integrate into the new society, **including the linguistic environment**. Therefore, **the Concept of migration processes development**, elaborated by the Ptoukha Institute for Demography and Social Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine in cooperation with the Ministry of Education and Science of Ukraine, stipulates fixing the quantitative quotas regarding the migrants' admission by levels of their educational background, health, age and many other legislative conditions to obtain the citizenship [3; 26]. At the same time, the different level of **the migration mobility of ethnic communities** and also various directions of the migratory movements in the regions of Ukraine influence both its number and ethnic-national formations. And their main features are ethnolinguistic situation and **aggravation of the education, culture and language issues**. Furthermore, **the linguistic problem consists of such factors**:

1. Low literacy of migrants often objects inconvenience to the government representatives in clarifying the circumstances and resolves the people's further life

(such as the identification of citizenship and verification of personal data).

2. Ignorance of language, without which, it is impossible to obtain the citizenship in most European countries, causes discomfort in relations with the local population and create a lot of problems with the adaptation of migrants.

3. The absence of institutions that would have expedited the possibility of studying the state (Ukrainian) language by foreigners [3].

4. Low participation of local governments and national-cultural organizations in solving the migrants' language problems [27].

5. Insufficient determination on their settlement of national ethnopolitical legislation, in which **the language aspects of migratory movements in Ukraine** should be taken into account.

Conclusions. The problems of culture, education and language are urgent by the fact that heterogeneous population composition creates its cultural and general community that differs from the established national values. As a matter of fact, the main priority of each State, and also Ukraine, is providing the comfort conditions for each of the ethnic groups. The mentioned agenda is multivariable; the corresponding bodies of government and national-cultural associations and other public constitutions of ethnopolitical communities should participate in its settlement. However, the tolerance and respect are the key aspects in ethnos relationships; our society feels lack of them, because Ukraine has been isolated from one of such topical as migration and its ethnolinguistic mainstream.

References:

1. Yevtukh V.B.: Etnopolityka v Ukrayini: pravnychiy ta kulturologichnyi aspekt (Ethnopolitics in Ukraine: Legal and Culturelogical Aspect). – Kyiv, 1997.
2. Malynovska O.A.: Migrantsiyna sytuatsia ta migrantsiyna polityka v Ukrayini (Migratory situation and migration policy in Ukraine). – Kyiv, 1997.
3. Melnykov Ye. O.: Migrantsiyna yak aktualna problema etnopolityky v Ukrayini (Migration as an actual problem of ethnopolitics of Ukraine)//Research works of the Historical Studies Department of the Zaporizhzhya National University, 2010. – Issue XXVIII.
4. Etnopolitychni protsesy v Ukrayini: istoriya ta suchasnist (Ethnopolitical processes in Ukraine: history and contemporaneity)/Edited by Naulka V.I. – Kyiv, 2001.
5. Piskun O.: Migrantsiyna situatsia v Ukrayini (Migratory situation in Ukraine)//Political Ukraine, 1996. – № 3–4.
6. Svistunov A.: Stanovlenya mizhnatsionalnoho ruhu v Ukrayini ta zadachi yoho rozvytku (Establishment of interethnic movement in Ukraine and objectives of its development)//Information manual on international issues. Special edition: the materials of the International Forum of Ukraine, 2000. – № 2.
7. Sereda H.P.: Mizhnarodni vidnosyny (Foreign affairs)//Uriadovyi Kurier, 2000. – September 28.
8. Shulha M.: Konstytutsiya Ukrainy pro migrantsiyni protsesy ta povernennya deportovanyh (The Constitution of Ukraine on dispersal movements and return of deported persons)//Refugees and Migration. – Ukrainian periodical of Law and Policy, 1997. – № 1.

9. Resolution of the Supreme Soviet of Ukrainian Soviet Socialist Republic of August 28, 1991 “Act of Declaration of Independence of Ukraine” [Electronic resource]. – Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Declaration_of_Independence_of_Ukraine#cite_note-Magocsi-1.
10. Act of Ukraine of October 08, 1991 No. 1636-XII “On Citizenship of Ukraine” [Electronic resource]. – Access mode: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2235-14>.
11. Act of Ukraine of November 01, 1991 No. 1771-XII “Declaration of Rights of Nationalities of Ukraine” [Electronic resource]. – Access mode: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1771-12>.
12. Act of Ukraine of February 14, 1992 No. 2117-XII “Fundamentals of Legislation on Culture” [Electronic resource]. – Access mode: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2117-12>.
13. Act of Ukraine of June 25, 1992 No. 2494-XII “On national minorities in Ukraine” [Electronic resource]. – Access mode: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2494-12>.
14. Act of Ukraine of December 24, 1993 No. 3818-XII “On Refugees” [Electronic resource]. – Access mode: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/3818-12>.
15. Act of Ukraine of February 04, 1994 No. 3929-XII “On Legal Status of Foreigners and Stateless Persons” [Electronic resource]. – Access mode: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3929-12>.
16. Konstytutsiya Ukrainy (Constitution of Ukraine). – Kyiv, 1996.
17. The Universal Declaration of Human Rights (Russian/Ukrainian). Adopted and proclaimed in Resolution 217A (III) by the UN General Assembly of December 10, 1948 [Electronic resource]. – Access mode: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_015.
18. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted of December 16, 1966 by the UN General Assembly. Ratified by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the Ukrainian Soviet Socialist Republic of October 19, 1973 No. 2148-VIII.
19. Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. Adopted by the UN General Assembly resolution of December 18, 1992 No. 47/135 [Electronic resource]. – Access mode: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_318.
20. Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe [Electronic resource]. – Access mode: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_055.
21. Hague Recommendations Regarding the Education Rights of National Minorities and explanatory note [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.osce.org/uk/hcnm/30386?download=true>.
22. Oslo Recommendations Regarding Linguistic Rights of National Minorities and other international instruments [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.osce.org/uk/hcnm/67545?download=true>.
23. Ethnopolitics in Ukraine. Documents and materials. – Kyiv, 1998.
24. Official Site of Security Service of Ukraine [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.sbu.gov.ua>.
25. Official Site of Ministry of Internal Affairs of Ukraine [Electronic resource]. – Access mode: <http://mvs.gov.ua>.
26. Official Sites of: Institute of International Security [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.niisp.org.ua/>; State Border Guard Service [Electronic resource]. – Access mode: <http://dpsu.gov.ua/en/>.
27. Diedkov M. V.: Etnokulturni protsesy: suchasnyi stan i perspektivy (Ethnocultural processes: current situation and prospects) // State ethnonational policy: legal and culturelogical aspects in context of South of Ukraine. – Zaporizhzhia; Simferopol, 2001.

Novakovskaya Olga Nikolaevna,
Odessa I. I. Mechnikov National University
chair of lexicology and stylistics of the English language
postgraduate student, Faculty of Romance and Germanic philology
E-mail: nikityuk.olga@mail.ru

Semantic component «descent» in the structure of the lexeme *blood*: investigation of the naive view of world

Abstract: Lexical units found in the structure of the lexeme *blood* that define it as a determinant of descent have been analyzed in the present article.

Keywords: naive view of world, lexical unit.

Новаковская Ольга Николаевна,
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова
кафедра лексикологии и стилистики английского языка
аспирант, факультет романо-германской филологии
E-mail: nikityuk.olga@mail.ru

Семантический признак «происхождение» в структуре лексемы *blood*: исследование наивной картины мира

Аннотация: В статье проведен анализ лексических единиц, обнаруженных в структуре лексемы *blood*, определяющих ее как детерминант происхождения человека.

Ключевые слова: наивная картина мира, лексическая единица.

Установление антропоцентризма как методологического принципа, согласно которому человек рассматривается как центр и высшая цель мироздания [7, с. 38] вызвало повышенный интерес к целому ряду лингвистических проблем. Одной из них стало видение мира человеком, отраженное в структуре языка. Это мировидение получило в лингвистике название *картины мира (далее КМ)* и было исследовано в работах многих выдающихся лингвистов: С. Г. Воркачева, В. А. Масловой, Е. С. Кубряковой, Б. А. Серебренникова, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. С. Степанова и других.

Сегодня в лингвистике общепринятой считается мысль о том, что язык фиксирует «эмическую реальность» [7, с. 53], т. е. «единое поле мыслей, ощущений и чувственных впечатлений, характеризующее определенный этнос и придающее упорядоченность и смысл нашему непосредственному восприятию» [8, с. 6]. Мир же, отраженный в языке, является не только окружающим человека миром, но и миром, созданным самим человеком [5, с. 18], который может и не соответствовать действительности. Так, в способе мыслить мир, как утверждает Ю. Д. Апресян, «во-

площается цельная коллективная философия, своя для каждого языка», а мир, отраженный в языке, именуется наивным реализмом (термин Р. Халлига и В. Вартбурга) [1, с. 5], или *наивной картиной мира (далее КС)*, под которой понимается «представление о мире рядовых носителей языка, которые основаны на донаучных общих понятиях» [6, с. 487].

В основе данного исследования находится понятие наивной картины мира в том ее фрагменте, который аккумулирует в себе *лексические единицы (ЛЕ)*, отображающие представления носителей английского языка о крови [*blood*] как субстанции, детерминирующей происхождение человека.

Наивные представления о крови определили ее как вместилище души, жизни человека. На крови основаны многочисленные магические обряды, в ней видели здоровье, силу. Этимология данной *лексической единицы (далее ЛЕ)* в английском языке также восходит к понятию «жизнь». Происхождение ее связано с праиндоевропейским *bhlo-to* — *that which bursts out* [то, что бьет ключом] и возводится к прагерманской форме **blō-dóm*. Данная ЛЕ маркируется следующим набором сем: *gush, spurt* т. е. литься потоком, бить струей (от древнеанглийского *blod*). В. Скит

предполагает, что возникновение такого понимания крови, возможно, связано с корнем *blow* [цвести, расцветать] [9, с. 64]. Кровь, вероятно, понималась как источник «цветущей, бьющей ключом жизни». Доказательством этого может служить факт употребления формы *blō для обозначения «цветов» и «цветений» [4, с. 13]. Так, в мифах народов мира цветок является символом красоты, жизни, мудрости.... Германский материал иллюстрирует символику «новая жизнь» с ее положительными атрибутами, которые олицетворяет слово *Blume*, т. е. — цветок [4, с. 12]. Следовательно, мотивация ЛЕ *blood*, вероятнее всего, связана с понятием жизнь.

Связь между кровью и жизнью является одной из древнейших ассоциаций. В английском языке такое понимание крови представлено идеей кровного родства как продолжения жизни рода. Поскольку согласно древним верованиям в крови содержится жизнь, то и появление новой жизни привязывалось к этому понятию. То есть, кровь в узком смысле понимается как жизнь, которую возможно передать своему потомству. Как утверждает Р. Кавендиш: «Жизнь человека включает в себе весь его опыт, его свойства и черты характера; и все это также содержится в его крови» [3, с. 31]. Таким образом, кровь издавна определяла идею родственных отношений в английском языке, поскольку считалась той субстанцией, которая передавалась от родителя ребенку, а с ней, передавались и качества, которые объединяли один род по каким-либо признакам и, в тоже время, служили отличительным чертами при сравнении с иными, что определило эту субстанцию как детерминант происхождения человека.

При анализе лексемы *blood* в ее структуре был установлен семантический признак «происхождение». Семема *descent* — *происхождение*, насчитывает множество синонимов в англоязычных лексикографических источниках (*lineage, line, line of descent, descent, bloodline, blood line, pedigree, ancestry, origin, parentage, stemma, stock*). Эта семема пребывает в гиперо-гипонимических отношениях с лексическими единицами *genealogy, family tree*, являясь для них гипонимом, и в то же время являясь гиперонимом для *family, family line, folk, kinsfolk, kinsfolk, sept, phratry*. Как видим, идеей о крови как субстанции, содержащей жизнь рода, не исчерпывается ее роль в понимании семейных отношений. Кровь в более узком смысле, считалось, передает социальный аспект родства — происхождение человека. Так, Д. Б. Гудков считает: «Кровь выступает как носитель генетически унаследованных качеств человека, объединяя людей одной расы, нации,

народа, качество крови определяет и другие качества человека» [2, 42].

Одним из таких качеств в английском языке является аристократичность. *Blood* имеет значение *nobility* — аристократия.

Такое представление о крови воплощено в ряде фразеологизмов: *royal blood, noble blood, pure blood* и другие. Все они определяют аристократию как положительный феномен. Аристократ понимается как человек, имеющий особенную кровь — королевскую, благородную, чистую. ЛЕ *blue blood* постулируется наличие даже другого цвета крови — голубого. Появление такого значения связано с фактом преобладания незагорелой, светлой кожи у представителей знати. Через такую кожу легко было увидеть вены голубого цвета, что и дало основание считать, что кровь, текущая по ним, также голубая. ЛЕ *high blood* (высокая кровь) отражает концепцию генетической иерархии. Высокая кровь является сигнификатором высокого положения в обществе. Концепция «генетической аристократичности» также представлена фразеологизмами *of (the) blood (royal), royal blood [all persons related by birth to a hereditary monarch]*, в рамках которых линия родства задана наличием одного общего предка — потомственного монарха [*hereditary monarch*].

Синонимичными по отношению к семеме *blood* являются ЛЕ *fop, Beau Brummel, buck, coxcomb, dandy, dude, exquisite, lounge lizard, macaroni, petit-maitre, rake* и другие. Все они называют аристократа-франта. При этом, некоторые из них имеют положительную коннотацию. Обязательными характеристиками для них являются эlegantность (*fop, dandy, Beau Brummel, buck, dude, exquisite, macaroni, petit-maitre, rake*). В семантике других, напротив, зафиксирована негативная коннотация. Характерными чертами аристократа становятся притворство и глупое поведение, зафиксированные в семантике ЛЕ *coxcomb*, а также разгульное поведение, примером чего является ЛЕ *lounge lizard*. ЛЕ *Beau Brummel*, являющаяся именем собственным, стала обозначением любого аристократа с изысканным вкусом в выборе одежды.

Феномен аристократии имеет важное лингвокультурное значение для Британии как страны с монархической формой правления, однако представление о крови как детерминанте происхождения человека в английском языке этим не исчерпывается.

В структуре лексемы *blood* обнаруживаем значение этнического или национального происхождения [*ethnic or national descent*].

Более специфическим по отношению к данному, является значение *Blood* или *Bloods* — Кайна, т. е. американские индейцы племени «черноногих» [*a member of a North American Indian people belonging to the Blackfoot Confederacy*]. Слово «кайна» (*the Káinaa*) означает «кровь».

Англоязычные лексикографические источники фиксируют ЛЕ, которая также указывает на непрестижное происхождение: *country blood* — человек, имеющий темнокожих предков.

Выводы. Древние представления о крови трактовали ее как носителя унаследованных качеств челове-

ка, среди которых находит место социальный аспект родства — происхождение. Британский вариант языка насчитывает множество языковых единиц, связанных с понятием аристократии, которая для нее является важным культурным феноменом. Представление о крови как детерминанте происхождения человека, однако, в английском языке проявляется и в более широком смысле, называя этническое или национальное происхождение человека. Сема «непрестижное происхождение» также обнаруживается в структуре лексемы *blood*. ЛЕ *country blood* называет человека, имеющего темнокожих предков.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира/Ю. Д. Апресян//Семиотика и информатика. – 1986. Вып. 28. – С. 5–33.
2. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики/Д. Б. Гудков//Язык. Познание. Коммуникация: сб. статей/отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. – С. 39–51.
3. Кавендиш Р. Черная магия [Текст]/Р. Кавендиш; пер. с англ. А. Блейз. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2000. – 416 с.
4. Козак Н. Г. Лексико-семантична група «рослинний світ» у німецькій мові: діахронічний аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04/Н. Г. Козак. – Одесса, 2007. – 20 с.
5. Пименова М. В. Концептуальный мир – основа ментальности/М. В. Пименова//Образ мира в зеркале языка [Электронный ресурс]: сб. научных статей/отв. сост. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА, 2014. – С. 16–26.
6. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія/О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2010. – 844 с.
7. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: [підручник]/Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
8. Уилсон Р. А. Новая инквизиция/Р. А. Уилсон. – М.: Пересвет, 2001. – 240 с.
9. Skeat, Walter W. An Etymological Dictionary of the English Language/Walter W. Skeat. – Mineola, N. Y.: Dover Publications. 2005. – 662 p.

Norbaeva Shukurjon,
Senior scientific research investigator,
Urgench State University, Uzbekistan
E-mail: rahimovaguzal@rambler.ru

Names of substances belonging to professional lexis in Khorezmian dialects borrowed from Iranian languages

Abstract: The professional lexis in Khorezmian dialects is discussed and some hypotheses on the principles of naming them have been suggested in by this article.

Keywords and expressions: professional lexis, Persian-Tajik words, Khorezmian language, a dialect, borrowing, factors of borrowing, principles of naming

A number of research investigations have been done at Persian borrowings in Uzbek vocabulary stock they were explained by the terms of ‘Persian borrowings’, ‘Persian-Tajik words’ and ‘Tajik – Persian words’. Special attention

has been paid to the phenomenon in investigations at the lexis layer of Khorezmian dialects. While studying professional lexis layer of Khorezmian dialects taking into consideration the lexical level of the language, we found

out that the explanation of these words as from Persian origin or those might be called as ‘Persian borrowings’, ‘Persian-Tajik words’ and ‘Tajik –Persian words’ couldn’t justify fully itself. Khorezm being the region of crossroads of different ethnic groups, even there are several some professional terms of Iranian origin, they couldn’t be found in Persian and Tajik languages, besides, once Khorezmian language belonged to the western branch of Iranian languages, we prefer that such dictionary units should be called as ‘the names belonging to Iranian languages’. We can classify professional lexical units in Khorezmian dialects initially into the following groups:

- Names belonging to general lexis of the Iranian languages.
- Words common for all Iranian languages but differentiating in meaning.
- Names explained as the matter of Khorezmian languages.

In this article we discuss some words belong these groups in Khorezmian dialects.

Names belonging to general lexis of the Iranian languages

Padash. There are several words which can be called Iranian origin, but couldn’t be found in Persian dictionary, and this is the important fact that the word is the element of Khorezmian language. The word ‘padash’ is one of them. This word means the bottom leather has the collocation of ‘qayish padash’ which means bottom leather of thong.

At first one might say that the word is the wrong pronunciation of the Russian word ‘подошва’ which also means bottom leather in regional dialect. But in Khorezmian dialects the word is used in form of ‘padosh’ and it has been mainly used in recent years. We can see that it is not a Russian word, as, while explaining the meaning of the word “рынт” F. Abdullayev gave the following definition to it ‘the edge part of the leather sewn to the ‘padash’ (bottom leather) leather’. In Persian there is a word ‘padash’ (podosh) but it means ‘prize’, ‘punishment’. Even the form and pronunciation of words padosh in Khorezmian dialect and ‘padash’ in Persian similar they denote different notions. Persian ‘podosh’ originated from pakhnavian ‘pat dashin’ (therefore it has the version of ‘podashan’). Its first element ‘pati’ is a prefix, second element ‘dash (i)n’ means ‘prize’, ‘gift’. Therefore in modern Persian it saved the meaning of ‘prize’ and ‘punishment’. In Zoroastrian religion, the charities, serves, and gifts served on holidays were also called ‘dash (i)n’. In our opinion this word has the same root with ‘deh’ present form of the verb ‘dodan’ which means ‘to give’.

We can say that the Khorezmian word padosh has two constituent parts. The first element is ‘pa’ (po) which means ‘foot’, the second element is ‘dash’ which means ‘dish’, ‘jar’, ‘vase’, ‘mug’. The meaning of the word ‘dash’ here is the place of settling, the place. According to it the denotative meaning of the word ‘padosh’ is ‘the seat for the foot’. We can come across with the existence of the word ‘pa’ with the meaning of foot in Khorezmian language in the names of places such as ‘Voyxon’ In Khorezmian topology, the word ‘payapil’ (small bridge) also. Besides in Khorezmian dialects there is another collocation of the word padosh “palasmas padash” ‘bottom part of the footwear made of rubber’.

Peshkir//peshgil//peshgyr. These words are also considered as the words etymologically related to Iranian languages. Even F. Abdullayev explained that the word ‘peshkir’ means the carpenter’s apron and the word ‘peshgil’ means ‘apron’. These two words are the phonetic variants of the same word. A. Ishaev explained the word ‘peshkir’ as apron or lower part of the dress. As a separate word ‘pesh’ it can be used as apron part of the dress and barrier. As in the sentence “Хэмзэ шинелдинг пеши минен тутты.”

F. Abdullayev explains the word ‘pesh’- as the robe, apron of winter coat, apron. The word ‘pesh’ exists in modern Persian with the meaning of ‘front, foreground, previous the word existed in Khorezmian languages also. That was explained by Z. Dusimov in the studies of units of toponymy such as ‘pishkanak’ and he perceived that the formant of ‘pesh’ has special role in the study of geographical names in Khorezm. The second component of the word is ‘gir’ the stem of the verb ‘гирифтан’ means ‘to take, to handle, to hold’

It means that the word ‘peshkir’, or ‘peshgil’ means ‘holding in front’, ‘taking in front’. In Khorezmian dialects we can come across with the word ‘atashgir//atashkir-’ ‘аташкыр-аташгир’ which means ‘the steak used to move or dig the fire’. F. Abdullayev pointed out the ‘chuqmor, so’yil’ meaning of the word ‘peshgir’ which shows that the meaning is saved as “holding in front’, ‘taking in front” because in dangerous roads the crook or walking (“chuqmor or so’yil”) people walked taking the crook in front. In Khorezmeven in recent ages, there were jungles, reed-beds (with morass), or in general if we remember that the fauna was quite different from now, there was a need to take the crook or walking steak in front.

Rant. F. Abdullayev explained this word as in followings. 1. The part of the leather fastened to the ‘padash’ (bottom leather) [2]. Border or margin for the footwear.

At first the word meant and was used as the word denoting the tool or planer of the carpenter. But in originally, the Uzbek word 'randa' originated from the word.

'**Rant**' by adding the substantive forming suffix 'a', as in Uzbek words 'dast-dasta' [4]. It means that the meaning of "planer" of the word and its meaning in Khorezmian dialect has logical generality. On basis of the word **Rant** the collocations developed, such as "Rant pichoq" (the knife used to cut the edge of the leather), 'a: q Rant biyiz' (a kind of awl).

The analysis of words belonging to Iranian layer in Khorezmian dialects shows that considering these words as borrowing from Iranian languages is suspicious. For example, in Persian the word 'cho'p' (in modern Persian 'chub') which meant 'a wood, a tree', in Uzbek dialects means 'a small withered sprout of bush or branch of a tree'. In Khorezmian dialects the word is used with this meaning also. But the term word 'чоптраш' in Khorezmian dialects with the meaning of large thick knife with wooden handle shows that the word had the meaning of wood as in Persian. The dialect word combination 'chop mixi' which means 'wooden nail' can be an example to the point.

Reshpal- a dialect word means a file with large teeth. [1] Historically this word has two constituent parts. The first element is, '**rish**' which is connected with the modern Persian word denoting 'stem, tributary, root and beard' [8], the investigators correctly explained the relativity of the regional dialect word 'rash' which means the same as in Persian tributary of the canal or river [10]. The second component is verb '**bur**' or the present stem

of the verb '**buridan**' [10] which meant to tear, to pull out, to take, to cut. The word '**bur**' exists in the word '**kisavur**' (pickpocket). From dictionary point of view the word '**reshpal**' denotes 'the cutter of the odds higher than the flat level of the thing', 'the cutter of the rough parts' and the name of the tool originated to denote the function of it.

Pota. At present the word is used to denote a large shawl for women, usually made of fur or wool and also it has the collocations to denote the kinds of shawl, such as 'pukh pota', 'sheris pota'. According to F. Abdullayev, before 1950–60th it was used with the meanings of 'belbog', 'qiyiq' (waistband, small triangled kerchief) [1]. It has the same meaning as the main word 'fota' which A. Navai used in his literary works. Alisher Navai used the word 'fota' with following meanings: 1. a silk spire sash (sometimes it can be used to make turban as a headwear) [2]. A towel wound-round to lower part of the waist at bath-house.

In Persian futa (fute) meant turban, shawl, a large towel at bath-house, and the word 'muarrab' is its Arabic version.

In our opinion, the etymology of the word goes back to the Persian word 'pod' (pod). As a textile term word 'pod' denotes weft, woof, woof rope [8].

In order to express possessiveness to it, the suffix 's' was added and as result the word 'pota', 'poda'. In historical dictionaries of the Persian language the word was explained as the thread sewn on the dress across its width length. [12] At present the word 'fota (fute)' is used to denote the towel wound-round to lower part of the waist at bath-house in Persian.

References:

1. Абдуллаев Ф. Хоразм шевалари. – Тошкент: Ўзбекистон Фанлар академияси нашриёти, 1961.
  2. Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли луғати. – Тошкент: Фан, 1983.
  3. Бегматов Э. Ҳозирги ўзбек адабий тилининг лексик қатламлари. – Тошкент, 1985.
  4. Дўсимов З. Хоразм топонимлари. – Тошкент: Фан, 1985.
  5. Ишаев А. Из лексики узбекских говоров Каракалпакии// Вопросы тюркологии. – Ташкент: Фан, 1965.
  6. Ишаев А. Қорақалпоғистондаги ўзбек шевалари. – Тошкент: Фан, 1977.
  7. Мадраҳимов О. Ўзбек тилининг ўғуз лаҳжаси лексикаси. – Тошкент: Фан, 1973.
  8. Персидско-русский словарь. Том I, II. – Москва: Русский язык, 1983.
  9. Русско-узбекский словарь. Том 2. – Ташкент: 1983.
  10. Тиллаева М. Хоразм ономастикаси тизимининг тарихий-лисоний тадқиқи. ("Авесто" ономастикасига қиёслаш асосида): Филол. фанлари номз. дисс. автореф. – Тошкент, 2006.
  11. Усмонов С. Ўзбек тилининг луғат составида тожикча–форсча ва арабча сўзлар// Навоийга армуғон. – Тошкент: Фан, 1968.
- شمس الدين محمد بن خلف تبریزی . برهان قاطع . با اهتمام دکتر محمد معین . تهران . امیر کبیر . ۱۳۸۶ . جلد ۱ . ص ۲۲۸

*Pashayeva Gilekhanim Qasim qizi,
Nakhchivan department
of Azerbaijan National Academy of Sciences
doctoral student of Institute of Linguistic
E-mail: gilexanimashayeva@gmail.com*

Place names of Dereleyez magal in Russian scientific literature of the XIX and XX centuries

Abstract: The article is devoted to the historical and linguistic analysis of some place names of Dereleyez, which was historical Azerbaijani territory. Currently, part of the land is a part of Armenia. Therefore, the names of localities, inherent in our people over time, subject to change. To investigate these names should refer to historical sources. In this article, based on Russian sources of the XIX and XX centuries analyzes some place names of Dereleyez.

Keywords: Russian scientific sources of the XIX and XX centuries, Dereleyez, Bilek, Goytul, Arinc

*Пашаева Гиляханум Касум кызы,
Нахичеванское отделение
Национальной Академии Наук Азербайджана,
Докторант Лингвистического Института
E-mail: gilexanimashayeva@gmail.com*

Топонимы Дерелеезского магала в русских источниках XIX и XX веков.

Аннотация: Статья посвящена историко-лингвистическому анализу некоторых топонимов Дерелееза, который являлся исторической азербайджанской территорией. В настоящее время часть этих земель находится в составе Армении. Поэтому названия местностей, присущие азербайджанскому народу со временем подвергались изменениям. Чтобы исследовать эти названия следует обращаться к историческим источникам. В данной статье на основе русских источников XIX и XX веков анализируются некоторые топонимы Дерелееза.

Ключевые слова: русские научные источники XIX и XX веков, Дерелеез, Билек, Гойтул, Ариндж

Дәрәләуэз (Дерелеез) (Долина Алайаз) — название одной из древнейших территорий Азербайджана. Это название встречается в источниках средневековья. Тогда оно было названием административно-территориальной единицы и занимал большую территорию. В начале XVIII века был один из 14 районов (нахие) Нахичеванского санджага. Нагорная часть Шарура тоже входила в его состав [7, 132]. По Туркманчайскому договору между Ираном и Турцией Дерелеез был присоединен к России. После этого события начинается процесс переселения армян на эти территории. До переселения здесь 94% населения состояло из азербайджанцев, а 5,8% из армян. После переселения число армянских семей росло до 25,8%. По новому административно-территориальному делению Царского правительства в 1870 году

Дерелеезский магал был отнесен к Шаруро-Дерелегизскому уезду [7, 13]. В начале XX века, в то время когда армянские дашнаки были активными (1918–1920), начинается геноцид азербайджанцев на этих территориях. Коренное население Дерелееза было вытеснено армянами, они подверглись изгнанию. В годы Советского правления Дерелеезский регион без всяких на то оснований был передан Армении.

Дерелеезский магал находился на границах районов Басаркечяр (Варденис), Каранлык (Мартуни), Веди (Арагат), Сисян сегодняшней Армении и районах Седерек, Шарур, Бабек, Шахбуз, Келбеджер Азербайджана [3, 131].

На этих древних азербайджанских территориях топонимы, тюркского происхождения были искажены, утеряны и изменены армянами. Для изучения

и анализа таких названий следует обратиться к историческим памятникам, таким как «Исторический памятник состояния армянской области» И. Шопена (1852) и «Статистическое описание Нахичеванской провинции» В. Григорьева (1833), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1909), которые дают некоторые исторические и лингвистические сведения об древнетюркских топонимах данного региона. Рассмотрим некоторые из них.

В источниках XIX века Дерелеез отмечается как отдельный магал в Иреванской провинции. В начале XX века этот магал входит в состав Иреванской губернии как Шарура-Дерелегизский уезд. В русских источниках XIX века топоним отмечается в форме Дерелегиз [8, 16; 15, 66].

В. Григорьев в «Статистическом описании Нахичеванской провинции» пишет, что в конце прошедшего столетия (до 1790 года) Нахичеванская провинция была независимом ханством, которая состояла из округов Нахичеванского, Ордубадского, Мигри и Копана. После того как Нахичеванский хан Кербелай-хан был предательски задержан дядей иранского шаха и был ослеплен, Нахичеванское ханство утратило свою независимость. В последствии Нахичеванское ханство раздробилось еще на три отдельные округа: Нахичеванский, Дерелегизский и Ордубадский. [8, 49]. Автор отмечает что, в настоящее время Дерелегиз является одним из магалов Нахичеванского округа. В древности из Дерелегиза прошел торговый путь. Остатки разрушенного караван-сарая является доказательством этого факта [8, 23].

В «Статистическом описании Нахичеванской провинции» говорится о населении магала: «В нагорных же селениях, особенно Дерелегизских и Карабабинских правительством предполагает водварить переселившихся из Персии армян» [8, 16].

В «Историческом памятнике состояния армянской области» И. Шопена говорится, что Дерелеезский магал принадлежал Сиюнийской провинции [15, 258]. Эта территория упоминается у Страбона как Сакасена, у Птоломея как Сиратсена и Цакапена. И Шопен пишет, что сейчас Сиюния принадлежит России, охватывает Дерелегизские, Гекчайские округа и часть Нахичеванской, Карабахской провинций [15, 66].

В источниках XIX века даются только некоторые исторические сведения о Дерелеезском магале. А анализ топонима Дерелеез и попытка объяснить его значение встречается в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». Здесь Ф. Ган

в статье «Опыт объяснения кавказских географических названий» пишет, что топоним понимается как «горный хребет». По мнению автора, топоним состоит из слов *dar* — «узкий», *ala-* «пестрый» и *gəz* — «перевал» и означает «горный хребет с узким пестрым перевалом» и от этого перевала целый хребет получил название, а так же весь Шаруро-Дерелегизский уезд [13, 45].

В другом источнике XX века «Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края» К. Н. Смирнова топоним анализируется на основе слов *dərə* (долина) и *ələyəz* (элейез — это название растения). Автор объясняет слово как «долина, где растет растение элейез» [14, 51].

По мнению азербайджанского исследователя И. Байрамова, топоним образовался с помощью присоединения слов *dərə* (долина) и *alagöz*. И. Байрамов отмечает, что *alagöz* является тюркским этнонимом [3, 131].

По нашему мнению, топоним связан с растительным покровом данного региона. В Ордубадском, Шарурском, Ченберекском, Шахбузском диалектах и диалектах Южного Азербайджана *ələyəsi/ələyəz/ələz/ələzi* — это название дикого растения, похожего на порей (род луковичного растения) [1, 158]. Из этого следует, что название Дерелеез можно понять как «долина, где растет элейез».

Bilək (Билек) — являлся селом Дерелеезского магала Нахичеванской провинции. В начале XX века относился к Шерур-Дерелеезскому уезду Иреванской губернии [16, 74]. В 1920 году был ликвидирован. В данный момент это опустошённое село в районе Пашалы (Азизбеков, Вайк) [3, 66].

Можно предположить, что название произошло от слова запястье (билек), которое в древнем тюркском языке употреблялось в значении «приток реки» [9, 99]. В других тюркоязычных местностях это название встречается в виде Белек и не во всех этих местах есть речной бассейн. Например, на территории Турции (Анатолия) существуют места под названием Белек, Белекли, Белеклер [8, 127].

Можно выдвинуть другое предположение о названии места. Так как, слово *belek* — «подарок, дар» тоже может быть основой создания топонима. Это слово в «Древнетюркском словаре» указан как *bölək* [10, 117]. В истории имело место, когда земли, села дарили другому человеку за ее какую-нибудь заслугу. Поэтому, думаем, что село Билек Дерелеезского района названо таким образом, потому что был подарен кому-то.

Qoytul (Гойтул) — был зарегистрирован как село, которое в XIX веке относилось Дерелеезскому магалу Нахичеванской провинции [15, 498], а в начале XX века Шерур-Дерелеезскому уезду Иреванской губернии [16, 171]. В «Сводке Иреванской губернии» 1728 года и в «Пространной тетради Нахичеванского санджака» 1727 года название села был указан как *Гутйол* [2, 254]. Сейчас это село находится в районе Кешишкенд (Егегнадзор). В 1928–1930 гг. азербайджанцы были выведены из села. По указу 3.1.1935 года Президиума ВС Армянской ССР название было изменено на Гетап [3, 111].

Отметим, что Гойтул также название правого притока реки Арпачай, который течёт по этой территории.

Азербайджанский исследователь И. Байрамов считает, что название села образовалась с помощью присоединения слов *koy* (>*qoy*) и *tur*. *Koy* в древнетюркском языке обозначает «дно оврага», а *tur* употребляется в значении «подкреплённое обиталище, крепость», «огороженный холм» [3, 111].

Есть вероятность, что слово *qoy* связано со словом *kand* — село. Так как, это слово встречается в топонимике тюркоязычных народов в форме *koу/köу/kuеу/ku*. Например, в Крыме Джанкой, в Балкаре Яныкой, в Болгарии Еникой, в Турции Кадыкёй, Богазкёй, Языкёй и др. [11, 282].

В источниках встречается также вариант Гутйол. В таком случае, название территории надо разбирать, разбивая слово на компоненты *qut* и *yol*. О слове *qut* было сказано несколько интересных теорий. М. Сейидов пишет, что гут маленький бог-идол, сделанный из дерева. Тюрки носили его на себе. А. Фарзали отмечает, что «Гут» украшают красной тканью. Исследователи считают, что такие имена как Горгут, Баргут, Теленгут, Тангут, Мангут, Килингут, Уймагут, Шангут были образованы именно на основе этого слова [4, 21]. Аладдин Эйвазлы считает, что компонент «гуз» слова огуз также происходит от слова «гут» [4, 38].

Таким образом, у тюрков слово *qut* обозначает «святую вещь». Думаем, что Гутйол употребляется в значении «священный, высший путь».

Ərinc/Arinc (Арындж/Ариндж) — в XIX веке в магалах Нахичеван и Дерелеез Нахичеванской провинции и в магале Гырхбулаг Иреванской провинции располагались села Эриндж [15, 489; 8, 172]. В начале

XX века в Нахичеванском, Шерур-Дерелеезском, Иреванском уездах Иреванской губернии существовали три села Эриндж. В источнике 1590 года указывается как Эриндж, в «Сводке Иреванской области» — Эрсиндж, в «Пространной тетради Нахичеванского санджака» — Эрнидж [4, 238; 255], в 5-ти верстной карте Кавказа — Ариндж [16, 53]. Название села упоминается с XIII века [3, 147]. В настоящее время это село Шерурского района. С 2003 года официально был назван Айрындж.

В. Григорьев, говоря о составе сельских жителей, сообщает, что жившие здесь татары были переселены в Гурамешин [8, 145]. Несмотря на то, что исконными жителями этой местности являются азербайджанцы, в 1828–30 гг. переселенные из Ирана армянские семьи оказывали давление местному народу, а также выгоняли отсюда азербайджанцев [4, 105].

Есть несколько мнений о значении топонима. Азербайджанский исследователь И. Байрамов указывает, что образование топонима связано со словом *erinc*, которое в тюркском языке употребляется в значениях «прочный», «сила», «крепкий», «богатство». Он отмечает, что если, учесть закономерность звуковых замен е~э, ç~с, то можно прийти к выводу, что Ариндж видоизменённая форма слова эринг [3, 147].

В русскоязычном источнике начала XX века Н. К. Смирнов связывает топоним со словом *arinc* (*ариндж*) — «локоть» и пишет, что село примыкает к горе, словно похоже на локоть [14, 50].

В древнетюркском словаре указано, что слово *erinc* употребляется в нескольких значениях. Из них — значение «тишина, хорошее настроение» может быть основой образования топонима [10, 178; 179]. Думаем, что название села может быть растолковано как «тихое место, создающее хорошее настроение».

Отметим, что изучение топонимов Нахчивана, особенно той части этого региона, которая после 1920-го года был передан Армении всегда является актуальным. Потому что многие из этих топонимов тюркского происхождения с целью стереть следы азербайджанского народа с этих земель были изменены, многие деревни разрушены и их названия утеряны вообще. В данной статье мы анализировали лишь малую часть этих топонимов на основе русских источников XIX и XX веков.

Список литературы:

1. Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti. Bakı, “Şərq-Qərb”, 2007, 568 s.
2. Vağırov A. N. Naхçivanın oуkonimləri, Bakı, “Nurlan”, 2008, 336 s.

3. Bayramov İ. Qərbi Azərbaycanın türk mənşəli toponimləri, Bakı, "Elm", 2002. 346 s.
4. Ələddin Eyvazlı. Naхçıvan qədim türk torpağıdır. Bakı, Elm, 2006. – 154 s.
5. Gulensoy T. Anadolu da moğolca yer adları ve Rumelideki izleri/Türk dünyası araşdırmaları dergisi. Nisan 1981, sayı 11, cilt 2., s. 126–131.
6. Mirzəyev H. Aşıq poeziyasında yaşayan adlarımız və tariximiz, Bakı, ADPU, 1997, 352 səh., s. 208.
7. Naхçıvan ensiklopediyası. 2 cildə. I cild (təkmilləşmiş və yenidən işlənmiş ikinci nəşr). Naхçıvan, 2005, 361 s.
8. Григорев В. В. "Статистическое описание Нахичеванской провинции". Санкт-Петербург: 1833.
9. Древнетюркская топонимия Средней Азии./Отв. Ред. М. Исхоков. – Т.: «Шарк», 2006, 192 с.
10. Древнетюркский словарь, Л., «Наука», 1969, 676 с.
11. Молчанова О. Т. Топонимический словарь гонного Алтая, Горноалтайск, 1979, 398 с.
12. Мурзаев Е. М. Словарь народных географических терминов. Москва: Мысль, 1984, 653 с.
13. Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа. Тифлис, 1909, вып 40, 699 с.
14. Смирнов К. Н.. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Баку, «Озан», 1999, 156 с.
15. Шопен И. Н. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. Санкт-Петербург, 1852.
16. Кавказ: географические названия и объекты. Альфавитный указатель к пятиверстной карте кавказского края/По книге Д. Д. Пагирев (1913). – Нальчик: Изд-во М. И В. Котляровых, 2007, 336 с.

*Rakhimova Guzal Yuldashovna,
Scientific supervisor,
Urgench State University, Urgench
Atamuratov Dilshod Alimbayevich,
student, Urgench State University, Urgench
E-mail: rahimovaguzal@rambler.ru*

The usage of English phraseological units and their functions

Abstract: This article analyzes the units of phraseology and their major functions with examples which are complicated to understand. Besides, plenty of explanations of functions are stated here according to experienced scientists' theories.

Keywords: nominative function, phraseological denominations, potential, pragmatic function, elements of the structure, neutrally-nominal, simultaneously, immediately, spatial.

In general function is a role which an element plays in activity of that structure, part of which it makes.

As to phraseological units they have the definite program of functioning which is predetermined by their essence itself as A. V. Kunin puts it. Some functions are constant, i. e. inherent in all phraseological units in any conditions of their realization; other functions are variable, peculiar only to some classes of phraseological units. Communicative, cognitive and nominative functions refer to the constant functions.

The communicative function of phraseological units is their ability to serve as communicative or message means. Communication presupposes a mutual exchange of statements, and message presupposes the transfer of information without a feedback with the reader or the listener.

The nominative function of phraseological units is their relation to objects of the real world, including situations, and also replacement of these objects in speech activity by their phraseological denominations. The filling of lacunas in the lexical system of the language is characteristic of the nominative function of phraseological units. This function is peculiar to the overwhelming majority of phraseological units, as they do not have lexical synonyms. The sub-kinds of the nominative function are neutrally-nominal and nominal functions.

The neutrally-nominal function is the basic one for phraseological units, for example, *brown paper*. At realization of such phrases in communication the fact of a designation of the object is important, and not the stylistic use of the phrase. The nominal function is also characteristic for semantically transferred phraseological units (idiom-

atisms and idiophraseomatisms), but it is not neutral, it is stylistically marked.

Function which is closely connected with nominative function is the cognitive function, that is the socially-determined reflexion of objects of the real world mediated by consciousness, promoting their cognition. The social determinacy is shown in the fact that though potential phraseological units are created by separate individuals, these individuals are part of the society, and the realization of the cognitive function by them is possible only on the basis of previous knowledge.

«The process of cognition also includes such forms of cogitative activity, as foresight, fantasy, imagination, dream, intuition...». Cognitive and nominative functions are realized within the limits of communicative function, forming a dialectic unity, and all other functions are realized within the limits of the given functions. The hierarchy of the functional aspect of the phraseological system is shown in it.

The semantic functions are voluntative (from Latin *voluntas* – will), deictic, resultative, etc.

The voluntative function is the function of will expression. E. g.:

Wish smb well — to wish good luck, success to smb, to treat smb benevolently:

I wish Jane Fairfax very well; but she tires me to death (J. Austen).

Deixis is... an indication of spatial or time localization of the action, phenomenon, event which is relative to the reference point, relevant within the limits of one or another speech situation.

Besides, personal deixis exists. A person, a place or time can be the reference point. According to this fact three types of **deixis** are singled out: personal, spatial and time ones.

Personal deixis.

E. g.: *at second hand* — by hearsay:

If I would govern this country wisely, I must be posted in the details of its life, and not at second hand, but by personal observation and scrutiny (M. Twain).

In the given example the reference point is the speaker himself.

Spatial deixis.

«Under the deictic way of the designation of space the description of the site or direction of movement of the object relative to some centre of the information is meant, to which the semantic indication is realized by the word» And by the phraseological unit, as A. V. Kunin puts, e. g.:

Show a clean pair of heels — to leave, to get away, to bolt:

It was evident that Captain Butler feared the worst, for he crowded on all canvas and it seemed for a time that he would show the strange ship a clean pair of heels (Gr. Greene).

In the given example *the strange ship* (the vessel which is near at hand) is the reference point.

Time deixis.

Wait to see which way the cat jumps — to wait how the events will develop; to trim the sails to the wind; to wait, whence the wind will blow:

We others never know what you English will do. You always wait to see which way the cat jumps (J. Galsworthy).

In the given example the time reference of the phraseological unit is that of the future.

At once — simultaneously, immediately:

Everyone was trying to talk at once and no one seemed to know or care what the other person was attempting to say (E. Caldwell).

The phraseological unit designates simultaneity.

Have had one's day — to go out of date, to know better days:

Mrs. Appleby: ... I've had my day and I've enjoyed it. It's only fair to give others a chance now (W. S. Maugham).

The phraseological unit designates precedence. There are also other kinds of time deixis.

Resultative function — a designation of the reason which has caused an action or a condition which is expressed by a phraseological unit.

Come a cropper — to fail, to get to a trouble:

Gerald: I may as well tell you at once that I've had very bad luck. I wanted to make money and I've come an absolute cropper (W. S. Maugham).

The major function of any unit of language including the phraseological unit is the pragmatic function, i. e. purposeful influence of a language sign on the addressee.

The pragmatic orientation is peculiar to any text which influences phraseological units used in the text, and that is promoted by their considerable pragmatic potential.

Phraseological units strengthen pragmatic orientation of the text or its part — a context.

From this point of view the sub-kinds of pragmatic function are stylistic, cumulative, directive, valuative and summarizing functions.

The stylistic function is a special, in comparison with neutral way of expression, purposefulness of language means for achievement... of stylistic effect with preservation of the general intellectual content of the statement. The stylistic function realizes in speech connotative features of a phraseological unit. In the language there is

only stylistic coloring. The idea about it is given by marks and comments in stylistic dictionaries which, unfortunately, are still far from being perfect. Comparison of a phraseological unit with its variable prototype also helps to reveal stylistic colouring.

Developing, on the Russian material, the phraseological theory in its functional-semantic aspect, S. G. Gavrin singles out some functions of phraseological units. These functions are peculiar also to English phraseological units:

1) the expressively-figurative function (*catch at a straw; forbidden fruit*, etc.);

2) the emotionally-expressional function (*damn your eyes!; go to the devil!*);

3) the function of speech concision by omitting some components (*do not count your chickens!* instead of *do not count your chickens before they are hatched*).

Proverbs, especially short ones, even not of the reduced kind, carry out the function of speech laconisation, for example, *prevention is better than cure — action taken to prevent an illness, dangerous event, etc., from taking place is wiser and more useful than any action that is taken to reduce its harmful effect (LD)*. It is evident, that the definition is almost five times longer than the proverb itself.

The semantic compression, characteristic for phraseological units, is one of the displays of language economy.

All these functions, and also the function of hyperbolization and intensity are sub-kinds of the stylistic function.

The cumulative function is peculiar, for example, to proverbs. They are generalization of life experience of the people.

With the cumulative function «one more, the second function is closely

connected — directly managing, directing, influencing, and in separate prospect

bringing up, forming a person. We named it directive.

Examples of proverbs with the directive function can be the following: *as you brew, so must you drink; cut your coat according to your clot; look before you leap*, etc.

The summarizing function of a phraseological unit consists in the fact that it is the short resume of the previous statement, e. g., *that's flat* (coll.) — it is definitively solved, resolutely and irrevocably: *Well, I will not marry her: that's flat* (G. B. Shaw).

Summarizing function in a context is characteristic of many proverbs, for example, *all's well that ends well; in for a penny, in for a pound*, etc.

Pragmatic character is also carried by the evaluative function.

A kind of the pragmatic function is the contact-establishing function consisting in creation of easy dialogue between the author and the reader or the listener, and also among the characters themselves.

Introducing a luxury car that will not take you for a ride. The given advertising heading concerns the car, and two meanings of the phraseological unit.

«takesmb for a ride» are played up —

1) to kill, finish off smb;

2) to inflate, deceive smb.

Proverbs are often used in the function of confirmation of a thought. It is also one of the sub-kinds of the pragmatic function.

It is an ill bird that fouls its own nest — «only the bad bird defiles the nest»:

Augustus: ... Do you mean to say, you scoundrel, that an Englishman is capable of selling his country to the enemy for gold?

The Clerk: Not as a general thing I would not say it, but there's men here would sell their own mothers for two cop-pers if they got the chance.

Augustus: ... It's an ill bird that fouls its own nest. (G. B. Shaw).

Interjectional phraseological units can carry out the compensatory function which is realized in the description of strong sincere emotional experience, affect, when speech of the subject is complicated and an interjectional phraseological unit is the only content of the whole remark.

Oh dear — my God:

Jimmy: They did not say much. But I think she's dying.

Cliff: Oh, dear (J. Osborne).

The text-building (or the context-building) function is characteristic of phraseological units at their realization. For the first time the question concerning text-building functions of phraseological units was raised by I. I. Chernysheva.

«Under text-building factors of phraseological units we mean realization of linguistic properties of the given language signs allowing them, equally with grammatical and lexical means of language, to create those links in structure of the text which are elements of the structure and in certain cases also binding means of fragments of the text».

The proposition that phraseological units can be binding means not only of contexts, but also context fragments is lawful.

References:

1. Kunin, A. V. 'Frageologija sovremennogo angliyskogo yazika. Moskva. 1972.
2. Kunin, A. V. Kurs fraseologi I sovremennogo angliyskogo yazika. 2-e izd. pererab. Moskva: Visshaya Shkola. 1996.
3. Маматов А. Э. Ҳозирги замон ўзбек адабий тилида лексик ва фразеологик норма муаммолари. – Тошкент, 1991. – 274 б.
4. Расулова М. И. Основы лексической категоризации в лингвистике. – Ташкент: Фан, 2005. – 268 с.
5. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988. – 90 с.
6. Юсупов У. К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Т.: Фан, 2007. – 123 с.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 1984. – 942 с.

*Matmuratova Gulchehra Tillayevna,
teacher of English language and literature Department,
Urgench State University*

*Ochilova Dilorom Alisherovna,
student of English language and literature Department,
Urgench State University*

*Saparbaeva Gulandom Masharipovna,
Senior teacher of English language and literature Department,
Urgench State University*

E-mail: rahimovaguzal@rambler.ru

Social and Linguistic peculiarities of Taboo

Abstract: This article is dealt with the concept of taboo in English and its social and linguistic peculiarities. The impact of taboo on speech style is defined from linguistic point of view as a lexical mean of expression of thought. The nature of the taboo is explained basing on the leading theoretical conceptions by scientists.

Keywords: **taboo**, prohibition, community, universal taboos, supernatural, dangerous words, signify, forbid, social constraints

The English word 'taboo's traced back to Tongan tabu or the Fijian tabu. These words usually mean "not allowed", or "forbidden". In its current use in Tonga, the word tapu also means "sacred" or "holy", in the sense of being restricted or protected by custom or by law.

The use of the word taboo drawn from 'tabu' or "Tapu" means "not allowed". It dates back to 1777 and an English explorer, Captain James Cook, went to a place he named "the Friendly Islands" (now Tonga). Writing about the Tongans, he wrote: "Not one of them would sit down, or eat a bit of anything ... On expressing my surprise at this, they were all taboo, as they said; which word has a very comprehensive meaning; but, in general, signifies that a thing is forbidden ... When anything is forbidden be eat, or made use of, they say, that it is taboo. (Cook, 1812, p. 676).

A taboo is a vehement prohibition of an action based on the belief that such behavior is either too sacred or too

accursed for ordinary individuals to undertake, under threat of supernatural punishment. Such prohibitions are present in virtually all societies. The word has been somewhat expanded in the social sciences to strong prohibitions relating to any area of human activity or custom that is sacred or forbidden based on moral judgment and religious beliefs. "Breaking a taboo" is usually considered objectionable by society in general, not merely a subset of a culture.

Taboos can be found in words, gestures, topics, social and cultural behavior, body language and personal space. The Oxford English Dictionary defines them as 'Prohibition... generally of the use or practice of anything and in linguistics as a total or partial prohibition of the use of certain words, expressions, topics, etc., esp. in social intercourse'.

J.J. Varbot defined taboo and he observed that the word taboo has two meanings in our era:

1) Religious prohibition of primitive people, that is to avoid harmful consequences

2) The prohibition of using words relating to social, economic, historical, cultural or ethnic condition.

Bloomfield wrote the linguistic view of taboo. He determined 3 situations of prohibition:

1) Religious terms: In English God, devil, heaven, hell and other terms are only used in religious speech. In ordinary cases, other words are used in place of them.

2) Impolite words. For instance: the prohibition of usage of words relating to feces.

3) Some terrible diseases or dangerous words related with taboo. For example: to die.

I. S. Kon defined taboo as social and cultural prohibition combined with religious sanctions. Crystal (1992, p.381), believes that taboo words mean words which people may not use without causing offence, because they refer to acts, objects or relationships which are widely felt to be embarrassing, distasteful, or harmful.

“Taboo is a cultural or religious custom that forbids people to do, touch, use or talk about a certain thing” (Oxford dictionary, 2000). “Taboo words are the words that are often considered offensive, shocking or rude, e. g. because they refer to sex, death, the body or race” (Oxford dictionary, 2000). Taboo can be considered as a prohibited behavior believed insulting to some people or to the society as a whole. There is no language without taboo words (dirty words) in the world. Some expressions that are considered as taboo and may elicit embarrassment or offence to people in one language may be used naturally by people in other languages. Taboo is a prescription of behavior that affects everyday life (Allan & Burridge 2006). Taboos arise out of social constraints on an individual’s behavior that might cause discomfort, harm or injury. Taboo is a community’s way of managing risk. These perceived risks range from metaphysical (fear of incurring the wrath or a lack of protection from the divine), to physical risk, with fears of disease and contamination. These attributions of risk often lead to taboos that constrain behavior associated with the sacred (prescribed behaviors around religious objects and rituals). Such behaviors may become ritualized and/or become defining of belonging to or being ‘other’ to a community, as with the Jewish prohibition

against eating pork, which defines believers as ‘clean’ and as belonging to the community, or being foreign and

other (c. f., Douglas 1970). Prohibitions within a culture may also lead to other, lesser forms of taboo associated with etiquette, and conversely with social ostracism or censure. Speech behaviors are one response to taboo subjects, where language use becomes shaped by fear or distaste. There are traces of taboo deformations, avoidances and omissions of speaking of certain topics, in many languages.

Importantly for us, taboos vary from culture to culture. For example, the subject of how much you earn is taboo in the UK but not in other cultures, whereas homosexuality is a subject many British people are comfortable with, but a clear taboo in many other countries. Taboos change as societies change, so topics such as divorce and depression and illnesses such as cancer and AIDS may not be as taboo as they used to be (interestingly, almost no universal taboos have ever been identified, but many are shared by almost all cultures — incest, patricide and cannibalism are three examples).

In Uzbek language people try to avoid taboo in daily life. Taboos may occur in the family, at school or university. For instance, at table a young person must not begin eating unless an old person eats. This action is considered taboo in our country. In our family affairs, a new daughter-in-law must not speak to the family members, especially to the elderly people in a loud voice. Some of them avoid speaking their father-in-laws. This process may even last for years. In the family the daughter-in-law should bow to the elderly people of the family. This action is the sign of respect to them. If she does not do that, then it is considered taboo. According to our culture, children must not thou their parents. But it is not taboo in other countries.

We may come across taboos at school or university life. In our country there are certain rules for pupils and students how to behave themselves in educational institutions. For instance, learners must not chew a gum during the lesson. At the

beginning or at the end of the lesson they should stand up in order to show their respect to their teacher. In the classroom they should sit at desk according to the norms of conduct. However, these actions do not coincide with those of foreign countries. If the students break these rules, it is a taboo in our country. But it may be normal for other countries.

References:

1. Lieber, R. and Stekauer, P. (ed.) *The Oxford Handbook of Compounding*, Oxford University Press, Oxford, 2009.
2. Horecky J. ‘An onomasiological interpretation of word- formation’, *SKASE*, vol. 4. P. 21–7., 2007.
3. Stekauer P. *An Onomasiological Theory of English Word- Formation*. Amsterdam: John Benjamins., 1998.

Cenaj Mirjeta,
Sports University of Tirana,
Phd student, Faculty of Foreign Languages,
Tirana, Albania
E-mail: mirjetacenaj@yahoo.com

Reconsidering translation as a learning tool in the ESP classroom

Abstract: Translation as a learning tool was abandoned together with grammar translation method of teaching, being regarded as an approach that does not foster communication in the language classroom. The case study aims to shed some light on the preferences of sports students on the use of translation in the ESP classroom. Moreover, it aims to identify if translation activities are used as a teaching strategy to facilitate and improve English language skills by ESP teachers in Albania. The study was conducted at Sports University of Tirana and the data on students' preferences were gathered through a questionnaire. Some English teachers were also questioned about the use of translation when teaching their classes. The data were then processed and the results revealed that students use translation in one way or another, directly or indirectly, when they are learning English and they find it very useful. All the data from both questionnaires show that translation is not at all abandoned or unusable in the language classroom, especially in the ESP classes.

Keywords: translation, translation activities, ESP teachers.

Introduction

The use of translation activities in the language classroom raises controversies and debates, but is it really an abandoned approach to language teaching? The case study aims to find out if sports students use direct or mental translation in the ESP classes. Moreover, it aims to identify if translation activities are used as a teaching strategy to facilitate and improve English language skills. The study was conducted at Sports University of Tirana and the data on students' preferences and opinions were gathered through a questionnaire. Some English teachers were also questioned about the use of translation in their classes.

Theoretical background

Translation prevailed and is associated, as its name shows, with grammar-translation method. However, with the upcoming of the modern teaching methods especially with the one mostly favored nowadays i. e. the communicative language one which focuses only in the target language and studying and learning in the medium of it, by excluding totally the mother tongue. The first method is criticized and considered as one which did not help students become fluent or efficient communicators, rather its aim was to learn the target language system by comparing it to the native language. As translation was one of the key activities practiced and utilized to achieve the aim, it is blamed as being "uncommunicative, boring, pointless, difficult, and irrelevant" [1]. On the other side,

students or learners occasionally need translation as it provides a sense of security and a more direct way to confirm their understanding of many grammar points or vocabulary items, in particular cultural differences usually encountered in the foreign language courses. As there are critics towards translation, there are also supporters who think that translation can be used in the ESL, EFL or ESP classroom as a tool to improve the learners' four language skills. According to Duff [1] 'Translation method develops three qualities essential to any language learning: accuracy, clarity, and flexibility'.

Some foreign language teachers and linguists consider translation as the fifth language skill besides listening, reading, speaking and writing. However, translation cannot be approached in the same way with students of different proficiency levels. As Ross [2] states "Translation holds a special importance at an intermediate and advanced level: in the advanced or final stage of language teaching, translation from L1 to L2 and L2 to L1 is recognized as the fifth skill and the most important social skill since it promotes communication and understanding between strangers".

Regardless of the teaching methodology employed by the teacher, students use it in one way or another and at different amounts. "No one is in any doubt that students will use their L1 in class, whatever teachers say or do" [3]. There are some reasons why students use translation: one straightforward reason is that translation is

provoked by the activity, i. e. if students are linguistically incapable of activating vocabulary for a chosen task. Another reason is that translation is a natural thing to do in learning a language, and code-switching between L1 and L2 is regarded as naturally developmental. The amount of L1 use by particular students may well have to do with differing learner styles and abilities and according to Harmer “No one is in any doubt that students will use their L1 in class, whatever teachers say or do”.

According to Mattioli [4] “...rigidly eliminating or limiting the native language does not appear to guarantee better acquisition, nor does it foster the humanistic approach that recognizes learners’ identities”. Teachers should make appropriate use of translation as a teaching tool and when using it they should consider many linguistic aspects: grammar, syntax, collocation and connotation but it cannot disregard cultural and context aspects.

Aims of the study

The present study aimed to find out if students find useful the use of translation while they are studying ESP, and for which of the activities do they mostly use direct or mental translation. Another aim of the study was to find out if EFL and ESP teachers in Albania use translation activities in the language classroom and to which

amount, as well as to find out if there are any language aspects for which they need to use L1 or the native language respectively Albanian.

Methodology

The study gathered the data through two questionnaires addressed to students and teachers, which were statistically processed. The respondents of this questionnaire are 36 first year students at Sports University of Tirana and 18 English lecturers at different faculties and universities in Tirana, Albania.

The students were asked two types of questions: the first type asked them to agree or disagree and in the other type they needed to choose between the 5 scales provided for them.

While the teachers answered to 6 questions by choosing one of the options given, which were different for each of the questions.

Results and discussions

The main aim of the questionnaires was to identify if translation and translation activities were used by both students and teachers in the language classroom.

Below are shown the statements, the student had to choose one of the five given options, and as the results show below most of the students have chosen to agree for the four statements.

Table 1.

Statements	totally disagree	I disagree	I am not sure	I agree	I totally agree
I think using Albanian in the ESP class helps me learn easier.	11.1%	16.7%	22.2%	44.4%	5.6%
When performing writing activities in English, I usually translate ideas from Albanian into English.	2.8%	5.6%	25%	52.8%	13.9%
When reading field specific materials, it is easier for me to translate from English into Albania than vice versa.	0%	2.8%	19.4%	58.3%	19.4%
While doing listening tasks I usually translate in my mind or silently what I listen.	2.8%	2.8%	16.7%	58.3%	19.4%

As the results in the above table show, most the students find the use of their native language in the ESP classes practical and as a facilitator of their learning process. The majority of them translate ideas or information

silently when performing writing, reading and listening tasks. Given their answers despite the fact that their teachers encourage or not translation they prefer using it while improving their other language skills.

Table 2.

No	Questions	Yes	No
1	Do you think that the terms you are studying will be useful in your future job or studies?	97.2%	2.8%
2	Do you find the extra materials helpful when learning sports terminology?	88%	11.1%
3	Do you think being provided only with the definitions of the new words is enough to understand them in full?	27.8%	72.2%

Students think that the terms that they are studying will be helpful and useful in their future studies and job

that is why teachers should use class materials especially prepared with subject specific content and as much as pos-

sible similar to authentic texts, documentations and other types of functional activities. Moreover, referring to the answers given by the students shown in Table 2 above, it becomes obvious that they do not need only definition of new terms they learn, that indicates they need various vocabulary strategies which could be applied through extra materials as the ones abovementioned.

Teachers' questionnaire

The majority of the respondent teachers use textbooks related to a specific field of study, meaning related to the field of study their students are majoring at. In this

way, the language materials introduce students with literature and linguistic materials which will better prepare them for their studies and future job. The ESP teachers all agree that in the ESP classes should be used specifically prepared materials which both present and offer practice for the students and their field of study.

About 39% of the respondent teachers usually use translation in their classes and about 56% state that they use translation activities but at a lower amount as it becomes obvious from the results in Table 4 below.

Table 3.

No.	In the course of your present teaching, do you use: (choose one option)	Respondents	Percentage
1	textbooks related to general English?	3	16.7%
2	textbooks related to a specific field of study?	12	66.7%
3	documentation used by students in their own field of study?	0	0%
4	materials you prepare yourself	3	16.7%
5	materials brought to the English class by the students themselves?	0	0%
6	In ESP classes materials and books prepared specially for that field should be used? (agree/disagree)	18	100%

Table 4.

No	In the course of your present ESP teaching, do you use translation?	No. of respondents	Percentage
1	Yes, I usually do that.	7	38.9%
2	Yes, but rarely.	10	55.6%
3	No, never.	1	5.6%

The majority, about 65%, of them have stated through an open question that they use translation at a

rate of 5–25% of their total teaching time as shown in Table 5 below.

Table 5.

No.	When you translate from English into Albanian, what are the aspects you tend to concentrate on?	Respondents	Percentage
1	grammatical structures/notions?	3	16.7%
2	lexical items?	14	77.8%
3	other?	1	5.6%

According to the answers given by the teachers, it is obvious that the aspect which mostly requires translation is the lexical one. What is important to mention at this point is that teachers should be careful not to give the idea that every grammatical structure and every lexical item can be translated literally into the other language. In the translation process they have to consider also the cultural aspect and also the specific context especially when dealing with sub-technical or technical vocabulary in the ESP classes.

Conclusions

Having considered and analyzed the feedback gathered by the questionnaires distributed to both

teachers and students, some conclusions can be drawn:

Firstly, all the respondent students use translation directly or indirectly, while performing other activities.

Secondly, teachers, too, think and actually use translation in their classes usually when dealing with specific vocabulary in the ESP course. Most of them state that they use translation occasionally and at an average about 25%.

In conclusion, both students and teachers do use it at various amounts. Thus, teachers should make use of translation activities appropriately to improve both the native and target language together with the other language skills basic to successful communication.

References:

1. Duff A. 1994. Translation: Resource Books for Teachers. Edited by A. Maley. Oxford: Oxford University Press.
2. Ross N.J. 2000. Interference and Intervention: Using Translation in the EFL Classroom. *Modern English Teacher*, No 9 (3). P. 61–66.
3. Harmer J. 2001. *The Practice of English Language Teaching*. Oxford: Longman.
4. Mattioli G. 2004. On Native Language Intrusions and Making Do with Words: Linguistically Homogeneous Classrooms and Native Language Use. *English Teaching Forum*, 42 (4), P. 20–25.

*Chumakova Kseniia,
Zaporizhzhya National University
postgraduate student, the Faculty of Foreign Philology
E-mail: enia85@list.ru*

Nationally specific verbalization means of “RAIL TRANSPORT” concept in American linguistic culture

Abstract: The research of nationally specific lexical units verbalizing “RAIL TRANSPORT” concept in American linguistic culture has been performed, structural and semantic peculiarities of the lexical units mentioned above have been defined.

Keywords: linguistic culture, culture-specific lexical units, concept, semantic derivation, metaphorization.

Undoubtedly, there is social and cultural influence on concepts formation in the consciousness of a certain nation representatives. According to N. D. Arutyunova, any cultural layer functions as a kind of an intermediary between an individual and the world [1, 3]. Such layer can be presented as the unity of traditions and religion, art and folklore, as well as values of the community where one lives. Modern linguistics increasingly focuses on the national sphere of concepts and worldview research [3, 280], which can be performed through the study of concepts ethnospecificity, in turn based on their culture-specific verbalization means research.

The **relevance** of current research attributes to the necessity of studying “RAIL TRANSPORT” concept nationally specific verbalization means in American linguistic culture, the analysis of which will, in turn, enable us to structure the mentioned mental unit in American world view.

Current research **object** are lexical units, which verbalize “RAIL TRANSPORT” concept in American linguistic culture. The **subject** is, in turn, represented by semantic and structural characteristics of the mentioned linguistic means.

The **material** for the study is represented by lexical units selected using the continuous sampling method from printed and electronic defining, ideographic, thesaurus, etymological and associative dictionaries as well as printed and on-line press, encyclopedias and reference

books on transport the total number of which comprises 3261 units.

The research **aims** to define structural and semantic peculiarities of the studied concept nationally specific verbalization means in American linguistic culture.

The aim requires the following **tasks** fulfillment:

- to analyze nationally specific means, which verbalize the researched concept in American linguistic culture;
- to define their structural and semantic peculiarities.

According to B. Whorf, individuals dissect the world using language and the received information is organized into concepts, or mentality units, which environ all their knowledge about the outer environment and inner world. People ascribe significances as they do, being “parties of a social agreement to organize the knowledge in this way”, following certain conventions and beliefs concerning the reality common for their language and cultural community [9, 213–214].

Basing on the theory of semantic fields, which can be used for concept study, we have carried out dictionary meanings semantic analysis of the lexemes verbalizing “RAIL TRANSPORT” concept in American linguistic culture, which has enabled us to refer the archiseme “transport” to the concept core. The circumnuclear zone is made up of such semes “movement”, “train” and

"infrastructure". Both, the core and the circumnuclear zone of the studied concept, are represented by words with the semes, which are the most abstract and not nationally specific, and, so, would be similar for different linguistic cultures. However, the lexical units belonging to the zones of close periphery, periphery and far periphery contain the semes which are attributed only to American nation. Such concept elements, being verbalized by language means, can be defined only through the study of nationally specific lexical units.

J. Locke considers that each language contains lexical units not having any equivalents in other languages, which can be determined by traditions and lifestyle [7, 226]. According to M. P. Kochergan, such lexical means exist in any language and comprise approximately 6–7% from the total number of lexis [2, 171–172]. Thus, extralinguistic realia characteristic for some national community are verbalized by linguistic means. This leads to the formation of lexemes, the meaning of which can be partly or totally absent in other languages, testifying the divergence of national linguistic-conceptual codes.

To carry out the analysis of nationally specific concept verbalizers semantic and structural peculiarities, we subdivide all of the above mentioned lexical units into the following thematic groups: 1) geographical (natural and artificial objects, which surround people, including infrastructural ones); 2) ethnographical (names of transport means, professions, tools, inventions); 3) artistic-historical (celebrations and venues, cultural institution); 4) administrative (lexical units representing unions, services, companies). It is also worth stressing that out of the studied 3261 lexical units, verbalizing the mentioned concept, we defined 293 culturally specific ones, which comprises about 9% from the total number.

Analyzing the "geographical" thematic group of culturally specific language units, we have come to the conclusion that the majority of them denominate rail and underground stations, for instance, *Lafayette Square (Metro Rail)*, *Utica (Metro Rail)*, *63rd station (CTA)*, *Chicago Union Station*.

The majority of such units is made up of only one toponym (the name of a street (*Pleasant Street*, *Carolina Avenue*, *Chiswick Road*) or square (*City Square*)) or the name of some institution, near which the station is located (*VA Medical Center*, *Science Park*, *Zoological Garden*). In case, some underground station is located between two streets, the name usually contains toponyms linked with a hyphen, for instance, *Tasker-Morris*, *Walnut-Locust*, *York-Dauphin*. Moreover, in some cases toponyms are followed by (*LaSalle Street Station*). A small number of

station names contain an ordinal number, which denominates a street name, followed by the noun "station" (*69th station*, *47th station*) or without it (*33rd*, *29th*).

Except the abovementioned structure, there are also such combinations as $Adj_1 + Adj_2 + N$, where Adj_1 and Adj_2 point out the level of importance and mention the location, and N is the noun "station", for instance, *Great Central Station*, *Grand Central Station*. Interestingly, some station names have one or even several synonyms. For example, *Baltimore & Ohio Railroad Station*, named after the cognominal railroad, is also known as *B&O Station*, *Chestnut Street Station* and *24th St. Station*. Such phenomenon occurred, due to the fact that after some station is renamed, some individuals keep using the old names or just prefer abbreviations.

Moreover, the mentioned thematic group includes rail bridges names and a small number of aqueducts. Among such verbalizers the majority has the structure $N_{1a} + (N_{1b}) + N_2$, where $N_1 + (N_{1b})$ is a toponym or antroponym, pointing to the location or person after whom the object is named, and N_2 defines the type of such object, for example, *Clio trestle*, *Ross Creek Bridge*, *Yancopin Bridge*, *Lyman Viaduct*, *Niantic River Bridge*, *Eads Bridge*, *Henry Ford Bridge*. Such structure as

$N_{1a} + (N_{1b}) + N_2 + N_3$ is also used, where N_{1a} and N_{1b} are topomymys, N_2 is either lexeme "rail" or "railroad", and N_3 determines the type of object, for example, *Louisiana Railroad Bridge*, *Quincy Rail Bridge*, *Sibley Railroad Bridge*, *Glasgow Railroad Bridge*, *Keokuk Rail Bridge*, *Kinzie Street railroad bridge*.

Only about 10% of the verbalizers from this thematic group contain some additional description of the structure, length, functioning system, appearance, such as: *Union Pacific Intermodal Bridge*, *St. Joseph Swing Bridge*, *Short Line Bridge*, *Soo Line High Bridge*, *Fort Madison Toll Bridge*, *Seven Mile Bridge*, *Stone Arch Bridge*, *Gimlet Pegrarn Truss Railroad Bridge*.

Additionally, the mentioned thematic group includes tunnels names. The majority of these verbalizers are word groups with the structure $N_{1a} + (N_{1b}) + N_2$, where $N_{1a} + (N_{1b})$ is a toponym or antroponym, and N_2 is represented by such lexemes as "tunnel", "tube", "pass" or "subway", for example, *Fort Mason Tunnel*, *Market Street Subway*, *Santa Susana Tunnel*, *Transbay Tube*, *Tennessee Pass*. In a very small number of cases the structure $N_{1a} + (N_{1b}) + Adj/N_2 + N_3$ is used, the first element of which is similar in its function to the first element of the structure mentioned above, Adj or N_2 provide some additional characteristic (purpose, importnace, etc.), and N_3 determines object type, for instance, *Anton Anderson Memorial*

Tunnel, St. Paul Pass Tunnel. It is also worth stressing, that during our research we found several shortenings, namely abbreviations, for instance, *J&L Tunnel* (from Jones and Laughlin Steel Company) or *PATH* (from Port Authority Trans-Hudson).

As for the etymology of the toponyms and antroponyms, which are part of verbalizers of the studied concept, we have identified lexemes of germanic origin (*Taft* from OE “toft”, *Sandwich* from OE “Sandwicæ”), celtic ones (*Duncan* from gaelic “donn”), roman ones (*Buzard*, from Old French “buisart”, *Sacramento* from Spanish) and a big number of lexemes which come from indigenous languages of the country (*Manhattan* from Algonquian “munahan” which means “island”; *Shepaug* from Tunxis, with the possible meaning of “great pond”). There are also lexemes of a mixed origin, for instance, *Brookville* (from OE “broc” + -ville, which is a frequently used suffix for toponyms, which came to the English language from Latin through Old French). Such etymological composition of lexemes, verbalizing the studied concept in americal linguistic culture, can be explained by extralinguistic influence of such factors as, history of the country and the multiethnicity of its citizens.

The mentioned thematic group also includes the names of railroads. All of such verbalizers can be subdivided into two subgroups according to their structure: a) 3–4 component word groups, the elements of which denote location, movement direction or railroad type (*Norfolk Southern Railway, Kansas City Southern Railway, Alamo North Texas Railroad, South Side Elevated Railroad*); b) word groups, one element of which is an abbreviation (*CSX Railroad* (from the name of Chessie System corporation), *BNSF Railway* (Burlington Northern Santa Fe), *The C&NC Railroad* (from Connersville and New Castle Railroad)).

Among the constituents of “ethnographic” thematic group, there are mainly means of transport nominations and classes, the majority of which is represented by numerical-alphabetic compounds, such as: *SDP40F, E60, 6000*.

A relatively small number of American rolling stock trains have their own proper name. We have identified among the mentioned names the following semantic groups: 1) animalisms: *Antelope, Badger Express, Beaver, Black Hawk, Wolverine, Skunk, Nightingale, Flamingo*; 2) those named after prominent personalities: *Will Rodgers, Asa Packer, H. P. Lowe Special, Miss Nellie Bly Special*; 3) those denoting the place of origin: *West Virginian, Bostonian, The Texan, San Diegan, Kansas Cityan, El Pasoan, Chicagooan, Illini*; 4) mythologisms:

Argonaut, Neptune, Mercury; 5) those, pointing to an extraordinary speed: *Bullet, Blue Dart, Blue Comet, Valley Flyer, Turboliner*; 6) those, which concentrate on the territory of running: *Buffalo Local, Bay Shore Special, Atlantic Limited*; 7) quality-service-oriented ones: *Santa Fe de Luxe, Night Diamond, Royal Blue, Mount Royal, De Luxe*; 8) religious ones: *Saint, Angel, The Missionary*; 9) the ones which invoke indigenous culture: *Tomahawk, Sioux, Shawnee, Narragansett, Navajo, Iroquois, Hawkeye*; 10) antropologisms (transferring individual’s function to the means of transport) *The Ranger, The Scout, The Chief, Super Chief, El Capitan, Statesman, Senator, Pacemaker, Xplorer*; 11) purpose-oriented ones: *Shoppers Special, New York Mail, Tourist Flyer, Mail Express*; 13) time-oriented ones: *Noon Flyer, Night Express, Louisiana Daylight, Morning Flyer*.

Interestingly, we have identified some joking equivalents for certain train names mainly used by railfans, but also seen in media and even professional sources at times. Being stylistically-marked, all the mentioned verbalizer constitute the studied concept periphery. Semantically, all of such verbalizers identified during our research can be subdivided into the following subgroups: 1) shape-imitating: *Aardvark, Alligator, Amcan, Winnebago, Toaster*, etc.; 2) color-imitating: *Zebra Stripes, Warpumpkin, Pepsi Can, Raccoon, Rainbow/Skittles consist/lineup, Ghost*; 3) funny transformations: *ALCOhaulic, Reefer, Big Mac*; 4) function-imitating: *Green Goat, Coal jimmy*; 5) diminutors (mainly using the word “baby”): *Baby Boat, Baby Tunnel Motor*.

The mentioned thematic group also includes procedures and everyday objects from the life of american railmen. Many of such verbalizers are connotative and are used mainly by professionals at work, for instance, during train blocking, railmen use such specific terms, which denote cars position or connection, as: *nose to ass* (a group of locomotives that are oriented in elephant style), *sisters* (adjacently numbered locomotives), *mother* (a locomotive that is paired with a slug), *cut* (a set of cars coupled together), *miniquad* (four permanently coupled ore cars). One more example of such specific verbalizers are color light signal names which come from gems names, for instance, *emeralds* (green colored signal lights indicating maximum allowable speed for that section of track or route) and *rubies* (red colored stop signal lights or a red aspect in conjunction with other colors).

Connotative names of professions and occupations also belong to the mentioned thematic group. For example, the compound noun *car knocker* is often used by professionals instead of the commonly used terms “rail-

road car repair-person" or "car inspector". The origin of the mentioned compound noun can be explained by the fact that checks are performed by "knocking" in order to identify malfunctioning through sound. What is more, the preference is given to the joking *lightning slinger* instead of the term "telegraph operator", railroad servicemen are frequently called *Gandy dancers* or *ground-hog*, railroad police officers have an offensive nickname *bull*, locomotive engineers are referred to as *hoggers*.

Such hobby as trains watching or studying is quite widespread in the USA. Thus, there are lots of nicknames for the proponents and opposers of such activities, for instance: *armchair railfan* (for fans who enjoy their hobby from the coziness of their homes), *roster shooter* (for people who are keen on taking pictures of trains and their number plates), *foamer* (for obsessed fans, from "foam at the mouth"), *NIMBY* (for opponents of the hobby, acronym from "not in my backyard").

The names of museums and cultural centers predominate in the group of artistic-historical verbalizers of the studied concept. All of such lexical means are 2–6 component word groups, the first element of which, is a toponym, denoting the location, the second element is a noun (or Adj+N), referring to the object such place is dedicated to, and the third element determines the type of institution, for instance, *Colorado Railroad Museum*, *Monticello Railway Museum*, *Boothbay Railway Village*, *Golden Spike National Historic Site*, *Oregon Electric Railway Museum*. Moreover, among the mentioned verbalizers there are phrase-type word groups, the first element of which is the object, which the institution is dedicated to, the second is the type of institution, and the toponym is linked to them with the preposition *of*, for example: *Railroad Museum of Long Island*, *Railroad Museum of Pennsylvania*, *Railroad Museum of New England*, *Trolley Museum of New York*.

Additionally, the mentioned thematic group includes a really small number of cultural venues. Structurally, the majority of them can be presented as 2–4 component

word groups, for example, *Historic Appomattox Railroad Festival*, *Amory Railroad Festival*, *Festival Express*.

The thematic group of "administrative" nationally specific verbalizers of the studied concept includes the names of organizations, companies and entities. Such lexical units are mainly 2–5 component word groups, which point to the purpose and territory of functioning, for example, *Association of American Railroads*, *American Association of Railroad Superintendents*, *American Train Dispatchers Association*.

This thematic group also includes the names of modern and historic rail transport producers. Among the mentioned verbalizers, quite a big number is represented with an antroponym (founder's/founders' name/names), for example, *Whitehead & Kales*, *John Stephenson & Company*, *G. W. Snyder*, *Michael Schall*. In some cases, the first element is an antroponym and the second one points to the purpose of company existence or/and its type, for example, *Altoona Machine Shops*, *Baltimore Car and Foundry*, *Huntingdon Car Works*, *Milwaukee Car Manufacturing Company*. It is worth adding that, many modern manufacturer's names include abbreviations, for example, *Harsco Corporation* (from *Harrisburg Steel Corporation*), *RELCO Locomotives* (from *Rail electric locomotive company*), *GE Transportation* (from *General Electric*), *Wabtec Corporation* (from *Westinghouse Air Brake Technologies Corporation*).

Overall, among the studied nationally specific lexical unit, verbalizing RAIL TRANSPORT concept in American linguistic culture, the majority are represented by word groups, which contain a toponym or an antroponym. A certain special attitude to indigenous Indian culture is characteristic for the representatives of American linguistic culture, which is proved by a big number of the studied concept verbalizers originating from Indian languages and dialects. Moreover, a big number of the lexical units we have studied belong to connotative words which function as synonyms for neutral lexemes.

References:

1. Арутюнова Н. Д. Вступление // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3–7.
2. Кочерган М. П. Загальне мовознавство: Підручник для студентів філологічних спеціальностей вищих закладів освіти. / М. П. Кочерган – К., 1999. – 287 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. – М.: "Academia", 1997. – С. 280–287.
4. Solomon B. *Electro-Motive E-Units and F-Units: The Illustrated History of North America's Favorite Locomotives*. MBI Publishing Company, 2011. – 160 p.
5. Solomon B. *North American Railroads: The Illustrated Encyclopedia*. MBI Publishing Company, 2012. – 320 p.

6. John H. White. *The American Railroad Freight Car; From the Wood-Car Era to the Coming of Steel*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1995, – pp. 156–159.
7. Locke J. *An Essay Concerning Human Understanding*. – London: “Everyman’s Library”, 1976 (1690), – 362 p.
8. Richard A. Petersen. *Hogger: From Fantasy to Fulfillment: a Locomotive Engineer Remembers*. – Lincoln: iUniverse, 2003, – 204 p.
9. Whorf B. *Language, Thought and Reality*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956, – 278 p.

*Shehu Isida,
Lecturer at Polytechnic University of Tirana,
Faculty of Mathematical Engineering and Physical Engineering,
Center of Foreign Languages
PhD Candidate in Linguistics
E-mail: isida_shehu@yahoo.com*

The importance of LSP and differentiation of word/term in a foreign language for engineering students

Abstract: The need to focus on language for specific purposes for engineering students who are required to learn a foreign language in Albania. LSP textbooks used at PUT to help students learn the terminology of their future profession in a foreign language. Concentration on terms and the importance of differentiating words from terms.

Keywords: foreign languages, LSP, words, terms, engineering students.

In Albania, the process of learning/teaching a foreign language has always been from the ‘90s of great importance for the youth and the students undergoing different qualifications and trying to enter the labor market. All students accomplishing a master or doctorate degree are required to have an internationally recognized certificate of English language. The standard used in classifying the linguistic competencies is based on the description of the common European Framework of References for Languages [1, 10–5.]

Learning foreign languages is essential, especially for the students of professional fields such as engineering who always have to stay updated with the latest engineering developments. All this information is acquired by means of foreign literature which is mainly found in English, even though Albanian students and specialists are well-acquainted to other European languages like French, German and Italian. When speaking of engineering student in Albania I refer to the students studying different branches at the Polytechnic University of Tirana (PUT) such as mechanical engineering students, geological engineering students, students of electronic engineering, telecommunication engineering, informatics etc. Apart from the professional knowledge and competencies in the specific fields of study, one other key quality or important component for

the students is good knowledge of one or more foreign languages.

The teaching/learning of foreign languages for specific purposes at PUT (Polytechnic University of Tirana).

The teaching of foreign languages at the Polytechnic University of Tirana is done for specific purposes since the target groups are engineering students. This is the reason why nowadays LSP textbooks are being used instead of other textbooks of general English. We as a Foreign Languages Center operating at PUT with over 20 years of experience are one of the state foreign languages center teaching English for specific purposes. Throughout the years, the center has tried to fully fulfill the needs and requirements of engineering students related to the acquisition of the foreign languages in conformity to their fields of study.

From general language teaching to LSP (Language for Specific Purposes).

It is obvious that in such fields of study, the teaching process of foreign languages is mainly concentrated on the teaching of vocabulary or more precisely, in the teaching of new terms related to their future profession. The first foreign languages being taught in Albania were Russian and English. Previously, the main activities concerning the teaching and learning of a foreign language were focused

on the vocabulary, teaching/learning of the new words. The students were very good at acquiring the vocabulary but needed more time and effort to put it into practice. They encountered difficulties in building sentences of their own in as well as using the new vocabulary in spoken language, communication. They were good at one of the four language competencies, reading, but not impressively good at the other very important language skill such as speaking, resulting in poor everyday communication skills let alone communication skills in supposed work environment in which they might be required to have a conversation with a colleague. But despite this the early years in which Albania, an ex-communist country, was exposed to the foreign cultures and languages, it was general language the one taught and learned at school/university. With the passing of time, the situation regarding the teaching of foreign languages changed. Nowadays it is professional language on which schools and universities rely on since the aim is to fulfill the needs of the students. Engineering students need to focus on and improve a foreign language that will help them with their communication skills in the work environment and their career. Thus, at PUT we focus on languages for specific purposes and in my case, as a lecturer of English language, it is ESP (English for Specific Purposes) or as some linguists name it Engineering English [2, 9–1] or Technical English (important to students of technical or vocational education). This is the ideal one to engineering students who want to learn how to use English in real-world engineering settings. We teach the English language used by a narrow group of people, the terminology of which is mainly understood by the professionals and sometimes not that clear to the non-professionals. Thus, it is the specialized lexicon, the terminology that distinguishes ESP or Engineering English compared to General English.

The implementation of Bologna Process and textbook changes in teaching foreign languages at PUT.

Albania adhered to Bologna process in 2003, thus it applied a new educational system by signing up the Bologna Accord and becoming a member of Higher European Educational Area. Among the many changes brought by the newly implied system such as the overall number of academic years per student, the three degrees of qualification (Bachelor, Master, and Doctorate) etc, was the adaptation of textbooks and methodology of teaching. The main purpose was to meet the students' needs and requirements. More specifically, previously at PUT, the teachers used general language textbooks in

English, Italian, French, German, Russian, even though they had general foreign language at high school. Regarding English, years ago, the Center of Foreign Languages at PUT used the Oxford University Press textbook 'Technology 1 & 2' by Eric H. Glendinning that used a technical English language ideal for students with a future career in technology. Nowadays, different engineering branches use English textbooks of the related field of study. For example, the branch of mechanical engineering uses 'Mechanics' [3, 5] (textbook) published by Express Publishing; electronic engineering uses 'Electronics' [4, 2]; Information Technology engineering uses 'Information Technology' [5, 3] textbook; the faculty of architecture uses 'Architecture' [6, 4]; the branch of electrical engineering uses 'Electrician' [7, 1] etc. 'Engineering' [8, 6] is the basic educational resource used in different branches of engineering for future engineering professionals and it consists of passages and exercises from almost all branches of engineering. The purpose of adopting the textbooks to the fields of study is to help the student get more acquainted with the terminology (each book contains 400 terms and phrases) of one's future profession and master one's communication skills in the classroom and in the future workplace with other engineers from different countries of the world.

All the above-mentioned textbooks consist of the four key language components: reading, listening, speaking, and writing but with changes in topics. For example 'Information Technology' addresses topics like computer components, web design, Internet Security etc; 'Electronics' textbook addresses topics like transistors, circuits, electrical safety etc. It is the use of professional language and exact terms that help the student use the foreign language for one's purposes.

It is essential to engineering students to learn and know the word or better say the terms of the related field of study in the foreign language being learned, in our case English. One learning ESP should get well-acquainted with the designation of the new objects or services in English so as to be able to understand a passage and discuss. The main activities undertaken in an ESP class regarding vocabulary are: matching of the word/terms with the definitions; putting the word/term in the correct sentence; replacing the word/term with other word/terms or definitions; placing words/terms next to pictures (very helpful in understanding very specific and complicated terms/word the concept or meaning of which cannot be fully understood by means of the definition). The students themselves (after being taught

general foreign language at high school) want to learn the terminology and expressions in the foreign language used in their specific field of study to help them for their future career.

The importance of differentiating words from terms for engineering students.

At a university level, especially a polytechnic one as PUT where I teach, we (lecturers and students) are no more concerned on Language for General Purposes since students have already covered that at the high school, but we focus on Language for Specific Purpose. During the English classes, it is necessary to stop and highlight the key words/terms of the passages and give the definition or provide the Albanian equivalent. What I have noticed is that sometimes students get confused and cannot distinguish words (a sound or group of sounds that express a meaning and form an independent unit of a language) [9, 7–1374] from terms (a word or phrase used as the name of something, especially connected with a particular subject or used in a particular type of language) [10, 7–1232]. As a guiding or explanatory material they use a professional and technical language, which to them is unknown. All this leads to misunderstanding and mistranslation of the passages.

One concrete case of mistranslation is the word/term **'conductor'**. As most of the words in English, even the word 'conductor' has many meanings: 1. 1. *A person who directs and the performance of a group of people playing or singing music, etc especially by standing in front of them and making gestures with her or his arms* (in Albanian 'dirigjent'), 2. *A person who collects fares on a bus* (in Albanian 'fatorino'). Whereas in the third meaning of the word we pass on to the terminological meaning of engineering used in the field of electricity. 3. *a substance that conducts heat or electricity* (in Albanian 'përcues' [I rrymes]'). Thus, in electrical engineering, the word 'conductor' is a term and it expresses one clear concept, that of a substance that conducts heat or electricity, and in this case it will be translated in Albanian only as 'përcues' not as 'dirigjent' or 'fatorino'.

The same is with the English word/term **'earth'**. When students encounter in texts the term earth they cannot translate it properly because they do not know that apart from the meanings such as Earth [U, sing] 1. *This world; the planet on which we live* (the Albanian

equivalent 'bota') 2. [U, sing] *land; the surface of the world contrasted with the sky or sea* (in Albanian 'toka') 3. [U] *soil* (in Albanian 'dhe'); 4 [U] *the hole of a wild animal* (in Albanian 'strofkë'), it expresses a clear concept in the field of electricity that is 5 [C usu sing] (esp Brit) (US ground) *a wire that provides a connection with the ground and completes an electrical circuit*, and as such it cannot be translated otherwise. The Albanian translation for this is 'tokëzim' and in the sentence below it should be translated as 'tokëzohen'. *The front metal panels must be soundly earthed- Panelet metalike ballore duhet tw tokëzohen mirw.*

The solution to this problem is to first let engineering students know that even when learning a foreign language in our case English, they should differentiate, just like they do in Albanian when they deal with a word or a term. They should be reminded that they are being taught professional English, not general one and apart from these, the most important thing is to encourage them to use bilingual terminological dictionaries (e.g. English-Albanian) of respective fields of study. It is terminology that engineering students concentrate on, even when learning a foreign language. By consulting the dictionary, they learn the term and the set phrases contributing thus to the enrichment and enlargement of the vocabulary and recognition of the Albanian equivalent. For example: earth resistance (rezistencë tokëzimi); earth tester (matës tokëzimi) [11, 8–141] etc.

Conclusions

The accurate teaching/learning of the terms and terminology when teaching/learning a foreign language for specific purposes lead to a good understanding of information and updates acquired by means of a foreign language in a specific field and most importantly it leads to an accurate and professional communication among engineering students in a class and among specialists (or future specialists) in a workplace. Thus, it is very important for engineering students learning a foreign language to be taught and learn LSP and consequently having excellent knowledge of the terminology of one's field of study in the foreign language being studied/learnt. They achieve a good understanding of the materials by differentiating common words used in general language from terms used in specific fields of study which express a precise concept, usually known only by the specialists of fields.

References:

1. Evans, E, Dooley, J, O'Dell, T – Electrician, Express Publishing. 2012.
2. Evans, E, Dooley, J, Taylor, C – Electronics, Express Publishing. 2012.
3. Evans, E, Dooley, J, Wright, S – Information Technology, Express Publishing. 2012.

4. Evans, E, Dooley, J, Cook, D – Architecture, Express Publishing. 2012.
5. Dearholt, J – Mechanics, Express Publishing. 2012.
6. Lloyd, Ch, Frazier, J- Engineering, Express Publishing. 2011.
7. Oxford Advanced Learners Dictionary, Oxford University Press. 1998.
8. Tomcini, A, Fjalori English-Shqip I radioelektronikes, Tiranë. 2004.
9. <https://www.asme.org/career-education/articles/teachers-academics/engineering-english-a-new-twist-on-esl>
10. <http://www.englishprofile.org/images/pdf/GuideToCEFR.pdf>

Section 2. Literature

*Ishonxanova Iroda Abduvakhitovna,
Senior teacher,
Department of Languages and literature of The Academic
Lyceum under Tashkent pharmaceutical institute,
E-mail: sadikovas@inbox.ru*

The works of Abdulla Kadiri — the pearl of Uzbek literature

Abstract: This article describes the disclosure of the Uzbek mentality in novel of A. Kadyri “Past Days” and the use of new teaching technologies in teaching the subject “Literature”.

Keywords: Conversation, pinbord, images, techniques, novel, short story, drama, poetry.

*Ишонхонова Ирода Абдувахитовна,
старший преподаватель, кафедры Языка и литературы
академического лицея при Ташкентском фармацевтическом институте,
E-mail: sadikovas@inbox.ru*

Произведения Абдуллы Кадыри — жемчужина узбекской литературы

Абстракт: В этой статье описано раскрытие узбекского менталитета в романе А. Кадыри «Минувшие дни» и использование новых педагогических технологий в преподавании предмета «Литература».

Ключевые слова: Беседа, пинборд, образы, методы, роман, повесть, рассказ, драма, стихи.

«Благое это дело, когда приступая к новому, оглядываешься на прошлое» — это слова известного узбекского писателя Абдуллы Кадыри. Народ очень любит и обожает его произведения. В семьях называют своих детей именами героев Абдуллы Кадыри. Как Эдуард Бертельс сказал, «В мире было пять школ романа, а именно: французская, русская, английская, немецкая и индийская». Абдулла Кадыри, как основоположник шестой — узбекской школы романа, создал шедевры узбекской литературы — романы «Минувшие дни» и «Скорпион из алтаря». Читатели снова и снова обращаются к этим произведениям. Любимые романы народа показывают красоту узбекского языка и народного менталитета. Давайте, обратимся к роману «Минувшие дни». В романе есть герой по имени Хасанали, которого Атабек считает духовным отцом. В первой части романа, когда Зия-шахичи и Рахмат навестили Атабека в караван-сарая, Атабек при них обращается к Хасанали.

«— Как вы себя чувствуете, отец?
— Слава Аллаху, — ответил Хасанали, — немного полегчало. Видимо, угорел я.
— Я хотел вас кое о чем попросить...
— Приказывайте, сын мой.
— Благодарю, отец, тогда вскипятите-ка нам чаю.
— Будет сделано, мой бек.
Хасанали вышел. Рахмат, вновь о здоровье Атабека, спросил:
— Бек-ака, кем вам приходится этот человек?
Атабек промолчал, затем взглянул на дверь и, убедившись, что старик далеко, лишь затем ответил:
— Это наш раб,
Что-то в этих словах заставило Хамида удивиться.
— Ваш раб?
— Именно» [1].
Из этого отрывка видно, что Атабек очень воспитанный человек. Он вежливо относится к старшим несмотря на то, что Хасанали их раб. Атабек даже

ждет, пока он уйдет подальше и ему будет неприятно слушать, что он прислуга. И только узбекскому народу очень близко такое обстоятельство.

Обратите внимание на этот отрывок:

«Прозрачная, чистая вода арыка текла очень равномерно, а достигнув Кумуш-биби, словно выражая ей свое почтение, описывала легкие круги и, будто бы замороженная чарами юной волшебницы, расширяла их на своей поверхности, чтобы вновь смиренно исчезнуть под мостиком. Долгое время наблюдая за бесконечным течением арычной воды, она зачерпнула ее в ладони и ополоснула лицо. Капельки воды, поцеловавшие ее лик, устремлялись вновь в арык, вызывая в нем волнение, словно в толще воды зрел какой-то заговор... и после второй-третьей горсти это волнение лишь усилилось...» [1].

О каком заговоре идет речь? Попробуем объяснить. Когда на текущую воду падают капли, то в воде появляются ямочки. Это обстоятельство писатель описывает так: Вода в арыке не хочет принимать капли, которые опускались с лица Кумуш. Потому что они повидели личико красавицы. Какое необычное описание...

В романе есть очень важный герой — мудрый, опытный и образцовый Юсуфбек хаджи. Он примерный человек и среди народа, и в семье. Теперь обратите внимание, как он обращается с Кумуш:

«Засмутившись, Кумуш едва смогла отдать «салам», затем, приблизившись, склонилась низко перед ним головой. Хаджи приласкал Кумуш, погладив ее по плечу, и поцеловал свою руку, которой коснулся лба Кумуш» [1].

Если мужчина хочет выразить своё уважение женщине, то он целует руку, коснувшись ее. Он даже называет Кумуш ангелом. Потому что Кумуш вела себя очень воспитанно и мило. Давайте прочитаем один эпизод с произведения:

«Хаджи подсел к изголовью Кумуш. Атабек с матерью сидели у ее ног. Глаза молодой женщины были закрыты, волосы в беспорядке разметались по лицу. Хаджи осторожно отвел их, увидел вздрагивающее от судорог посиневшее лицо и положил руку на лоб Кумуш.

Аим моя... Дитя мое! — говорил он. Кумуш, открыв глаза, заметалась и, узнав его, пыталась приподняться.» [1].

Представьте себе, что Кумуш приняла яд. Ей грозит смерть. Вот-вот может умереть. Но увидев свекра над собой, пытается встать, потому что ей неловко перед ним лежать. Какая стыдливость, какая честь...

Кумуш даже перед смертью становится стыдно от того, что она прижалась лицом к Атабеку.

«Глаза широко раскрылись. С тревогой и отчаянием она оглянулась по сторонам.

Мама... отец... — затем, — любимый... — простонала Кумуш. Потом прижалась лицом к лицу Атабека и, словно застыдившись, закрыла глаза.» [1].

Второе любимое нами произведение — «Скорпион из алтаря». Этот роман тоже считается историческим. В произведении показаны реальные исторические лица: Худаярхан, Амир Умархан, Разия-аим и другие. Писатель с большой любовью изображает своих героев. Когда говорит про Рано, он признается, что у него не хватит слов, чтобы нарисовать её портрет.

«... имя Рано вполне соответствовало ее красоте. Я не художник. Но если бы я был им, я не стал бы вам описывать ее наружность, а просто нарисовал бы ее — для этого понадобился бы только сок из цветка шиповника.

Салиха-махдума нельзя считать хорошим человеком, он корыстолюбец, скряга, но природа щедра: среди шипов распускается роза, ядовитая пчела собирает сладкий мёд. И вот на кусте, усеянном колючками, расцвел чудесный цветок — Рано.» [2].

Второй главный герой — это Анвар, который был приемным сыном Салиха-махдума. Он с большим уважением относится к учителю, всегда слушается его, не забывает его доброту. Также он показывает себя хорошим другом. Когда умер друг Насим, он завоевал уважение Мухаммада. В беседе Анвара с Мухаммадом Ражаббеком мы видим почтение Анвара к нему и к Салиху-махдуму.

«В последнюю ночь Мухаммед Ражаббек стал спрашивать Анвара:

— Как поживает ваш учитель?

— Слава богу, хорошо.

— Как идет ваши ученье?

— Ничего.

— Вы живете в доме своего учителя?

— Да, ваша милость!

— Не обижают вас там?

— Нет, ваша милость.

— Изучали ли вы математику?

— Нет, ваша милость.

— А ваш учитель знает математику?

— Думаю, что нет, ваша милость!

— Если я вам дам преподавателя, хотите вы изучать математику?

— Конечно, если разрешит мой учитель.» [2].

Каждый раз при чтении произведений Абдуллы Кадыри мы снова и снова находим красивые метафоры, глубокие мысли. Некоторые цитаты народ знает наизусть и при удобном случае произносят. Например: «Вы тот самый?», «Разумные люди не задумывают недостойного дела, если это касается их сына», «Оказывается, вот какая у нас невестка в Маргилане, а мы и не знали».

Жизнь и творчество Абдуллы Кадыри изучают на уроках «Adabiyot» в национальных группах и на уроках литературы в русских группах. Эти темы можно провести с помощью нескольких интерактивных методов. [3].

1. Беседа. Ученикам дается чтение романа «Минувшие дни» или «Скорпион из алтаря» как домашнее задание. На паре можно устроить беседу по героям романа. Учащиеся изображают своих любимых героев Атабека, Кумуш, Анвара, Рано, Юсуфбека хаджи, Мирзакарим-кутидар, Узбек-аим, Афтаб-аим, Зайнаб и другие. По эпизодам в произведениях они рисуют портреты этих людей. В беседе выясняются многие мелкие детали и незаметные стороны героев. Ученики стремятся понять то, о чем хотел сказать писатель. Абдулла Кадыри ни одного эпизода зря не использовал. Каждое его слово что-то означает.

2. Спор (bahs). Этот метод основан на изложении мнений учеников. Преподаватель дает спорные вопросы и ученики обсуждают их. Например:

1. Правильно ли поступил Атабек, поженившись без согласия родителей?
  2. Кроме Зайнаб, кто причастен к убийству Кумуш?
  3. Правильно ли поступили с Зайнаб?
  4. Можно ли одобрить вторую женитьбу Атабека?
  5. По вашему Зайнаб какой образ — положительный или отрицательный?
  6. Афтаб-аим должна ли была отпускать дочку в Ташкент?
  7. Как вы оцениваете образ Салиха-махдума?
  8. Правильно ли поступили Анвар и Рано, убежав в Ташкент?
  9. Мог бы не дать Салих-махдум согласие на предложение Худаярхана?
  10. Можно ли оправдать Абдурахмана?
  11. Оправдал ли Анвар надежды Салиха-махдума?
- Процесс занятия позволяет учащимся поделиться своими мыслями, впечатлениями в рамках определен-

ной темы. Дискуссии ценны тем, что позволяют думать, подробно рассказывать о собственных выводах, выслушивать разнообразные мнения других. Не зря сказано «В спорах рождается истина».

3. Пинборд (пин — прикрепить, борд — доска). С помощью этого метода обучения можно разделить произведения Абдуллы Кадыри по жанрам. На стикерах пишутся названия произведений.

Например, **стихи:**

1. «Свадьба»
2. «К моей нации»
3. «Задумайся»
4. «Наше состояние»

Рассказы

1. «На улаке»
2. «Развратник»
3. «Пир злых духов»

Романы

1. «Минувшие дни»
2. «Скорпион из алтаря»

Юмористические произведения

1. «Маллабой-ака из Гирвана»
2. «О чем говорит упрямый Ташпулат?»
3. «Из записной книжки Калвака-махзума»
4. «О чем говорит тетя Ширван?»

Драма

«Несчастный жених»

Повесть

«Абид-кетмень»

Ученики должны на доске сгруппировать эти названия по жанрам.

Также можно на листочках написать имена героев романов и распределить их на две группы.

1. Группа героев романа «Минувшие дни»:

Атабек, Кумуш, Зайнаб, Юсуфбек хаджи, Узбек-аим, Мирзакарим-кутидар, Афтаб-аим, Хасанали, Хамид, Садык, Мутал, Джаннат и другие.

2. Группа героев романа «Скорпион из алтаря»:

Анвар, Рано, Салих-махдум, Абдурахман, Султонали, Худаярхан, Нигор-ханум, Мухаммад Ражаббек и другие.

Также можно учащимся предложить разыграть маленькую сценку из произведений. Например, когда Анвар и Рано соревнуются в сочинении стихов.

Подводя итоги урока, необходимо отметить, что произведения А. Кадыри являются бесценным сокровищем узбекской литературы.

Список литературы:

1. Абдулла Кадыри «Минувшие дни» Т., «Sharq», 2009.

2. «Литература» для 8-класса, Т., «Узбекистан», 2010.
3. Кельдиев Т. Т. «Справочник абитуриента» Т., «O'qituvchi», 2012.

*Pavlyuk Khrystyna Bohdanivna,
Petro Mohyla Black Sea State University, Mykolaiv, Ukraine
Ph. D. in Philology, Associate Professor, Institute of Philology
E-mail: christine.pavluk@gmail.com*

Things that are saying: material world in lyrics of Ulla Hahn

Abstract: The article outlines the differences between female model picture of the world presented in the modern German poetry of the Ulla Khan. In particular, the features of the coexistence of I-identity and You-identity in the lyrical text through the prism of the world of things that appear by analyzing poems of William Hahn at lingo-poetry. It is noted in the following distinguishing features works of the poet as a bold game of ambiguity, the interpretation of traditional meanings and mental dominance over the flesh.

Keywords: female poetry, intertextuality, poetry 'new subjectivity', language of lyrical text, linguistic constructivism, artistic detail.

In view of engagement of insufficiently analyzed female names, among which Gisela Stock, Ulla Hahn, Friederike Mayröcker, Kerstin Hensel and others, modern theorists of literature consider revision of the so called canon an important task of the theory of German literature. In particular, the need of traditional presentation about literary practice is updated. The need of formation of parallel, non-marginalized history of female literature that is endued by its sense and aesthetic value, distinctive from the system of men's logic, is justified. The term *Fräuleinwunder* is a successful brand created in the USA, which is hardly considered a literary category.

This article focuses on poetic heritage of contemporary German author — Ulla Hahn, who follows the tradition of Ingeborg Bachmann and considers love an especial manner of writing, an especial language of her own poems. The hidden aspects of I-identity in her lyrical texts create subconscious, individual and intimate subtexts which can be enlightened with the help of detailed lingo-poetic analysis.

Ullan Hahn was born in Sauerland, in 1946. She grew up in Mannheim in working environment where education was not highly estimated. Her university studies at the University of Cologne included philosophy, history and sociology. After finishing the graduate school she taught literature at the Universities of Hamburg, Bremen and Oldenburg. For several years, since 1979, Ulla had been working as the editor at the radio station in Bremen. The recognition of her creative activity was rather late as she published her first collection of poetry 'Herz über Kopf' at the age of 35. Altogether, her poetic heritage

consists of eleven lyrical collections and three novels, one of which is autobiographic. Nowadays the poetess lives in a picturesque nook of Hamburg on the bank of Oder, conducts an active social life and, of course, she is an essential guest of honor at various literary conferences. Ulla Hahn is an open-minded person, who has a good sense of humour and natural feminine charm.

Lyrical texts of the German poetess are being translated into European languages. In particular, translations of number of lyrical texts into Russian were made by Larysa Kerchina and Svitlana Valikova. The translated texts are being published in periodicals, anthologies and poetical collections. Ulla Hahn appeared in the literary life of Germany at the end of 1960s, and her first creative attempts were rather contradictive. Nevertheless, the discussions in literary circles did not prevent her from huge recognition among women of eastern Germany who queued in order to get her books. In terms of popularity Ulla Hahn of those days can be compared to Veronika Tushnova, a Russian poetess whose poems were being kept under pillows of the girls' generation of 1960s. V. Tushnova became popular after the poem 'Ne otrekayutsya, lyubya' (If you love, don't deny it). Her poetic voice quickly gained strength and pushed the glorification of socialist accomplishments out to the second place.

Gunter Kunert highly evaluated the works of young poetess. He noticed originality and purity of her desentimentalised poetic language. According to Hahn 'poems do not need language, they are the language' [2, 88]. Ulla Hahn sometimes uses rhyme and blank verse. She prefers

free verse and that is a peculiar feature of the Western European tradition of versification. Such stylistic pluralism allows us to consider Ulla Hahn's heritage an example of postmodern lyrics with its eclecticism, intertextuality and mounting technique. In particular, researchers Viki Reitingger and Wolfgang Mieder [4] stress on Hahn's active usage of proverbs, phrasal verbs, idioms, phraseological units, Biblical quotations and references. The title of the collection 'Herz über Kopf' and two thirds of its content contain proverbs, speech patterns and sayings. The intertextual style of Hahn's writing is not a new phenomenon in modern German lyrics. The poetess uses idiomatic style and follows the tradition of Bertold Brecht, Rose Ausländer, Hans Magnus Enzensberger, Erich Fried, Mascha Kaléko, Gisela Steineckert. Formal language is a dominant feature of Ulla Hahn's poetry. It creates the effect of recollection: a reader imagines a proverb an old good fellow. Usage of phrases from folk songs and children ones, and Biblical allusions only strengthens this effect. The author plays with ambiguity, interprets traditional meanings and moves from harmonic idyll to explicit irony and mental dominance over the flesh.

The liberation of theme of love in the second half of the XX century led to infinite copying of repetitive situations and feelings in works of contemporaries. Their poems were deprived of real emotional tension. Ulla Hahn found her own way to the eternal theme: high sense and erotic motives, elements of philosophy exquisitely intertwine with highness, reality intertwines with irreality, irony intertwines with self-irony. It creates a macrocosm of emotions and feelings. The poetess says that question 'What's your theme?' causes confusion. The poems do not have any theme. They are the theme. Question about correlation of social and aesthetic in modern poetry also sounds improperly. It is like if to ask 'Do you want to breath or eat?' The poems are being written not about social life. They are the part of this life. A poem that was published once does not belong to the author any more. It belongs to its readers [2, 89]. According to Michael Brown, Ulla Hahn created a type of the poetry which is considered a rehabilitation of perfectly closed form and completely new content. The eternal lyrical theme of love becomes a dominant one in her texts.

However, along with general change of social trends caused by student performances, the 1970s are notable for German lyric by paradigm change of hermetic verse. Conception defined as Alltagslyric gains popularity in the context of so called 'new subjectivity'. Representatives of this poetic movement consciously refuse from rhyme, metrics and division into stanzas that are peculiar for hermeneutic lyrics. Moreover, they completely change the lexical means. They move from fastidious esoteric and metaphoric language of hermeneutic poem to the usage of simplified vocabulary of everyday speech, jargon and even slang. Visual effects, smells and sounds are sensuous phenomena which acquire important connotations in the texts of 'new subjectivity'. At the same time a lyrical figure expands from isolated 'I' (as in G. Benn's works) to more objective interlocutory 'we'. The content of new lyrical texts does not represent estrangement of objective reality or attempts to create its own poetic reality. There are attempts of reproduction and fixation of unique moments of everyday life as opposition to narration in prose that offers reconstruction of fictional world. Simplicity and openness are the distinguishing features of the poetry of new subjectivism; they correspond to melancholic monologues in Hölderlin's tradition.

According to Lin Terrell, 'language is a structure of meanings that controls our life. It contains and relays categories with the help of which we understand ourselves and each other; with the help of which we became who and what we are. Our language practice consists mainly of judgments, which determine or contribute to our perception of causal connection between things' [3, 179]. These logically deduced roles and models were normatively proposed. They bring order and meaning to the categories. As soon as it becomes evident that discursive practice is a normative one, language in poetry is considered an arena of I-identity and You-identity relations. The linguistic categories reflect social interaction. However, a clear understanding of how language works in lyrical text allows us to understand how a rabbit of normativity is being pulled out of a hat of articulation. Ulla Hahn makes an accent on the idea that 'language is a motherland of beauty and sense' [2, 93]. This particular idea can be illustrated with the help of Ulla Hahn's poetry:

Er kommt
Einkaufen: Kirschsafte Spinat und
neue Kartoffel Spargel nicht der
ist noch zu teuer oder ach was
zwei Pfund Spargel bitte.
Oh mein Gott: dem Friseur ging

He will come
Shopping: cherry juice spinach and
new potato asparagus no it is
still too expensive or what's
two pounds of asparagus please.
Oh my God: washed off the paint

die Farbe aus. Nehm ich statt Rot Mahagoni nur nicht vorne so kurz. Wie angegossen das Kleid: aber Die jeans sitzt straffer blau liebt er und schwarz schön also schwarzblau. Steht die Uhr: nein noch einmal das Beethoven Trio im zweiten Satz geht die Klingel ich öffne die Tür du schon da [2, 16]?	of hair. I'll take instead of red mahogany but not so smooth in front. The dress fits like a second skin: but jeans sit tighter blue he likes and black also fits then black and blue. The clock is stopped: no once more Beethoven's Trio from the second part someone is calling I open the door are you already here?
--	--

It is obvious from the lines above that Ulla Hahn's language is a mean of description and expression. Its purpose is to transfer not only thoughts of I-identity, but also her ideas of what things really are. Probably the author follows the ideas of linguistic constructivism and engages in controversy with early Wittgenstein. He argued in 'Tractatus' that 'words are names of things and sentences are descriptions of how things are' [3, 182]. In the XX century most philosophers of language considered language either a mean of describing reality or utterance about it, but not its construction. At the same time linguistic constructivists insists on the idea that we see and imagine specific things because they gain certain significance for us, or we have some plans where they can be useful. Thus, the grocery list in the poem is not a tribute of I-identity's tastes; it is shopping for a romantic dinner. Therefore, there is some place for asparagus in the basket and the high price does not matter. Chang-

ing bright hair colour to darker shade, as well as sober 'blue' and 'black' in heroine's clothes, indicate the desire of stable relationships. It seems that in Ulla Hahn's poetry we visualize the things, but according to Monique Wittig 'what we believe to be a physical and direct perception is only a sophisticated and mythic construction, an imaginary formation which reinterprets physical features (in themselves as neutral as any others but marked by social system) through the network of relationships in which they are perceived' [3, 184]. Thus, omission of punctuation marks, multidimensional interpretation of lyrical text, hypnotic rhythmic and intonation construction of the verse, with clear accented chord in the final line, rend the recipient away from reality plunging him/her into a kind of meditation.

Considering the normative bias of language terms, in names of brands in particular, another Ulla Hahn's poem deserves attention:

Was bleibt Ist die Schweizer Uhr. Du hast dich nicht lumpen lassen. Was bleibt sind zwei Handtaschen. Schallplatten. Ringlein aus Gold. Viel flehentliches Papier. Zwei Mokkatassen. Bezahlte Doppelzimmer. Essen und Trinken. Ein neuer Satz Reifen. Ein Wettermantel für den Übergang [2, 28].	What remains is a Swiss watch. You couldn't refuse. What remains are two purses. Records. Golden ring. A lot of pleading paper. Two cups of mocha. Paid up hotel room for couple. Food and beverage. A new stage of adulthood. A demi-season coat.
--	--

The potential of words in poetry are multidimensional: they serve to values which are significant for culture and social life. Despite the enumeration of habitual things as clothes, food, dwelling, and accessories the language of Ulla Hahn's lyrical texts is by no means a neutral one. However, she uses language as a tool kit. By Wittgenstein definition, she uses it carefully and on the principle 'nothing extra' to play the language games of I-identity and You-

identity on the same level. The power of naming is not just in finding words or invention of words for expression of what should be expressed; it is also presence of certain circumstances and environment within which such utterance has its meaning. According to Hahn, 'communication industry makes the subject look outside, and poetry allows us deepen into heart of hearts. Therefore, poetry is a native language of a soul' [2, 94].

Bildlich gesprochen Wär ich ein Baum ich wüchse	Figuratively saying if I were a tree I would grow
--	--

dir in die hohle Hand
 und wärst du das Meer ich baute
 dir weiße Burgen aus Sand.
 Wärest du eine Blume ich grübe
 dich mit allen Wurzeln aus
 wär ich ein Feuer ich legte
 in sanfte Asche dein Haus.
 Wär ich eine Nixe ich saugte
 dich auf den Grund hinab
 und wärest du ein Stern ich knallte
 dich vom Himmel ab [2, 25].

on your palm
 and if you were a sea I would build
 white sand towers for you.
 If you were a flower I would dig
 you out with roots
 if I were the fire I would turn
 your home to thin ash.
 If I were a mermaid I would drag
 you to the bottom
 and if you were a star I would steal
 you from the sky.

The poem 'Figuratively saying' was written in 1981. It consists of three quatrains with a fickle iamb. The artistic details get special aesthetic importance here; in the above mentioned poetry they rise to the level of symbols — subjectified images of objective reality which are factors of concentration of many ideas and associations. We see not the ordinary things but traditionally informative and many-sided images-archetypes of the European culture: a tree, a sea, a home, a star, a mermaid, fire etc. It is worthy of note that Ulla Hahn changes accents of majority of androgynous symbols on her own, (e.g. despite the traditional identification of fire with male identity she compares it with female I-identity; unexpected parallels: man is a flower/star/water). Her lyrical heroine frankly ignores the principles of stereotype moral. Her declaration sounds rather as threatening warning. The essence of female self-presentation in the poem is to gain power over man and to break boundaries between 'I' and 'You'. Thus, the image and symbolic system of Hahn's

poetry denotes alliance of philosophical conceptions embodied in concise poetical utterance, and andro-philosophical principles of the author's mindset. Such conceptual features as vigour, courage and aspiration for power obtain powerful aesthetic potential through repetition (usage of 'if' at the beginning and at the end of the stanza) and rhythm of lines. The inner world of the lyrical heroine is considered a combination of four basic elements. Water is embodied in images of sea and mermaid, earth is identified with roots and tree, fire and ash as its constant companion appear in the second stanza, air is presented as the sky covered with stars.

Thus, concentration of images and their gradation, thrift of semantic means add dynamism and tension to this particular text and to many other Hahn's poetries. According to the poetess 'poetry is like a score. Only a musician produces music. Declamation is like to play music and listen to it at the same time. Read out loud!' [2, 96].

References:

1. Binneberg, K. (2011). *Deutsche Lyrik 1945–1989*. Leipzig: Ernst Klett Schulbuchverlag.
2. Hahn, U. (2003). *Süßapfel rot. Gedichte*. Stuttgart: Philipp Reclam.
3. Jagger, A., & Young, I. M. (2000). *A companion to feminist philosophy*. Malden, Massachusetts: Blackwell.
4. Reithinger, V. (2007). 'Wenn wir uns wieder in den Haaren liegen': sprichwörtliche Ambiguitäten in Ulla Hahns Lyrikband 'Herz über Kopf'. *Proverbium*, 9. P. 319–334.
5. Stephan, G. (1989). *Naturlyrik. Gattungs- und epochenspezifische Aspekte*. (Klett Lektürehilfen). Stuttgart: Klett Verlag.

*Pinkovskiy Vitaly Ivanovich,
North-East State University (Magadan),
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Philology and Journalism
E-mail: alennart@mail.ru*

Antinomies of the lyricism in the French culture of XIX–XX centuries

Abstract: The author reveals the content of the notion “lyricism”, gives a history of the concept, the evolution of its meaning. Antinomies of concept are allocated at different historical stages.

Keywords: theory of literature, French culture, lyricism, antinomy, axiological aspect, solemn ode, sublime, spiritual, mental, general, individual, reduced, ironic.

*Пинковский Виталий Иванович,
Северо-Восточный государственный университет (Магадан),
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской филологии и журналистики
E-mail: alennart@mail.ru*

Антиномии лиризма во французской культуре XIX–XX веков

Аннотация: В статье раскрывается содержание понятия лиризм. Дается история понятия, эволюция его значения. Выделяются антиномии понятия на разных исторических этапах.

Ключевые слова: теория литературы, французская культура, лиризм, антиномия, аксиологический аспект, торжественная ода, возвышенное, духовное, душевное, общее, индивидуальное, сниженное, ироническое.

Лиризм является понятием, которое, несмотря на частое и охотное его использование во Франции поэтами и критиками в течение вот уже почти двухсот лет (впервые зафиксировано в 1834 г. [1, 474]), так и не обрело терминологический статус. Пытающиеся определить суть *лиризма* авторы привычно и стандартно сетуют на сложность этой операции: «Для такого понятия, как лиризм, который решительно ускользает от ограничивающих определений, необходимо читать и перечитывать всю лирическую поэзию (il importe de lire et relire toute la tradition lyrique)» [2, 164], — и зачастую приходят к выводу о том, что единственный выход из сложившейся ситуации — дать как можно больше «ссылок и исторических описаний», способствующих тому, чтобы «обогащить понимание понятия, о котором каждому следует составить его собственное представление» [3, 7]. Удовлетвориться таким результатом — значит признать неразрешимость проблемы, которая, может статься, оттого лишь не поддается исследовательским усилиям, что устремлены они в непродуктивном направлении. Более-менее строгая дефиниция исторически изменчивых

понятий возможна лишь в границах тех хронологических периодов, к которым эти понятия относятся. Дефинитивная генерализация, пытающаяся вогнать в некую жёсткую формулу характерные для определяемого явления на разных исторических отрезках свойства, порой весьма отличные друг от друга, неминуемо заканчивается результатом, который хорошо иллюстрируют пушкинские строки: «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

К сути «ускользающего» от регламентации понятия рациональнее идти иным путём — фиксируя внимание на инвариантном аспекте, позволяющем ненасильственно объединить разные исторические этапы существования исследуемого явления и понять его функцию в контексте этих этапов. Таким очевидным устойчивым аспектом для *лиризма* является аксиологический (что, кстати, и мешает терминологической объективизации слова). Сказать о тексте, что он отличается подлинным *лиризмом*, значит признать его высокое поэтическое достоинство. Выявлению элементов ценностной структуры *лиризма* и отношениям между ними посвящена эта работа.

Старые европейские поэтики (XVI–XVIII вв.), говоря о *лирике* и *лирическом*, совершенно не знают *лиризма*. Это понятие сформировалось тогда, когда *лирика* окончательно отделилась от музыки не только фактически, но и в сознании публики и теоретиков поэзии. «Краткий словарь Французской академии» (1836 г.) всё ещё трактует *лирику* как поэзию, «предназначенную для переложения на музыку», а *лирического поэта* как того, кто «пишет оды, кантаты, гимны, псалмы» [4, 593], как будто речь идёт о временах Пиндара. В реальности ода не только в поздней античности, но тем более в XVII–XVIII веках была уже по большей части сугубо декламационным жанром (в XVI в. П. Ронсар ещё пытался в подражание Пиндару выдерживать структуру древнегреческой оды и писать в расчёте на музыкальное исполнение). Понадобилось назвать те свойства *лирической* поэзии, которые воздействуют на читателя и слушателя в отсутствие музыки, но подобно ей — волнующе и возвышенно.

То, что именно такому воздействию музыки было отдано предпочтение, объясняется связью *лиризма* в первую очередь с одой. Ода считалась вершиной *лирической* поэзии, а из всех разновидностей этого жанра во Франции XVII–XVIII веков — ода пиндарическая (*ode pindarique*), с её торжественным строем, соответствующим высокой тематике. «Одический пыл», то есть *лиризм* торжественной оды, можно проиллюстрировать, например, следующими словами аббата Кааня: «Это восторг, это опьянение, заставляющее звучать мой голос; огонь, избыток радости, это ликование...» [5, 3]. Совсем не случайно в словаре П. Буаста, где впервые появилась (1834 г.) и потом в неизменном виде воспроизводилась в переизданиях статья о *лиризме*, в основу толкования слова положено именно «одическое» понимание: «Характер возвышенного стиля, торжественного вдохновения; речь пророков, древних поэтов, философов духа» [6, 438].

Параллельно с лексикографией *лиризм* активно осмысливается в литературной критике. Л. Герен в 40-е годы XIX века так разъяснял суть нового понятия: «Человек, вышедший из рук Творца, должен был, созерцая окружающие его чудеса, издать крик удивления и восхищения. Это был лирический порыв (*un élan lyrique*). <...> Лиризм не может иметь размеренного характера... Вдохновение — первая черта лиризма» [7, XLV–XLVI]. Широкую известность получает определение *лиризма*, данное в 1872 г. Т. де Банвилем, распространившим это понятие за пределы поэзии и связавшим наличие или отсутствие *лиризма* в литературе с духовным состоянием обще-

ства: «Что такое лиризм? Это выражение того, что есть в нас сверхъестественного, того, что возвышается над нашими материальными, земными желаниями, одним словом, того в наших чувствах и мыслях, что не может быть выражено иначе, как Песнью. Это относится и к прозе, если в ней содержатся чувства и мысли, заставляющие думать о Песни, о переводе её в Песнь. Можно утверждать как аксиому, что атеизм, или забвение нашей божественной сути, с необходимостью приводит к уничтожению лиризма в том, что в атеистические времена ошибочно называли *поэзией*. Вот почему такого рода поэзия, о чём свидетельствует весь XVIII век, есть мертвечина (*une chose morte*), труп» [8, 115].

На первый взгляд парадоксально, что именно столетием, которому отказывает в *лиризме* Т. де Банвиль, порождено определение «лирического воодушевления», принадлежащее незаурядному теоретику искусства своего времени Ш. Батте (1713–1780) и поразительным образом напоминающее слова и Т. де Банвиля, и Л. Герена: «Первый возглас человека, вышедшего из рук Бога, был лирическим. Когда человек взглянул на вселенную, когда он ощутил собственное существование, удовольствие, доставленное ему органами чувств, он не смог удержаться от восклицания. Это был крик одновременно и радости, и восхищения, и удивления...» [9, р. 277]. Однако удивительно это совпадение только на первый взгляд. То «сверхъестественное в нас», то есть духовное, выражением которого Т. де Банвиль считал *лиризм*, является в основе неизменным. В эпоху романтизма, поздним представителем которой по своему мировосприятию был поэт, к этому столетиями существовавшему представлению о *возвышенном* добавляется требование индивидуальности выражения, причём оно становится доминирующим. Исходным пунктом явления публике нового, романтического, *лиризма* во Франции следует считать выход «Поэтических размышлений» (1820 г.) А. де Ламартина; объяснение автором творческой установки сборника наглядно демонстрирует, в каком соотношении находятся традиционное *возвышенное* и его возможная персональная интерпретация: «Я больше никому не подражал, я выражал свою натуру для себя самого. <...> Я не думал ни о ком, создавая стихи, за исключением одной тени и Бога...» [10, 365–366].

Двусоставность понятия *лиризм* в романтическую эпоху порождает его антиномичность в аспекте *общее-частное*: подлинно поэтическим (то есть содержащим *лиризм*) произведение признаётся не столько за устрем-

лённость к возвышенному, сколько за присутствие лично впечатляющей формы выражения. В лирической поэзии XVIII века, *лиризм* которой может быть определён как *эмоциональный дидактизм*, такая форма не могла получить широкого распространения, потому что дидактизм тяготеет к общепонятному содержанию и способам его выражения — в противном случае он не сможет выполнять свою основную (наставительную) функцию. Названная антиномия способствовала, как нам представляется, постепенной смысловой трансформации *лиризма*, симптомом чего является эмоциональная горячность процитированного выше высказывания Т. де Банвиля.

Полемическая гиперболность и категоризм поэта, направленные против поэзии и духовности XVIII столетия, кажутся несколько запоздалыми; логически они были бы более уместны в 20–30-е годы XIX века, когда романтическая эстетика утверждалась в борьбе с догматикой классицизма, но в данном случае они, возможно, свидетельствуют о другом: обвиняя в отсутствии *лиризма* «век философов», поздний романтик остро реагирует на современное ему распространение позитивизма в широком понимании. В любом случае, определение *лиризма*, принадлежащее де Банвилю, косвенно, «от обратного», свидетельствует о снижении положительной оценочности, содержащейся в этом понятии. Новая тенденция фиксируется словарями 70-х гг. XIX в.: «Лиризм... 2. В негативном значении: неуместное использование лирического стиля или его элементов. 3. В общем значении: энтузиазм, пыл. *В этом человеке есть лиризм. В его речи есть лиризм*» [11, 365]. Последнее значение свидетельствует о появлении отсутствовавшей ранее возможности выхода *лиризма* из слоя высокой лексики и проникновении его в область бытового

словоупотребления. Так проявилась новая антиномия, вытеснившая прежнюю, — между высоким, надличностным, регистром чувства (которое может теперь восприниматься как неуместное, см. значение 2) и обыденным, (контраст между «речью пророка» и пылкостью «просто человека» очевиден).

Как показала история дальнейшего существования слова, наметившаяся тенденция оказалась устойчивой: в течение XX века понимание *лиризма* заметно сместилось (параллельно с наступлением секулярной культуры) из сферы духовности в область душевности. Под *лиризмом* стали понимать совокупность проявлений субъективной чувствительности [12, 515–520], не столько возвышенность чувств, сколько «страстную, поэтическую манеру чувствовать и жить» [13, 1494]. Эпоха постмодерна, предпочитающего насмешливую имитацию чувств и игру со смыслами — непосредственности и искренности, без чего подлинный *лиризм* не может существовать, актуализирует, кажется, очередную антиномию понятия — между серьёзным переживанием (уже не высоким, но целиком встроенным в спектр повседневных эмоций) и чувством ироническим, по сути, разворачивающим ценностную ориентацию *лиризма* в иную, чем это было для него характерно, сторону.

Выявленные нами исторически обусловленные оппозиции ценностной структуры *лиризма* позволяют классифицировать явления лирической поэзии на новых основаниях: не по жанровым предпочтениям авторов, не по тематике и проблематике текстов, а по воплощаемой поэтами модели *лиризма*. На этом пути исследователям предстоит обнаружить неожиданные сближения ранее далёких имён и столь же непривычные расхождения между теми, кого принято было рассматривать как творчески «родственные души».

Список литературы:

1. Dictionnaire étymologique et historique du français. P.: Larousse, 2007.
2. Cotoni M.-H., Rieu J., Seillan J.-M. Aspects du lyrisme du XVIe au XIXe siècle: Ronsard, Rousseau, Nerval: actes du colloque. Université de Nice Sophia-Antipolis, 1998.
3. Maulpoix J. – M. Du lyrisme. José Corti, 2000.
4. Dictionnaire abrégé de l'Académie française. P.: Pourrat frères, 1836.
5. Cahagne, abbé. Ode sur la convalescence du Roy. – [s. n.], 1744.
6. Dictionnaire universel de la langue française... /par P. C. V. Boiste. P.: F. Didot frères, 1851.
7. Guérin L. Beautés de la poésie française, ou Leçons et modèles de littérature en vers. P.: Didier, 1843.
8. Banville T. de. Petit traité de poésie française. P.: E. Fasquelle, 1903.
9. Batteux Ch. Des Beaux Arts en général, ou les Beaux Arts réduits à un même Principe//Batteux Ch. Principes de la littérature. – Genève: Slatkine Reprints, 1967.
10. Lamartine A. de. Première préface des Méditations//Lamartine A. de. Méditations poétiques: 2 vol. T. 2. P.: Hachette, 1922.

11. Littré É. *Lyrisme*//Littré É. *Dictionnaire de la langue française*: 4 vol. T. 3. P.: L. Hachette, 1873–1874.
12. Charpentreau J. *Lyrique (poésie)*//Charpentreau J. *Dictionnaire de la poésie*. P.: Fayard, 2006. P. 515–520.
13. *Le Petit Robert*. P.: Le Robert, 2012.

*Yulchiyev Qahhor Vahobovich,
Research fellow of Ferghana State University
E-mail: mumisnasim@mail.ru*

Genesis and poetics of triplets

Abstract: The article considers genesis and poetics of Uzbek triplets. The author investigates pre-islam period of Uzbek literature and folklore and realises that triplet of modern Uzbek literature has deep roots.

Keywords: triplets, poetics, genesis, detail, composition, tercet, terzarima, image.

Triplet is the most addressed type of short lyric genesis in modern Uzbek poetry of recent years it is called “Uchchanoq” by Anvar Obidjon, “uchlik” by Farida Afruz, “hoku” by Abdulla Sher and “Uchlik” by Ulug‘bek Hamdam. But Anvar Obidjon’s “Uchchanoq” is more completed and durable from the Art point of view. At first sight its soft, ironical, “stinging”, sarcastic smile peculiarities have philosophical content, allegorical social-publicist expression, efficiency and they attract reader’s attention. If Farida Afruz’s triplet (tasbeh) has lyric, sensible — philosophical content and free rhythm but Abdulla Sher’s “hoku” is meaningfully close to Japanese poetry and differentiates with artistic — aesthetic load or being more graceful. Ulug‘bek Hamdam’s “uchliklar” has less number ‘s, title and different rhythm. This kind of varieties of short lyric genres of Uzbek poetry is the result of investigation of certain Methodical form.

But during the process of comparison with World genres such as tercet, haiku, sishjo, ajuk daje, it is defined that Uzbek triplet is at the stage of development. As well hoku renga, sidjo henga as trios of Italian Folklore have their ancestors genres and it makes us to discuss about genesis of Uzbek trios.

On this basis we can say that triplet genre is not encountered in the history of Uzbek poetry but works in the form of triplet which were encountered in Uzbek Folklore and in the example of pre-islamic literature. For example Aprinchur Tigin’s one of two poems which have been preserved to us “was written in the form of triplet” [12; 7]. Also poems 1,7,12,14,21,23,30,33,46 from “Race inscription” [13; 134–142] are the independent poem’s which were written in the form of triplet:

A fellow Found Cuckoo feather,
He said: great abundance,
You know: It’s good!

As scientist Nasimhon Rahmon points out, this free rhythm poem was developed in IXth century. The foundation of race inscription contains delivery ideas of good and evil, differences between white and brown to people. The bird was risen to cult degree in Turkish mythology. As a result a bird in a dream and details concerning to it has good interpretation, If we pay attention to the composition of the poem its first and second lines is thesis and last line is a conclusion. This is also peculiar to Anvar Obidjon’s uchchanoqs:

Saying God desire
I gave a penny to a beggar
A beggar prayed me [15; 290].

First and second lines of his certain triplet come as a thesis the last one is a conclusion. But this poem differs from “Irq bitigi” (Book of dream interpretations) poem by its meaning, rhythm and rhyme.

Musallas is a poem of Uzbek literature which has three lines in each stanza. Its initial example of Uvaysiy’s devon has the beginning below:

God spare me, save me from beauty,
Badakhskhan rudy tormented my soul
Save, release soul from body
Save hart from regrets. [22; 148].

Musallas has 7 stanza and was written in ramali musamman of mahzuf rhythm. Its rhythm a-a-a; b-b-b; c-c-c; d-d-d; e-e-e; f-f-f; g-g-g. The theme of separation is a leading in Musallas. The theme of frustration and misguidance in the world is also encountered. Poem is perfect and ripe from poetics side.

Poems which has three lines in each stanza were written by poets such as Hamza [29; 29, 39, 53], Chulpon [31; 512, 513], Oybek [16; 104, 152, 185, 194, 198, 199, 217, 235, 250], Rauf Parfi [19; 72], Anvar Obidjon [154, 246, 344], Hurshid Davron [31, 8, 12, 13, 15, 33, 77,

157], Vafo Fayzullo [26, 27, 52], Faxriyor [28, 21, 202, 205]. They are close to the Italian *terzarima* which became popular in Europe later [10; 330].

Terza rima (Italian *terza rima*- third line) — is a poem of Italian poetry which has three lines in each Stanza *Terza rima* is a form of a poem with three line 'stanza aba bcb cdc ded ... Form which first and third lines rhyme between. *Terzarima* poem finishes with one separate line and it rhymes with the second line of last section: in this order poem has rhythm and intonation completeness.

Famous Dante Alighieri's "Divine comedy" was written in the form of *Terzarima* and it has become the standard of certain form of stanza [10]. There is the term of *Tercet* which is connected with triplet in poetry. *Tercet* is a stanza that consists of three lines, thus *Terza rima* is a form of poem which has three lines but *tercet* is a form of stanza. There is no data in the definitions of certain terms concerning three line independent form of poem.

A. N. Veselovskiy pointed out the theory of borrowing of plot, motive and forms. Because at the time of external influence certain peculiarities changes happen during the borrowing process. That's why triplet was a song in Ancient Sicily. During agricultural works someone devised "stornello" and sang it. This form of poem contains two or three lines its first line doesn't relate to the next line meaning fully, sometimes it has the name of a flower.

Fior della cannal
La canna e lunga e tenerella,
La donme ti lusinga e poi t'inganno,
Thin reed is supple
You don't believe it

Also a girl, she can deceive [4; 86–123].

First line expresses here inner feelings of lyric character. Reed and girl are compared in next line. Spiritual parallelism is occurred here. When reed is ready it becomes beautiful and strong and people make various things from it. They used for many years. But raw reed is fragile and it is useless. A teenage girl is also changeable and not reliable. It is important to note that Italian Folklore has triplets. They were bases of *Terza rima* and *Tercet*. Thus the genesis of *tercet* related to Italian Folklore. Poems with stanza of three line are encountered in Uzbek Folklore [1; 374–377].

Moreover, R. Nosirov's in his monograph "Composition of Folk songs" [14; 130, 132] gives data concerning folk songs with three line stanza due, to this we can conclude that three line poems of Uzbek poetry have two types. First one is a poem of three line stanza with

several stanza, the second one is three line independent poems.

At once, investigating poems which have three line stanza and whole three line poems by Anvar Obidjon, Rauf Parfi, Farida Afruz, Abduvali Qutbiddin, Faxriyor, Hurshid Davron we find out the differences they have.

R. Nosirov relying on V. M. Jirmunskiy's opinion said, "The main composition unit is stanza" [14; 22]. He investigates peculiarities of folk song composition (Thesis+thesis=synthesis) and it concerns to Anvar Obidjon's *Uchchanoqs*:

Rifle has no mercy:
Beggar or nobleman were,
Killed with the same bullet [15; 61]

First line of this poem reveals the quality of character of the detail-image of rifle. Last line is given as lyric character's last conclusion acquired due to the quality of character. As Triplet is similar to stanza from compositional point view and it causes mis understanding on triplets.

This kind of condition is encountered in F. Salayev and G. Qurboniyozov's books. Author call "musallas" three line poems and poems of three line stanza [21; 151; 152].

There is significant place of riddle, proverb, Folk song genres of Uzbek Folklore in triplet development. Folklorist Zubayda Husainova indicates three line proverbs: "If we consider items' quality, sigh " similarity, details in this case riddle is developed of $\frac{3}{4}$ or more lines. Whereas sarcastic words and metaphorical images of the riddle are multiplied the same happens with riddle lines, together with that producing various verse, rhymes are also reflected.

Sometimes there is three line riddles:

Long-long run along it,
Singing swallow,
Tip is in my hand [24; 162].

4+3=7 type footing of a poem, rhyme of the first two lines (qoch- qaldirgoch), the third line is left open, composition form of (Thesis +thesis= antythesis), the image of kite is developed on the bases of meaning full conflict, melodious sounds of U, Z in first line, repetition of the sound R in next line, harmony of the sound M-N-L give the riddle artistic –aesthetic effectiveness and it is similar to *uchchanoq* peculiarities.

Also, through epithet ("uza" and "Sayrab turgan") hidden items main peculiarities deliver to the listener and it makes get artistic –aesthetic enjoyment and think

I have a lovely friend
If someone looks at him
It smiles back (Mirror). [24; 124]

Artistic issue of this riddle is different, footing in the first and the third lines is 4+3=7, in the second line is 3+4=7 and rhyme is a-b-a type. This certain condition of a form changes the composition of a poem and the sequence of the meaning. Particularly, the riddle below is similar to Anvar Obidjon's uchchanoq with its rhythm and rhyme:

Don't say lifeless
If small eyes are appeared
And gentle feather says tweet-tweet [Egg
chicken] [2; 75].

4+3=7 type of footing 7 syllable finger rhythm, a-a-b order of rhyme is observed here. Three line proverbs are encountered but not many

First time — acquaintance,
Second time — companion,
third time — relative [25; 268].

Active use of metaphors, logical sequence and reiteration of the second "Sh" give the proverb singularity.

T. Basaganova published three line poems of Kalmyk Folklore and did research on it. [8]. She states that the meaning of triplet form genre is constructed as there is triplet on the foundation of everything. The name also is similar — there is trios in the world — three things, event, description of the whole qualities is given. Human life general description is given on the base of real events in narration if there whiteness:

When you grow up your teeth are turning white,
When you become elder- your hair is turning white
When you die your bones are turning white.

Thus, poems which based on triplet form is similar to Turk nations especially Uzbek Folklore. Later it is transferred to Uzbek poetry. But how it is transferred to written literature and what is the place of triplet as a small lyric genre. It is issue.

A. Rahimov's views on separation of artistic works in the genres, general and specific sighs of genres, issue of genre identification is important. "Genre is an aesthetic category where an integral unit of a form and content and hedonistic and communication functions are integrated".

This ideas is also similar to Lyric Uzbek works. [20; 9]. Because formation aspect of these certain works of unity and triplet poem' genre issues are not taken into consideration in Uzbek literature, but issues on their artistic – aesthetic and communication functions, construction of form and meaning, genre potential are considered.

For example: U. Hamdam's triplet:
I built a mountain from my sorrow.
Somewhere I realised
There is treasure in mountain ... [23; 202].

Poetic syntactical norms acted in this poem and the sentence which displays the main idea is given in last line. At first, it seems that first line is not related logically to the second line. Because it has lyric Fellow's sorrow, dissatisfaction which forms mountains and stays unfinished. Marks of omission at the end of the line refers to it. The second line defines lyric fellow's ideas concerning books he read. But the meaning is unfinished. That's why it is necessary to pay attention to the third line. Because its meaning with the first line together has specific meaning. Lyric fellows ovill, hope for future is defined here. It embodies the idea of hope in any difficult situation. If it is poem's artistic-communicative function and the metaphorical link of this word "tog" (mountain) with the word "hazina" (treasure) the repetition of the sounds in first line d, t, r, in second line a, m in third line l, r, h, q gives aesthetic pleasure to the reader. But we agree that if we change last line to "Toglarda bularkan hazina?" artistic – ideological, sensitive-emotional influence will arise.

Consequently, the poet uses content formula of sorrow- book mountain- treasure = subject to express lyric feeling in his poem it is very important his thinking here. First word "sorrow" means life problems, unfulfilled dreams, obstacles. But before next stanza there is three dots at the end of the line. Which tries to deliver certain reflection to the reader. Besides it to give chance to review deeply and change the nature of emotional experience. Next line reflects it. The word mountain used twice and each time express's different intention. The peculiarity of poem structure is that poet's ideas continue in reader's consciousness. Firstly three dots refer to it. On the other side, there is associative thinking and lyric poem describes the world of subject's hart. but the reader should realize the rest.

In another triplet "Сен бормидинг" (I did) the poet describes enjoyment, communicative function of traditional love through modern method

I did not know were you or not?
I have lived my life not knowing your love,
Intoxicated by your charms, didn't even
smile ... [23; 201]

This poem informs lyric subject's feeling of love and its different condition, mood. if we pay attention to the first line it emphasizes that lyric character doesn't know whether he has a lover or not. The meaning of this line seems unlogical but next line explains revelation through "I could not displace your love from my hurt".

In classic poetry human hart was born with love and to identify whom this love belongs lover should live obeying the nature of his/her love. He/she must care

the beauty of his/her lover which is turned into ideal in his/her hart.

Furthermore “genre is related to the character of described events and its inner construction and architectonics. When an author defines genre to therefore he/she defines its construction, theme, characters, conflict and also the reader. that’s why when we talk about genre it is considered how problem which inspired the author is artistically constructed [20; 9]. So, poetics of triplets consist of proportionality of internal and external possibilities which forms typological structure of genre.

For example the author in order to determine the issue of estimation of close people he gives easy and real example in triplet below. He takes examples from the past where people were sacrificed for different ideas.

Wait! Don’t say “idea”,
If miracle melts in the Sun
By the name a human

At first it seems journalistic topic but person who is working in extremely hot weather is compared to the melt metal. Here the meaning and the rhyme of “sim sim” and “tilsim” are very close. The poet’s main goal is to address to ideologists who sacrifice human for wealth and transient ideas. Here metaphor provides poem’s inner artistic construction. Rhyme provides external possibility which means pre independence system people who were misguided to form a utopian system.

First line (sen bormiding, g’oya deysan) or last word (tog’larda) are taken as title in triplets above. The poet sees the key which opens the meaning of poem here. But poem below has no title.

Give my hart as a bread,
To the dog- world,
I’ll kidnap you... [219]

“yurak — non”, “Dunyo — it” as used to provide art. If we look at the construction of the poem there is 7 syllables finger rhythm and rhyme of “etib yedirib”. The third line is open. The first line has 12 syllable and completely rhymed with redif and the second has 9 complicated and last two lines are rhymed.

As a result, Ulugbek Hamdam’s triplets give the reader aesthetic mood and artistic information. It proceeds theme of eternal love and social justice and traditions of expression Classic East poetry. He gives them in triplets but not in genre of rubai or gazelle. We can call it content-form modification which occurred as a result of new artistic-aesthetic thinking. It also defines the origin of small Uzbek lyric genre — triplets.

In order to identify individual genre peculiarities of Anvar Obidjon’s uchchanoq it is possible through analyzing

different forms of poems and comparing them with each other. If we take author’s poem which has three lines in each stanza. its form is familiar to uchchanoq but they are not uchchanoq.

From all shouts
From all bulks
Save me my fate

From all hate,
From all slander
Save me my Fate! [15; 3]

The main theme of the first stanza of this certain poem is repeated differently in next stanzas. All next stanzas define and explain the first one. In first stanza the author explains all his ideas. He addresses to the God when he says “charh” in the line “Omon saqla meni, charh” he believes in God’s power.

This particular line reveals whole meaning of the poem. The rest lines of the stanza open lyric characters thoughts, ideas. The next stanzas refer to the music and rhythm of poem composition and form. In conclusion, Uchchanoq’s differ from triplets with their strong peculiarities.

Poets such as Rauf parfi [18; 151–185], Abdulla Sher [52], Farida Afruz [27], Faxriyoe [28; 27], Abduvali Qutbiddin [11; 5], Nodir Jonuzoq [7; 51–52], Begim [5; 22], Abdunabi Boyquziyev [3; 34] have the same poems as Anvar Obidjon’s.

For example, Rauf Parfy’s triplet

Killed my sounds,   4+5=9 syllable
Leaden frosty sounds,   4+4=8 syllable
Shiver me moan month.   4+5=9 syllable

Poem has strong symbolism and the sound and the moon symbolize cold and oppressive reality. People communicate through sounds. Lyric character hears nature and sounds but can not find the answer. The moon which is compared with beautiful woman is classic poetry reflects character’s delicate thoughts and deep feelings. When the sound repeats twice it strengthens theses of first line. It becomes synthesis in the third line. The lyric character is shivering from these sounds.

So, there is difference between stanza of three lines and triplets.

1. Three line independent poems have roots in Uzbek Folklore, Uzbek classic literature. Triplets is a genre which is formed by certain poets’ practice of last XXth century on the bases of traditional forms and achievements of modern poetry.

2. Triplet is a poem of independent genre which has different content form structure. Triplet has become

an individual genre of Anvar Obidjon's literary career. Three line stanza is a part of an independent poem.

3. Triplet gives shallow description of a reality, three line stanza poems give more real description.

4. Triplet hits reader's world outlook, ideas, feelings, thoughts, but three line stanza poems give definite

theme, sometimes with notes.

5. Triplet has paremic and aforistiki features. Three line stanza poems do not have these features. Triplets such as Anvar Obidjon's have rhythm. Words and sighs are compressed and thick in triplets. Three line stanza poems have opposite.

References:

1. Alpomish: O'zbek xalq qahramonlik dostoni. – T.: Sharq, 2010.
2. O'zbek xalq topishmoqlari. – T.: Cho'lpun, 2012.
3. Бойқўзиёв А. Чўли Ироғим. – Т.: O'zbekiston, 2014.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989.
5. Гўзал Бегим. Сукунат жаранглари. – Т.: Ёзувчи, 1998, – Б.22.
6. Гўрўглининг туғилиши. – Т.: Адабиёт ва санъат, 1967.
7. Жонузоқ Н. Томчилар. – Т.: Адабиёт ва санъат, 1997.
8. Калмыцкие трехстишия. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. – 200 с. <http://kalmyk.info/index.php/ru/menu-cultural/10-traditions>
9. Коллектив. Адабиёт назарияси. 2 томлик. – Т.: Фан, 1978, 1-том.
10. Қуроноф Д., Мамажонов З., Шералиева М., Адабиётшунослик луғати. – Т.: Академнашр, 2010.
11. Қутбиддин А. Бахтли йил: Шеърлар. – Т.: Адабиёт ва санъат, 1991.
12. Маматқулов М. Р. Қадимги туркий адабиётда жанрлар поэтикаси. Фил.фан.ном. ... дис. автореф. – Т.: ТАИ, 2004.
13. Насимхон Раҳмон. Турк ҳоқонлиги. – Т.: Халқ мероси, 1993.
14. Носиров Р. Халқ қўшиқлари композицияси. – Т.: Фан, 2006.
15. Обиджон, Анвар. Танланган шеърлар. – Т.: Шарқ, 2006.
16. Ойбек. МАТ. 19 томлик. – Т.: Фан, 1979, 1-том.
17. Оқ олма, қизил олма. – Т.: Адабиёт ва санъат, 1972.
18. Парфи, Рауф. Қайтиш: Лирика. – Т.: Адабиёт ва санъат, 1981.
19. Рауф Парфи. Сўнги видо. – Т.: Ўзбекистон Миллий кутубхонаси, 2006.
20. Раҳимов А. Ўзбек романи поэтикаси (сюжет ва конфликт). Фил.фан.док. ... дис. автореф. – Т.: ТАИ, 1993.
21. Салаев Ф., Қурбониёзов Г. Адабиётшунослик атамаларининг изоҳди сўзлиги. – Т.: Янги аср авлоди, 2010.
22. Увайсий. Девон. – Т.: Фан. 1959.
23. Улуғбек Ҳамдам. Узоқдаги Дилнура. – Т.: Akademnashr. 2010.
24. Ўзбек халқ ижоди. Кўп томлик. Топишмоқ. – Т.: Адабиёт ва санъат. 1981.
25. Ўзбек халқ мақоллари. – Т.: “Шарқ”, 2003.
26. Файзулло, Вафо, Хут. – Т.: Чўлпон. 1993.
27. Фарида Афрўз. Тасбеҳ. Четки, Rosary. – Т.: Шарқ, 2007.
28. Фахриёр. Аёлгу. – Т.: Шарқ. 2004.
29. Ҳамза. ТАТ. Беш томлик. – Т.: Фан, 1988, 2-том.
30. Хуршид Даврон. Баҳордан бир кун олдин. – Т.: Шарқ, 1997.
31. Чўлпон. Яна олдим созимни. – Т.: Адабиёт ва санъат. 1991.
32. Шер, Абдулла, Хоккулар // Шарқ Юлдузи. 1991, № 4.

Section 3. Philology

*Adjabi Yassine, Osteuropäische nationale
Lesja Ukrainka Universität, Luzk- Ukraine
Ph.D. des Lehrstuhls für deutsche Philologie
E-mail: yacine_c@hotmail.de*

Besonderheiten der lexikalisch-semantischen Ebene der Sprachpersönlichkeit

Abstrakt: Die Sprache war oft ein nötiges Mittel gegenseitigen Verständnisses während des interkulturellen Kommunikationsprozesses. Jedes Individuum stellt manche Sprachmerkmale vor, die seine Sprachpersönlichkeit nachweisen.

Schlüsselwörter: Individuum, interkulturell, Kommunikation, Sprache, Sprachpersönlichkeit, Verständnis.

Wegen der beträchtlichen kulturellen und sprachlichen Vielfalt der menschlichen Gesellschaften tauchen ständig unterschiedliche Eigenschaften der Individuen auf, die sowohl ihre Lebensweise und Sitten auf allen Gebieten darstellen als auch ihren Umgang mit dem Sprachverhalten und der Auslegungen der angewendeten Wörter und Redewendungen begreiflich machen. Wir nehmen jene Eigenschaften „*kulturelle, nationale, religiöse, soziale, sprachliche*“ im Laufe der verbalen Sprachanwendung wahr, in denen unterschiedliche Begriffssysteme aufeinandertreffen, und die sich in engem Zusammenhang zu Umgebung der Individuen und zu ihren sozialen Gruppen befindet.

Keine menschliche Gemeinschaft kann ohne Sprache existieren, weil sie die hauptsächliche Grundlage des Denkens, der Verständigung und Selbstreflexion ist. Die Sprache einer Kultur wird erlernt und anhand deren wird die Kultur der Völker wiedergespiegelt. Durch die Sprache werden die Persönlichkeit und die Identität ausgedrückt. Sie bewahrt die geschichtlichen Ereignisse einer Gemeinschaft, da die Kultur der Sprache ihre Bedeutung gibt. Die Wortbedeutungen halten untrennbare Verhältnisse mit der kulturell- und sozialen Umgebung, in sie oft verwendet und wahrgenommen werden. Im Wortschatz reflektiert sich die Kultur einer Sprache, und die Spezifitäten eines Kulturkreises lassen sich sehr gut an semantischen Merkmalen von Begriffen ablesen und die Grundmerkmale der Sprachpersönlichkeit verdeutlichen.

Die Untersuchung der vielfältigen Sprachpersönlichkeiten aus dem Blickwinkel der Sprachanwendung und der Interpretation der Wortbedeutungen in allen Kontexten führt uns gewiss, sich mit den Bedeutungen einiger zu verschiedenen Kulturen und Nationen gehörenden Begriffen auseinanderzusetzen, weil jedes Wort in irgendwelcher Sprachgemeinschaft anders ausgelegt und aufgefasst wird und oft zu schwer zu fassenden Missverständnissen und Irritationen führen, zum Beispiel Wörter wie „*Familie, Kopftuch, Weihnachtsbaum, Burka, Liebhaber, Weiberhof, Ehre, Dschihad, Holocaust, Niger, Nazi, Hidjab, Schwein, Salat, Moschee, Kirche, Synagoge, Ehre, Halal, Gotteshaus, Mekka* usw.“

Manche von den oben angeführten arabischen kulturspezifischen Wörtern werden heutzutage in der deutschen Sprachgemeinschaft angewendet und sie sind ein untrennbarer Teil des heutigen Sprachverhaltens in Deutschland, weil sie bereits fast in allen Wörterbüchern der deutschen Sprache eingeführt wurden. Bei Nachschlagen finden wir die deutsche Erläuterung solcher kulturspezifischer Wörter, die von ansehnlicher Bedeutung für das Verständnis der Sprachpersönlichkeit sind.

Jedes der oben erwähnten Beispiele bezieht sich auf eine bestimmte Sprachpersönlichkeit und lässt uns über ihre Haupteigenschaften wissen, ob es um arabische oder deutsche oder französische oder andere Sprachpersönlichkeit geht. Als Beispiel nennen wir die Wörter „*Kopftuch, Allah, Hidjab, Burka, Mekka, Moschee, Moslime*“, die der arabisch-islamischen Sprachpersönlichkeit

angehören. Der dauerhafte Einsatz solcher Wörter im kommunikativen Alltag stellt in Großen und Ganzen die kulturelle, nationale und sprachliche Zugehörigkeit des Kommunikationsteilnehmers dar.

Er ist daher zu unterstreichen, dass die Entstehung und die Entwicklung der Sprachpersönlichkeit des Menschen sich in erster Linie durch den „*Interpretationsprozess*“ der Wortbedeutungen herausbilden, weil die Interpretationen dieser Begriffe als ein wichtiger Teil seiner sprachlichen Identität erfasst werden.

Die Wichtigkeit des sozialen Faktors bei der Bildung und Wahrnehmung der Sprachpersönlichkeit liegt in der Tatsache, dass die Sprache in der Umgebung des Individuums während seiner sozialen und sprachlichen Beziehungen vermittelt wird [8, S. 31].

Fishman, J betonte ebenfalls, dass die *kulturellen, nationalen, religiösen* und *sprachlichen* Besonderheiten und Vorstellungen der Persönlichkeit durch die Sprachanwendung und ihre kontextuellen Auslegungen übermittelt werden, die entscheidend daran teilnehmen, ein Gefühl der Zugehörigkeit zu einer Kultur und zu einer Gesellschaft zu entwickeln [3, S. 15].

Die festgestellten kulturellen und nationalen Besonderheiten der Sprachpersönlichkeit kommen zualtererst auf einen verbalen Kommunikationsstil zurück, in dem die Inhalte der von den Kommunikationsteilnehmern verwendeten Wörter nicht immer den Wörtern ähnlich sind, d. h. ein Wort schließt verschiedenartige Bedeutungen ein, der Inhalt aber sieht etwas anders aus, da jene Bedeutungen sich von einer Kultur oder sprachlicher Gemeinschaft zu anderer unterscheiden.

Die sprachlichen Missverständnisse sind häufig mit ungeheuren und komplizierten Verstehhindernissen begleitet, die vor allem die verbale Ebene der Verständigung betreffen. Andere Ebene der Kommunikation wie „*Denken, Handeln, Körpersprache, Wahrnehmung*“ sind ebenfalls betroffen.

Darüber hinaus bringen die Kommunikationsbeteiligten kulturspezifisch unterschiedlich Formen und Konventionen des Kommunizierens in die Interaktion ein. Diese Interaktionskonventionen variieren interkulturell und prägen die Grundmerkmale der Sprachpersönlichkeit. Hierdurch ergibt sich ein enormes Missverständnispotential. Den meisten Kommunikationsteilnehmern ist dabei nicht bewusst, dass bei ihrer Art zu kommunizieren „*Konventionen*“ folgen, die sie während ihrer Sozialisation in einem spezifischen kulturellen Kontext erlernt haben [5, S. 70].

Der Wortgebrauch gewisser Wörter, die kulturspezifisch sind, wird auch jeweils wechselseitig beim Kommu-

nikationspartner unterstellt. Die Verschiedenheiten der Sprachpersönlichkeit auf allen Gebieten werden durch die kulturellen und sprachlichen Ausdruckseinheiten bemerkt. Wenn die Wortbedeutungen eine deutliche kulturelle und sprachliche Prägung haben, kommen oft Probleme bei dem gegenseitigen Verständnis, insbesondere wenn es sich um zwei zu verschiedenen Gemeinschaften gehörenden Sprachpersönlichkeiten handelt. Hier greift man auf die sogenannte „*interkulturelle Semantik*“, die sich dafür einsetzt, die Beschreibung sowohl kulturspezifischer Wortbedeutungen im sprachlichen Kontext als auch die hiermit verbundenen Verstehschwierigkeiten und Konflikte aufzuklären.

Also welche sind diese „*kulturspezifische Wörter*“, die einen Einfluss auf den Wortgebrauch und seine Bedeutungen ausüben? Stellen diese „*kulturspezifische Wörter*“ die wahre Seite der Sprachpersönlichkeit dar? Können wir auf die von diesen kulturspezifischen Wörtern eingeführten Vorstellung und Wahrnehmungen über die Sprachpersönlichkeit verlassen? Welche Missverständnisse könnten deswegen aufgelöst werden?

Ausgegangen von diesen Fragestellungen wird der Versuch unternommen, sich mit gewissen Wörtern auf der lexikalischen und semantischen Ebene auseinanderzusetzen, die dem verbalen kommunikativen Prozess Schaden zufügen könnten und den wahren Aspekt der Sprachpersönlichkeit beeinträchtigen.

Eine erfolgreiche Wahrnehmung der Wortbedeutungen und störungsfreie Kommunikation bedeutet, in kommunikativen Situationen soziokulturell angemessen zu agieren und zu reagieren und die entsprechende Sprache geläufig und korrekt aufzufassen und zu sprechen, da die Kommunikation zwischen Menschen nicht nur als sprachliches Handeln, sondern auch als interaktives soziales Handeln entweder zum Verstehen „*rezeptiv*“ oder zum Vermitteln „*produktiv*“ von Informationen zu betrachten ist. Ohne soziokulturelle Kontexte kann eine richtige Interpretation der Wortbedeutungen nur beschränkt zustande kommen [7, S. 23].

Neuner, G hieb hervor, dass es nicht immer einfach und erfolgreich zu erreichen ist, den Sinn der kulturspezifischen Wörter zu ergreifen, falls es sich sowohl um einen verbalen interkulturellen Kommunikationsprozess als auch um eine fremdsprachlich- und muttersprachliche Dimension handelt [6, S. 76].

Diesem Schema zufolge lässt sich beobachten, dass das Verstehfähigkeit der beiden Sprachpersönlichkeiten oft durch die Auslegung der Bedeutungen gebrauchten Wörter erreicht werden könnte, die jeweils ihre eigene sprachliche Welt vorstellen. Bei der Vorstellung dieser

Welten prallen häufig die beiden Sprachpersönlichkeiten wegen ihrer Verschiedenheiten und kulturspezifischer Bedeutungen aufeinander.

Grundlegend ist von der Feststellung auszugehen, dass die Sprache, das Lexikon, die Sprechhandlungen, die Kommunikationsstile und das verbale oder paraverbale Sprachverhalten die verschiedenen Eigenschaften der Sprachpersönlichkeit vorführen, obwohl sie bisweilen von manchen kulturspezifischen Wörtern begleitet werden, die wegen ihrer erweckten Missver-

ständnissen die Besonderheitsdarstellung behindern könnten.

Es ist der Erwähnung wert, dass Sinn und Bedeutungen der Zeichen immer mit verschiedenen Vorstellungen und Wahrnehmungen belegt sind und dass sie je nach Kontext variieren können. Die „*semantische Ebene*“ der Sprachpersönlichkeit kann einen enormen Einfluss auf die soziokulturellen Dimensionen nehmen, weil ein Wort mehrere Bedeutungen haben kann und verschiedene Wörter gleich klingen können.

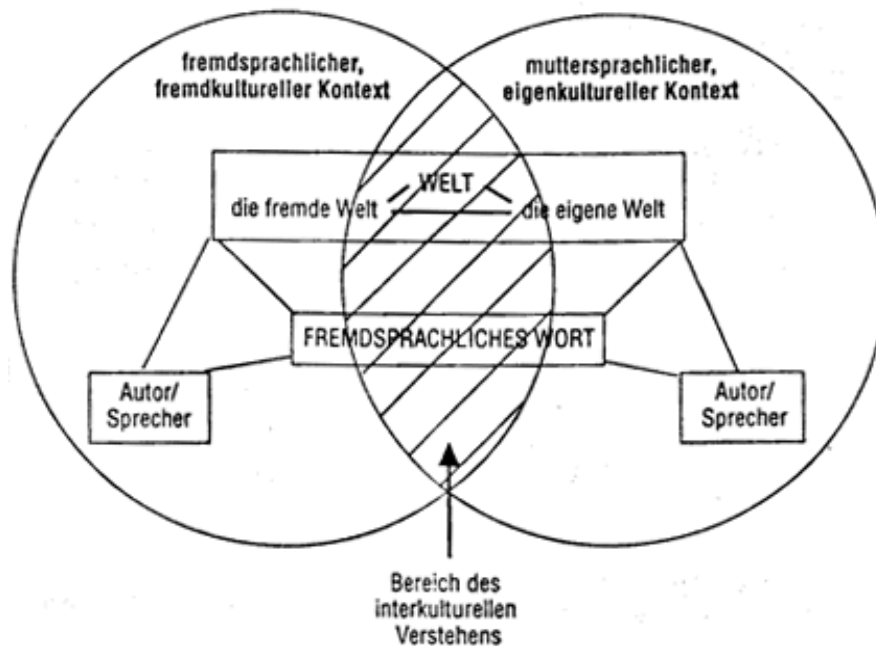

Figura 1. Interkultureller Bereich der Sprachpersönlichkeit

Das Wahrnehmen sprachlicher Unterschiede ist so alt wie die Menschheit selbst. Menschen unterscheiden sich nun einmal in ihren Redeweisen, nicht nur individuell, sondern auch als Gruppen. Wenn Gruppen in Kontakt zueinander treten, nehmen sie auch wahr, worin sie sich sprachlich unterscheiden. Sie denken über die Unterschiede nach und versuchen, sie auf das ihnen geläufige Bild von der Welt zu beziehen.

Im Leben menschlicher Gemeinschaften gibt es aber auch Perioden, in denen Teile von ihnen, bestimmte Öffentlichkeit, ein ganz besonderes Interesse daran entwickeln, sprachliche Unterschiede zu reflektieren, etwa weil die Kontakte mit anderen Gruppen in irgendeiner Weise als problematisch empfunden werden und weil man glaubt, dass auch die sprachlichen Unterschiede etwas mit dem Problematisch-Werden der Kontakte zu tun haben.

Sprachliche Probleme in den interkulturellen Kommunikationssituationen können durchaus durch lexikalische und semantische Interferenzen verursacht werden. Oft verwendet man ein Wort, ohne die genaue Bedeutung und den kulturspezifischen Hintergrund des

Wortes erkannt zu haben. Oder man überträgt aufgrund der Ähnlichkeit von oder durch die Vertrautheit mit verschiedenen Sprachen ein Element der Fremdsprache auf das andere. Das verwendete oder übertragene Wort passt jedoch in der jeweiligen Situation nicht, wodurch Fehlinterpretation, Missverständnis oder Nicht-Verstehen vorkommen können. In interkultureller Kommunikation ist ein solches Problem besonders zu beachten, denn beim Gebrauch von kulturspezifischen Wörtern werden unterschiedliche semantische Rahmen aktiviert, da bestimmte Begriffe aufgrund kulturspezifischer Erfahrung mit unterschiedlichen Bedeutungen gefüllt sind. Lexikalische Einheiten sind Teil eines kultursemantischen Netzwerks und somit stets in Abhängigkeit von ihrer kulturellen Einbettung zu betrachten [4, S. 119].

Neben semantischen Bedingungen wirken auch syntaktische und strukturelle Merkmale einer Sprache auf die interkulturelle Verständigung ein. Durch die syntaktische Struktur einer Sprache kann man nachvollziehen, wie Angehörige der jeweiligen Sprach-Gemeinschaft denken und formulieren. Ohne Wissen über die spezifi-

schen kulturellen Bedeutungen der Wörter bzw. Phrasen und über die sprachstrukturellen Unterschiede und Unterschiede in konventionellen Ausdrucksweisen werden leicht falsche Interpretationen und Vermutungen verursacht. So könnte beispielsweise die kausale Ausdrucksform im Arabischen, in der die Ursache vor der Folgerung kommt, in den Augen der Deutschen als Suchen einer Ausrede oder Ausweichen interpretiert werden. Missverständnisse können dadurch entstehen [2, S. 81].

Darüber hinaus ist noch zu beachten, dass die eigenkulturelle Ausprägung auf die Verwendung der Fremdsprache in interkultureller Kommunikation mitwirkt. In einer interkulturellen Interaktion kommunizieren die Teilnehmer entweder in der Muttersprache eines der Teilnehmer oder in einer beiden Teilnehmern fremde Drittsprache.

Wir möchten im Folgenden auf einige dieser praktischen Kulturspezifischen Wörter eingehen und sie mit den nationalen und kulturellen Eigenschaften der deutsche Sprachpersönlichkeit vertraut machen.

Im religiösen Kontext benutzen die Deutschen das Wort „Gotteshaus“, um „Kirche“ oder „Kathedrale“ hinzuweisen, und wenn es um ein geweihtes heiliges Gebäude mit einem oder mehreren Glocken geht, in dem die Mitglieder einer christlichen Glaubensgemeinschaft Gottesdienst abhalten und sprechen können. Ein Deutscher fragt einen Muslim aus der arabischen Welt:

— *Besuchst Du heute Dein Gotteshaus?*

— *Spinnst Du? Dafür soll ich mich finanziell gut vorbereiten!*

— *Wieso denn brauchst Du finanzielle Vorbereitung für den Besuch des Gotteshauses? Bezahlst Du Gebetsgebühren, um dein Gotteshaus zu besuchen?*

— *Das Gotteshaus der Muslime liegt in der heiligen Stadt von „Mekka“ und das ist so weit von mir. Deswegen muss ich mich für eine eventuelle Pilgerfahrt finanziell gut vorbereiten.*

— *Na klar jetzt kapiere ich, erwiderte der Deutsche. Ich meinte das Gotteshaus, wo die Muslime ihr Gebet regelmäßig sprechen können, fügte er hinzu.*

— *Jetzt ist mir deine Frage deutlich geworden, erwiderte der Muslim. Das tägliche Gebet leisten wir in „Moschee“, wo alle Gläubige Allah verehren können [1, S. 10].*

Ausgegangen von dem oben erwähnten Beispiel lässt sich bemerken, dass die deutschsprachige Persönlichkeit das Wort „Gotteshaus“ als Glaubensindiz ihrer so oft besuchenden Kirche in Gebrauch genommen hat. Hingegen deutet der arabische Kontext an, dass das „Gotteshaus“ sich häufig auf „Mekka“ bezieht. Der Muslim nahm die Bedeutung des Worts „Gotteshaus“ anhand direkter Übersetzung ins Arabische „*Al-bayt al-haram*“ wahr. Das Wort „Moschee“ ist ein Gebäude mit Kuppel und Minarettes, wo die Mohammedaner täglich ihren Gott „Allah“ verehren und sich zum gemeinsamen Gebet versammeln. Das Wort „Gotteshaus“ im Hinblick auf die islamische Wahrnehmung ist der heilige Ort, den der Prophet Abraham und sein Sohn Ismail errichtet haben. Wenn man hinfährt, handelt es sich denn um eine „Pilgerfahrt“ und keinesfalls um ein Gebet.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass die unterschiedlichen sprachlichen Äußerungen immer über soziale, nationale und kulturelle Bedeutungen verfügen, weil in ihnen sich zum Beispiel die Einschätzung und die Klassifikation des Kommunikationspartners durch den Sprecher und die Art der Beziehung manifestiert, die der Sprecher zum Kommunikationspartner hat bzw. aufbauen möchte. Zudem rührt die Forschung der lexikalisch-semantischen Ebene der Sprachpersönlichkeit vorwiegend an die pragmatische Sprachanwendung, die sich von einer kommunikativen Situation zu anderen unterscheidet und gewisse sprachliche Spezifitäten auftreten lässt.

Referenz:

1. Abdel-Qadir G. Spatzenmilch und Teufelsdreck. Berlin. – 1999. – S. 10.
2. Fischer H. Dieter, Uperpmann H.: Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft. München, 1987. – S. 81.
3. Fishman J. Soziologie der Sprache: Eine interdisziplinäre sozialwissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Max Hueber Verlag. München, 1975. – S. 15.
4. Günthner S. Diskursstrategien in der interkulturellen Kommunikation. Analyse der Gespräche. Tübingen, 1993. – S. 119.
5. Knapp K. Interkulturelle Kommunikation. – Gerd Antos Verlag. Tübingen, 2007. – S. 70.
6. Neuner G. Lerner orientierte Wortschatzauswahl und –Vermittlung//Deutsch als Fremdsprache. Berlin, 1991. – S. 2,76–83.
7. Storch G. Deutsch als Fremdsprache: eine Didaktik. Stuttgart, 2011. – S. 23.
8. Veith W. Soziolinguistik: ein Arbeitsbuch mit Kontrollfragen und Antworten. Tübingen, 2002. – S. 31.

Berezina Iuliia Olexandriwna,
 Odessa National I. I. Mechnikow University
 postgraduate student
 the Faculty of Romance and Germanic studies
 E-mail: julia13odessa@ukr.net

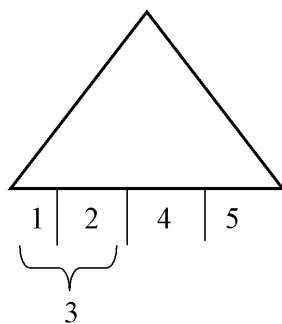
Sprachliche Besonderheiten der mittelhochdeutschen Periode

Abstrakt: in dem Artikel ist die sprachliche Analyse von den mhd. Texten dargestellt. Die Untersuchung bezieht sich auf das Material der alten Texte und Glossen.

Stichwörter: Mittelhochdeutsche Periode, Schreibgewohnheiten, Phonolisches System.

Die mittelhochdeutsche (mhd.) Periode ist eine Übergangsperiode bis zum Frühneuhochdeutschen und Neuhochdeutschen. Sie bleibt als Forschungsobjekt vieler Germanisten wie T. Hennings, W. Lewizkij, H.-D. Pohl, H. Paul, G. Schieb, W. Schmidt, H. Weddige u. a.

G. Schieb schrieb, dass sich die mhd. Sprache in einer sprachlichen Pyramide des hochmittelalterlichen Deutschs befindet, die die Schichtung des Geschriebenen und des Gesprochenen anschaulich zeigt:

1 — Oberdeutsch, 2 — Mitteldeutsch, 3 — Mittelhochdeutsch, 4 — Mittelniederländisch, 5 — Mittelniederdeutsch. Diese Pyramide vereinigt solche mhd. Dialekte wie: Bairisch (1), Alemannisch (1), Ostfränkisch (1), Rheinfränkisch (2), Mittelfränkisch (2), Thüringisch (2), Limburgisch (4), Brabantisch (4), Flämisch (4), Nordniederdeutsch (5), Westfällisch (5), Ostfällisch (5) [4; 148].

Das Ziel unserer Arbeit ist die Erforschung der mittelhochdeutschen Sprache und ihrer Besonderheiten.

Die Aufgabe der Erforschung ist die sprachliche Analyse solcher mhd. Texte wie «Nibelungenlied», lyrische Texte von Walter von der Vogelweide, epische Texte von Heinrich von Veldeke, einige mittelalterliche Texte aus der Kleinenepik, der ritterliche Roman «Der arme Heinrich» von Hartmann von Aue und einige kirchliche Texte von Berthold von Regensburg.

Die obengenannten Texte sind sowohl für Literatur als auch für Geschichte von besonderer Bedeutung, weil sie die Leser mit den Besonderheiten damaliger Zeit be-

kannt machen und die ersten höfisch-lyrischen, epischen und kirchlichen Werke darstellen.

Im Mittelhochdeutschen wie auch im Althochdeutschen gab es noch keine normativ geregelte Orthographie, dabei gebrauchte man das lateinische Alphabet für Aufzeichnungen in der Volkssprache.

Unsere Textanalyse zeigte folgende Schreibgewohnheiten im Mittelhochdeutschen.

Was die Interpunktionszeichen angeht, gab es kaum oder überhaupt nicht. Wenn ein Punkt kam, so bezeichnete er das Versende: «ein ritter sô gelêret was daz er an den buohen las swaz er dar an geschriben vant; der was Hartman genant, dienstman was er zu Quwe» (H. von Aue «Der arme Heinrich» — 5).

Groß- und Kleinschreibung waren auch nicht konsequent geregelt: «Ez wuohs in Burgegondon ein vil edel magedin, daz in allen landen niht schœneres mohte sîn, Kriemhilt geheizen: diu wart ein schœne wip. dar umbe muosen degene vil verliesen den lîp» («Nibelundenlied» — 2C).

Es wurden diakritische Zeichen gebraucht statt Diphthonge oder Umlaute (ö — ou, ü — uo, u^e — üe): «Der brunne der was ku^ele (küele), luter unde guot» («Nibelundenlied» — 979); «daz gotes eren töhte und da mite er sih möhte...» (H. von Aue «Der arme Heinrich» — 10).

Die langen Vokale werden nach Notkers Zirkumflex ^ versehen: «er huop sih ûf vil hôhe und vluoc in anderiu lant» (Minnesang — 9-1).

Kurze Umlaute bezeichneten ä, ö, ü, lange — æ, œ, iu: «du wære ie so widerspæne» (Kleinepik — 150), «des schœnen hân ich keine pfliht» (Kleinepik — 110), «dâmit wolt si in tæten; si wolt in vröuden næten» (Kleinepik — 120), «als noch vil liute tuont» (Kleinepik — 125), «So næme ich für guot, daz der sinem amte rehte tæte, der ein wol geordenetez amt hât» (B. von Regensburg), «Sô sint etelîhu amt, den man wol rehte unde wol möhte getuon» (B. von Regensburg).

Der Konsonat [k] im Anlaut wird gewöhnlich mit [k] und im Auslaut mit [c] wiedergegeben: «*er truoc ein guot swert*» (Spätmittelalterliche Kleinepik — 70), «*nu luoc zuo diezem affen!*» (Spätmittelalterliche Kleinepik — 75), «*so kouf mir des bæsten!*» (Spätmittelalterliche Kleinepik — 90), «*si kamen in die stat gangen*» (Spätmittelalterliche Kleinepik — 95).

Die Verbindung *sk* wird auch als *sc*, *sh*, *sch* geschrieben und als [ʃ] ausgesprochen: «*scæne wip*», «*schæne wip*» («*Nibelungenlied*» — 2 C), «*wale gedâne, valsches âne*» (H. von Veldeke — 8), «*da van mich geschit*» (H. von Veldeke — 20).

Die Verbindung *ph* wird als [pf] ausgesprochen: «*Ir phlagen (pflagen) dri künige edel unde rih*» («*Nibelungenlied*» — 3 C).

Für mhd. Sprache sind auch Apokope und Synkope kennzeichnend: «*er siht (sihet) und huop von ezzen wider*

an» (Kleinepik — 40), «*wolte got, var (vare) ich der si gnünfte wert!*» (W. von der Vogelweide — 10).

Was die stimmhaften Verschlusslaute anbetrifft, so sind sie im mhd. Wortauslaut zu stimmlosen verhärtet (Auslautverhärtung) — *b* → *p*, *d* → *t*, *g* → *k* (c): «*der nie kein guoten tac, gewan*» (Spätmittelalterliche Kleinepik — 5), «*si tet im jârlanc leit*» (Spätmittelalterliche Kleinepik — 10), «*darum ich gap min guot rint*» (Spätmittelalterliche Kleinepik — 60), «*sint di sunne heren lichten schin*» (H. von Veldeke — 11).

Unsere Beobachtung ermöglicht anzunehmen, dass die mittelhochdeutsche Sprache, wie auch die althochdeutsche, noch viele schriftliche und mündliche Varietäten aufweist und weit vom gegenwärtigen Deutsch ist. Ihre Orthographie ist aber näher zur Aussprache als die Orthographie der gegenwärtigen deutschen Sprache.

References:

1. Hennings Th. Einführung in das Mittelhochdeutsche. 3. Aufl. – Walter de Gruyter GmbH&Co. KG, Berlin/Boston, 2012. – 244 S.
2. Lewickij V., Heinz-Dieter Pohl. Geschichte der deutschen Sprache. – Winnyzia: Nowa Knyha Verlag, 2010. – 256 S.
3. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte, 8. Aufl. – Tübingen, 1968. – 465 S.
4. Schieb G. Die deutsche Sprache im hohen Mittelalter. Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. B. 1. – Leipzig, 1969. – S. 142–150
5. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache, 10 Aufl. – S. Hirzel Verlag, Stuttgart, 2007. – 489 S.
6. Weddige H. Mittelhochdeutsch, 3 Aufl. – C. H. Beck München Verlag, 1999. – 210 S.

Mansurova Dilfuza Ergashovna
Researcher of Samarkand
state institute of foreign languages
E-mail: rustamova1962@inbox.ru

Model and interpretation

Abstract: in article is considered interrelation between cognitive model and interpretation. All examples based on the exploring emotional concept “Desire”. And analyzed, interpretation zones of the given concept.

Keywords: model, interpretation, interpretation zone (area, sphere).

Мансурова Дильфуза Эргашовна,
старший научный сотрудник Самаркандского
государственного института иностранных языков
E-mail: rustamova1962@inbox.ru

Модель и интерпретация

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь между когнитивной моделью и интерпретацией. Интерпретируется эмоциональный концепт “Desire”. Моделируются, интерпретационные зоны данного концепта.

Ключевые слова: модель, интерпретация, интерпретационная зона (область).

Лат. *interpretatio* — истолкование, разъяснение и фр. *modele* — образец, прообраз) — семантические понятия, играющие важную роль как в метаматематике и металогики, так и в науке в целом. Под “интерпретацией” в широком смысле понимают приписывание значений исходным выражениям исчисления, в силу чего получают смысл все правильно построенные выражения данного исчисления (Значение и смысл, Имя, Логическая семантика). Интерпретированное исчисление является, таким образом, формализованным языком, в котором формулируются и доказываются различные высказывания, имеющие смысл. Формальное определение “интерпретации” можно дать, используя понятие “модель”. Некоторый класс высказываний либо исчисления; если заменить все константы, входящие в эти высказывания, на переменные соответствующих типов (Типы теории), то получим класс пропозициональных функций (Предикат). Любое множество предметов, которое будет выполнять каждую пропозициональную функцию из этого класса, называют “модель”. Рассматриваемого класса высказываний и соответствующего исчисления. С помощью понятия “модель” исчисления вводится понятие “интерпретации”; интерпретацией исчисления называют выделенную или намеренно построенную модель. Посредством понятия “интерпретация, в свою очередь, определяются логическая и фактическая истинность, аналитические и синтетические суждения. Теория моделей логических систем получила свое развитие в работах Тарского, Карнапа, Дж. Кемени, математика А. И. Мальцева и др. В естественных науках термин “Модель” используется в ином смысле, основанном обычно на понятиях изоморфизма и гомоморфизма “моделируемых” и “моделирующих” систем. Экспериментальные и теоретический уровень в ходе сложного процесса мышления, наблюдательной и обработки экспериментальных данных и концепции интерпретации используется для представления неопределенности. Но суть интерпретации разная.

- 1) Интерпретация логических и математических систем знаков;
- 2) Утверждении научных фактов из анализа результатов полученных по данным экспериментов;
- 3) Анализ точных фактов по результатам экспериментов.

Штофф из-за отсутствия гносеологической разницы между первым и вторым видами интерпретации отнес их к общему виду. Таким образом, существует

два основных типа интерпретации. Эти виды в процессе сознательной обработки представляют собой два противоположных друг другу элемента. Также могут возникнуть формальные теории, в частности, в процессе логики, математики, математической физики, и могут носить частичный характер интерпретации, так как объект теории, математическое понимание смыслов с точки зрения его физических свойств по результатам исследований, в целом физико-химический анализ событий в процессе «интерпретации» в современной теории, основан на гипотезах. В первом случае, толкование теории субъект-объектного движения имеет положительное направление в сторону объекта, Во втором случае, интерпретация носит компромиссный характер по отношению к объекту, как это описано в сносках. Сущность термина «интерпретация» имеет гносеологические различия, но несмотря на различия теорий моделей изучение вещей упрощается. Концептуальная интерпретационная область очень широкое понятие, имеется большое количество познавательных/когнитивных знаков. Концептуальная интерпретационная область включает в себя когнитивные знаки, которые при анализе образуют в человеческом сознании информацию о характере персонажа. Интерпретационная область не бывает одинаковой, по структуре и содержанию они тесно связаны с внутренней структурой тех процессов которые наблюдаются в ряде областей и определены следующие виды:

- 1) оценочная зона — объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку (хороший/плохой); эстетическое; (хороший/плохой), интеллектуальный (умный, глупый), моральный (добрый/злой, и юридический/незаконный, праведник/нечестивый); эмоциональный (приятный и неприятный);
- 2) Энциклопедическая зона объединяет когнитивные признаки, характеризующие признаки концепта, требующие знакомства с ними на базе опыта, обучения взаимодействия с денотантом концепта;
- 3) Утилитарная зона — объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования для каких-либо практических целей;
- 4) Регулятивная зона- объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать, в сфере, «покрываемой» концептом;

5) Социально-культурная зона — объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, конкретными деятелями литературы и искусство, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами;

6) Паремнологическая зона — совокупность когнитивных признаков концепта, описываемых пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом, в национальных паремиях пословицы, афоризмы, метафоры, определяют народное, национальное наследие при использовании когнитивных признаков. Учитывая вышесказанное, мы определили интерпретационное поле концептосферы DESIRE/ЖЕЛАНИЕ в качестве когнитивного признака. Для определения данной концептосферы использовались английский художественный текст, фольклор, особенности национальной, этнической, эстетической и социальных стереотипов.

И так 1) оценочная зона — а) -beautiful, — desired, worldly desire, light, passionate; б) когнитивные признаки определяющие положительный смысл: Desire — important, — real, — sincerely, — — executables, — cherished, — pure desire, — kind (good), — true (that is desires of the soul rather the body), — Innermost desire, individual desire are unique to the person, material, mental, physiological, come true, healthy desire, good desire; в) Концепт «desire» в качестве негативного контекстуального значения: Unreal, — Unenforceable, Evil desires, Irrealizable, Vain negative liberation, lost desire, frivolous; г) эмоционал когнитивные признаки: belief. д) интеллектуальные когнитивные признаки: е) эстетические когнитивные признаки.

2) Мифологическая интерпретационная зона: а) Сильный/Powerful- A desire is anything but frivolous.

It is the interface between you and that which is greater than you. (Laporte 54 page); свобода/freedom- And I vowed then to put my desire for freedom at the center of everything I did. 58 page Laporte. б) Destine/назначать, предназначать — - Desire sets our compass, but real life steers our course. 198 бет albom Mitch the first call from heaven 2013; 3) Энциклопедическую интерпретационную зону можно разделить на группы в соответствии с их индивидуальными особенностями: Desire is the engine of creation; Life-affirming desires. Latent desires. Secret desires. Abandoned, neglected... avoided desires. Rescued. Feral. Inextinguishable. Set-your-Soul-on-re desires.

4) Утилитарная интерпретационная зона: Desire is everything, no desire no aim. Регулятивная интерпретационная область: We must desire right, don't tell about your desires to everyone, we must water desire with the action, we must belief in desire;

5) Социально-культурная интерпретационная зона: Look into the nature of desire, and there is boundless light. (Padmasambhava, Tibetan yogi); career.

6) Паремнологическая интерпретационная зона: а) Agree, Agreement- When two agree in their desire, one spark will set them both on fire. (English); в) Desire, Desirous- First deserve then desire, If the eyes do not admire, the heart will not desire, What is much desired is not believed when it comes; г) Die- To die without fear of death is something to be desired. д) Poverty- Desire is at the root of our divine impulse to evolve.

Семантическое описание языка, является важной частью научно- познавательных и научно-исследовательских и в этом существенную роль играет когнитивная интерпретация. Исследования этого направления на данном этапе, связаны с изучением языковой информации и когнитивных данных. И позволяет образованию концепции когнитивного моделирования.

Список литературы:

1. Mitch A., The first call from heaven. Australia, HarperCollins Publishers Pty. Ltd. 2013.
2. Попова З. Д., Стернин И. А., Когнитивная лингвистика – М.: АСТ Восток-Запад, 2007 г.
3. Штофф В. А. Моделирование и Философия издательство “Наука” Москва. Ленинград. 1966 г.
4. Danielle Laporte “The Desire map” 2012 year.

*Pogorelova Olga Sergeevna,
Belgorod National Research University, postgraduate student,
the Institute of Cross-cultural Communications and International Relations,
E-mail: OSPogorelova@yahoo.com*

Features of the language representation of estimation in the modern English Language

Abstract: The ways of estimation expression are examined. The features of paroemias which represent concepts LABOUR/LAZINESS are considered.

Keywords: estimation, paroemia, proverb, concepts LABOUR/LAZINESS.

*Погорелова Ольга Сергеевна,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
E-mail: OSPogorelova@yahoo.com*

Особенности языковой репрезентации оценки в современном английском языке

Аннотация: Рассмотрены способы выражения оценки. Раскрыты особенности паремий, репрезентирующих концепты ТРУД/ЛЕНЬ.

Ключевые слова: оценка, паремия, пословица, концепты ТРУД/ЛЕНЬ.

На данном этапе развития человечества значимость ценностной стороны жизни резко возросла. В процессе изучения мира вокруг себя, человек оценивает явления и факты действительности, выражая своё отношение к ним при помощи языка. В свою очередь язык, являясь преобладающим способом коммуникации, выражает всевозможные оценки.

Оценка представляет собой одну из основных категорий действительности. Человек анализирует окружающую действительность, имеющиеся в мире предметы, явления, свойства, действия и других людей. Таким образом, практически все предметы могут стать объектами оценки. Изучение категории оценки связано с обращением к аксиологии. Аксиология — теория ценностей, изучающая вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности [11]. В аксиологических концепциях считается первичным концепт ценности. Ценностная картина социума включает определенный набор и иерархию ценностей, которые выражаются в оценку. Оценка — фактор, формирующий ценностную картину мира, процесс оценки — это способ реализации ценности

объекта, субъектом, реализующееся в виде суждения о той ценностной предметности, которая стала предметом оценки [3]. Каждой оценке должно предшествовать отражение, потому что оценивать можно только то, о чём мы хоть что-нибудь знаем. Процесс усвоения ценностей носит индивидуальный характер. Важную роль в нём играют особенности психики человека, которая характеризуется только ему присущим способом осмысления и взаимодействия с миром и социальными условиями существования, в которых происходит процесс усвоения ценностей. Авторитетность, значимость источника, доступность и понятность средств и способов передачи информации позитивно влияет на процесс усвоения ценностей.

В научной литературе существует мнение, что только оценка может быть отрицательной или положительной, ценность не может быть отрицательной, она всегда положительна. Это связано с тем, что ценность носит объективный характер, свою субъективность она получает, вступая во взаимодействие с субъектом, который вовлекает ценность в свою деятельность — начинает предписывать ей отрицательное или положительное значение (восхищение, отвращение, удовольствие, неудовольствие и т. п.) [12].

Стоит отметить, что важным для оценки является язык, который как жесткая структура ограничивает свободу в формировании и вынесении оценок, оставляя возможность комбинации уже существующих значений. По этой причине, категория языковой оценки признается основным способом отражения системы ценностей в языке.

Для выражения оценки требуются различные языковые средства, которые зависят как от семантических признаков — положительной или отрицательной оценки, так и от коммуникативно-прагматических аспектов высказывания.

Для оценки характерно богатое разнообразие разноразрядных средств выражения в языке, к которым можно отнести: интонационные, графические, словообразовательные, лексические и синтаксические средства [9, 162–165].

Необходимо подчеркнуть, что коммуникативные и прагматические функции оценки можно выразить фразеологическими единицами.

Устремление развить у людей оценку явлений действительности — одна из основных целей пословиц. Они отражают различные черты окружающей действительности, восхваляют и критикуют, разграничивают понятия добра и зла, воспитывают положительные черты.

Следует обратить внимание на то, что фразеологические единицы возникали, видоизменялись и выходили из употребления на протяжении всего существования народа. Пословицы дают характеристику всех сторон жизни общества, представив многостороннюю картину жизни страны. Они так же дают представление о воззрениях и взглядах народа, о его понимании явлений действительности.

Идейно-воспитательная значимость пословиц проявляется при помощи четкой направленности. Идейно-воспитательная функция паремий служит отражением воззрений на предметы и явления и позволяет влиять на представления о реальной действительности. По причине того, что познавательное значение является проявлением воспитательной роли, некоторые учёные предполагают, что изначальным назначением фразеологических единиц была передача опыта следующим поколениям.

В данной работе будут рассмотрены паремии, представляющие концепты ТРУД/ЛЕНЬ в современном английском языке.

Считаем возможным предположить, что рассматриваемые паремии, отличаются сходными характеристиками: наличием оценки явлений действи-

тельности, конкретностью, краткостью, призывом индивидов к чему-либо.

Стоит отметить, что для адекватного восприятия смыслового содержания паремии, её необходимо рассматривать в контексте.

Фразеологическая единица *Only fools and horses work* передаёт негативное отношение к исполнителям какой-либо трудовой деятельности, разделяя их на две категории, выраженные сочетанием “*fools and horses*”, где компонент “*fools*” олицетворяет недостаточно разумное лицо, а компонент “*horses*” — животное. Негативная оценка работников отражена в следующем примере использования выражения:

“*Only Fools and Horses work, George, and you may not have noticed that I am neither* [14, 65].”

Несмотря на то, что трудовая деятельность обычно считается важной и необходимой, её избыток может привести к нежелательным последствиям. Паремия *All work and no play makes Jack a dull boy* порицает излишнее усердие, указывая на его последствия, выраженные через использование негативно окрашенного сочетания — “*dull boy*”. В свою очередь, компоненты “*all work*” и “*no play*” противопоставлены друг другу как два крайних состояния исполнителя деятельности, которых следует избегать индивиду, выраженному именем собственным “*Jack*”. Описываемое выражение в данном значении можно наблюдать в следующем примере использования:

“*All work and no play makes Jack a dull boy*”; *but all play and no work makes him something greatly worse* [13, 273].”

Пословица *A woman's work is never done* рассматривает трудовую деятельность негативно, как бесконечную — “*never done*”, конкретизируя не только исполнителя, но и вид деятельности при помощи компонента “*a woman's work*”. Данная паремия может выражать как сочувствие, так и степень занятости некоего лица. Следующий пример иллюстрирует завышенные значения:

“*It has been said many times before,
A woman's work is never done;
She gets up early, goes to bed late,
And forever is on the run* [17, 72].”

Во фразеологизме *The end crowns the work* окончание работы рассматривается как наиболее важная часть деятельности, что выражается при помощи компонента “*crown*”. При этом деятельность и способы её выполнения не являются важными по сравнению с полученным результатом, т. е. «цель оправды-

вает средства». Этот речевой оборот используется в нижеследующем контексте:

"The best way to judge of things, is by their issue or event. The end crowns the work [15, 227]."

В паремии *By doing nothing we learn to do ill*, безделье, выраженное компонентом *"doing nothing"*, рассматривается как причина вредных и опасных действий, которые символизирует компонент *"do ill"*. Рассматриваемая пословица обладает ярко выраженным негативным отношением к лени, которое подтверждается следующим контекстом:

"There are but very few who know how to be idle and innocent. By doing nothing we learn to do ill [16, 236]."

Фразеологический оборот *Nothing is impossible to a willing heart* определяет желания и стремления индивида, выраженные компонентом *"willing heart"*, как основу для достижения абсолютно любых, даже самых невероятных результатов, обозначенных выражением *"nothing is impossible"*. В данной паремии воля исполнителя оценивается как нечто положительное, что можно проследить при помощи следующего контекста:

"Put in your efforts with utmost sincerity for nothing is impossible to a willing heart. Determination is vital to accomplish anything [18, 184]."

Пословица *All good things come to he who waits* утверждает, что польза, выраженная сочетанием *"all good things"* может «прийти» к лицу, которое направляет свои усилия на ожидание. Данный индивид обозначен в паремии как *"he who waits"*. В исследуемой фразеологической единице ожидание рассматривается как разновидность трудовой деятельности, за которую можно получить достойную награду. Следующий контекст демонстрирует заявленное значение:

"Mother, being the class lady that she was just smiled and said sweetly, "All good things come to he who waits." As we left the showroom she thanked me with tears in her eyes saying, "I never thought I would own anything as nice as a refrigerator [19, 69]."

Таким образом, категория языковой оценки выступает основным способом отражения системы ценностей в языке. Фразеологические единицы характеризуют все стороны жизни общества, служат источником опыта для молодых поколений и оказывают на него воспитательное воздействие. Пословицы, репрезентирующие концепты ТРУД/ЛЕНЬ в современном английском языке отличаются сходными чертами: наличием оценки явлений действительности, конкретностью, краткостью, неоднозначностью отношения к трудовой деятельности.

Список литературы:

1. Баева Л. В., Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: Монография./Л. В. Баева – М.: Прометей. – МПГУ, 2003. – 240 с.
2. Барышков В. П., Аксиология: Учебное пособие./В. П. Барышников – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 65 с.
3. Богуславский В. М., Проблемы структурной лингвистики. – М, 1982.
4. Вежицкая А., Язык, культура, познание М., 1996. – 416 с.
5. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
6. Маркелова Т. В., Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке/Т. В. Маркелова //НДВШ. Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67–80.
7. Маркелова Т. В., Семантика оценки и средства её выражения в русском языке: Учебное пособие по спецкурсу./Т. В. Маркелова – М.: МПУ, 1993. – 125 с.
8. Мельникова Е. Н., Средства выражения эмоционально-оценочных высказываний в немецкой диалогической речи/Е. Н. Мельникова//Молодой ученый. – 2014. – № 9. – С. 542–546.
9. Погорелова С. Д., Основные языковые средства выражения оценочного значения (на примере политических речей Отто фон Бисмарка)/С. Д. Погорелова, А. С. Яковлева//Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 162–165.
10. Телия В. Н., Коннотативный аспект семантики номинативных единиц./В. Н. Телия – М.: Наука, 1986–143 с.
11. Хоцей А. С., Оценки и ценности. Материализм: философия, политэкономия, обществоведение. [Электронный ресурс]/А. С. Хоцей. – 2015. – Режим доступа: www.library-of-materialist.ru
12. Чапля Т. В., Аксиология информационного взаимодействия: теоретико-методологический анализ/Т. В. Чапля. – Новосибирск: Наука, 2006–243 с.

13. Bowden P., Four Self-Help Classics. Paul Bowden, 2010. P. 273.
14. Gates. F., From Fulham to Frog Street. Paragon Publishing, 2015. P. 65.
15. Goodrich S. G., The Every Day Book: For Youth. Carter, Hendee and Company, 1834. P. 227.
16. Hinton J., The Rule of Life ... The Tenth Edition, Improved. J. Hinton, 1772. P. 236.
17. Judkins P. Ch., Judkins P. W., A Mother's Love for L. I.F. E. and God!: Poems of Love!, V. 1. Author House, 2012. P. 72.
18. Kumar G. R., Career Excellence 2 Vol. Set. Atlantic Publishers & Dist, 2005. P. 184.
19. Riley J., Another One of Riley's Pianos. Trafford Publishing, 2007. P. 69.
20. Margulis A., Kholodnaya A., Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. McFarland, 2000. 495 p.

*Usmambetov Bayaman Zhunushbekovich,
Bishkek Humanities University
Filologicheskikh Candidate of Sciences, Head of the Department of Turkology
E-mail: busmambetov@mail.ru*

The names of in dictionary “Divan lugat turk” by Mahmud Kashgari

Abstract: in this article considered the correlation of words wich means names of tools. In the dictionary “Divan lugat turk” by Mahmud Kashgari in Kyrgyz Language and their lexico-semantic peculiarity. In addition, was used the materials of ansiect and relative languages, were determined the originity of some words.

Keywords: “Divan”, etimology, lexico-semantic, peculiarity, word formation affixes, ancient turkic languages.

*Усмамбетов Баяман Жунушбекович,
Бишкекский Гуманитарный Университет
Кандидат филологических наук, Заведующий кафедры тюркологии
E-mail: busmambetov@mail.ru*

Названия орудий труда в словаре Махмуда Кашгари «Дивану лугат ат-турк»

Аннотация: В данной статье рассматривается соотношение слов, означающих названия орудий труда, в словаре Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» и кыргызском языке, а также их лексико-семантические особенности. Кроме того, опирались на материалы древних и родственных языков, были определены происхождение некоторых слов.

Ключевые слова: «Диван», лексика, этимология, семантическая особенность, словообразовательный аффикс, древнетюркские языки.

История изучения словаря Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» имеет широкий масштаб в области общего языкознания и непосредственно в тюркологии. К исследованиям данного словаря в общем языкознании можно отнести труды следующих ученых-языковедов: П. К. Жузе (1926,1927,1930); К. Броккельман (1918,1921,1928,1930), О. Прицак (1950,1953,1955), Ю. Келли (1971,1972,1973,1988), Р. Данкоф (1972,1973,1975, 1980), В. А. Звегинцев

(1964), И. В. Стеблева (1965), С. Кляшторный (1974) и др. В области тюркологии известны фундаментальные труды таких ученых, как: Ж. Валидов (1920), А. Фитрат (1920), А. З. Валида Тоган (1930), С. Ахаллы (1958), С. М. Муталибов (1947,1957,1961), А. М. Демирчизаде (1964), А. К. Курышжанов (1972), В. П. Асланов (1972) и др.

Что касается кыргызского языкознания, то изучение данного труда начинается с 70 годов прошлого

века (Б. Орузбаева (1972), Б. Осмоналиева (1972), З. Мусабаева (1975)). Научный интерес к «Дивану» в кыргызском языкознании возобновляется в 2011 году с научных публикаций Г. Жаманкуловой (2011), И. Султаналиева (2011, 1015), Т. Токоева и Ж. Семеновской (2015). В настоящее время определяются направления исследований по малоизученным вопросам словаря. К подобным вопросам можно отнести и наше исследование, цель которого заключается в изучении соотношения слов, означающих названия орудий труда ремесленничества, крестьянства и других видов хозяйства, в «Диване» и кыргызском языке. К данной лексике «Дивана» можно отнести следующие слова:

Багна–лестница [2, с. 753] (кирг. тепкич) относится к устаревшей лексике кыргызского языка. Так как аффикс **-на//не** в кыргызском языке считается непродуктивной грамматической формой, которая в «Диване» встречается только в составе слова **ийўне (йиг+не)** [2, с. 699] (кирг. ийне) “иглолка”. Как и в словаре эти непродуктивные формы в современном кыргызском языке встречаются исключительно в составе слов *ийне* «иглолка» и *чийне* «волокуша». Таким же образом, т. е. путём присоединения аффикса **-на** к слову **бак** (растущее дерево либо роща, сад) образовалось слово **Багна**, которое означало деревянную лестницу для лазания по деревьям [2, с. 753]. В современном кыргызском языке слово *тепкич*, употребляется как лестница с перилами, с помощью которой поднимаются вверх или спускаются вниз [9, с. 726]. Слово *тепкич* состоит из глагола *теп* (наступать ногой) и словообразовательного аффикса **-гыч**.

Баиштар–серп в уйгурском языке [2, с. 785] (кирг. *орок*). Если делить данное слово на слоги, то будет баш и тар. В древнетюркском языке аффикс **-тар//тер** встречается в составе слова *кестер*, что в переводе на русский язык означает посуду, сделанную из глины [2, с. 789]. Этот аффикс в современном кыргызском языке относится к так называемым мёртвым грамматическим формам. Следовательно, слово **баиштар** не употребляется в современном кыргызском языке. Что же касается этимологии, то оно, возможно, связано с жатвой серпом колосьев пшеницы.

Буруксы–соха [4, с. 369] (кирг. *-буурсун*). Аффикс **-сы** не встречается в современном кыргызском языке и входит в разряд непродуктивных форм. В «Диване» слово **бурексы** [4, с. 369] является синонимом слова **емеч** [2, с. 133]. **Емеч** –соха (133). В кыргызском диалекте встречается в форме *амачМен ат жетелеп жїрем, алмачты Макбул кармайт (Элебаев)* –Я веду

коня, а соху будет держать Макбул. Биердеги кыргыздарда амач менен кетменден башка эмне бар? (Абдукаимов) –Что еще есть у здешних кыргызов кроме **сохи** и **кетменя**? [9, с. 55]

Кетмен–кетмень [2, с. 767] (кирг. кетмен). В современном кыргызском языке встречается в той же форме и означает название орудия труда для вскапывания земли, арыка и т. д.: *Бардыгы кїрек-кетмендерин жерге коюп, карап турушкан эле (Асизбаев)* — Все стояли и смотрели, положив на землю лопаты и кетмени [9, с. 381]. В переносном смысле слово **кетмень** означает верхнюю часть ступни и активно употребляется в современном кыргызском языке: *Тигел сол бутунун кетменин керсетпей кокуйлай баиштады* (Бейшеналиев) –Тугол, не показывая верхней части ступни левой ноги, начала громко кричать. [9, с. 382]

Оргак–серп [2, с. 243] (кирг. орок). В древнетюркском и кыргызском языках встречается в одном и том же значении — орудие труда в форме полумесяца с рукояткой, предназначенное для жатвы зерновых растений, травы либо курая. Например: *Оро албаган орок тандайт (макал)* –Кто жать не умеет, тот **серп** выбирает (всё ему негодные серпы попадаются) [9, с. 579]. По мнению Севортыяна, корень данного слова происходит от древнетюркской формы **ор<ур** «бить» [7, с. 468]. Грамматическая форма **-ык** в составе этого слова как в древнетюркском языке, так и в кыргызском языке относится к продуктивным грамматическим формам: в древнетюркском языке **-казык (каз+ык)** — (кирг. кайык) –деревянная лодка [2, с. 665], **ертїк (ер+т+ык)** — (кирг. *їртїк*) (217) –попона [2, с. 217], **тартыг (тарт+ыг)** — катаур (подпруга, идущая через седло) [2, с. 795], **тузак (туша+ык)** (кирг. тузак) –силок, **артыг (арт+ыг)** — женская безрукавка [2, с. 207], **козук (козу+ык)** — головной убор, сшитый из кожи [2, с. 681], **чарук (чар+ык)** (кирг. чарык) — сапоги, обувь [2, с. 664], **аркук (арк+ык)** — столб, бревно [2, с. 227], **арыг (ар+ыг)** — покрывало для юрты [2, с. 149], **кабуг (кап+ыг)** –дверь [2, с. 653], **сабык (саб+ык)** — (кирг. саптык) — деревянная ручка [2, с. 651] **сырук (сыр+уук)** — (кирг. шырык) –бревно, столб [2, с. 663], **бычак (быч+ык)** (кирг. бычак)–нож [2, с. 671], **ийик (ий+ык)** (кирг. ийик)–веретено [2, с. 184], **керїк (кер//їр+ык)** –кузнечный мех [2, с. 158], кроме этого в “Диване” слово **баиштар** встречается в значении серпа, т. е. орок [4, с. 93].

Чакук –молот [3, с. 459] (кирг. балка), **башак (баш+ык)** — крышка колчана [2, с. 811], **безек**

(*безе+ык*) (кирг. безек) — украшать, наряжать [2, с. 671], *тулгаг (турга+ык)* — женские серьги [4, с. 461] и др. Помимо этих примеров аффикс *-ык* встречается в составе следующих слов, которые входят в активную лексику современного кыргызского языка: *казык* “кол, клин”, *етік* “сапог”, *тузак* “путы”, *ашык* “альчик”, *жізік* “кольцо”, *тітік* “труба”, *кешик* “попона”, *чарык* “обувь”, *тешек* “одеяло” и др. Слово *чакук* состоит из двух компонентов: *чак+ук*, первый из которого как в древнетюркском, так и в кыргызском языке означает действие — ударять, раздроблять, ломать что-либо, например, кости или камни, а этимон слова *балка* (молоток) нам неизвестен.

Ыргак — крючок (кирг. *илмек*). Приспособление для вылавливания осколков льда [2, с. 277]. В алтайском языке встречается словоформа *армакчы*, означающая веревку, в этом же значении это слово употребляется в монгольском языке в форме *аргамж*, в узбекском *аргамчи*, в туркменском *аргаг*, в башкирском *аркан*, а что касается кыргызского языка, то это слово встречается в форме *аргамжы*, которое означает толстую веревку либо аркан средней толщины. В уйгурском языке данное слово имеет форму *аркак*, в азербайджанском, туркменском, тюркском языках *аргаг*, а в каракалпакском и казахском языках употребляется слово форма *аркак*. Если считать слово *аркак* общей основой для образования вышеназванных слоформ, то его появление объясняется заменой фонемы *г* в слове *аргаг* на фонему *к*, в результате чего образовалось слово *аркак*, состоящее из двух компонентов *арка+ык*, что в тувинском языке (*аргы*) означает: “вязать”, “заплетать”, “прясть” и поныне употребляется в данных значениях [6, с. 66]. Возможно, эта словоформа употреблялась в огузском языке в форме *арга*, в кыпчакском языке в форме *арка* и путём присоединения аффикса *-ык* образовалось слово *аркак*. Вначале слово *аркак* означало “вязальщик”, “ткач”. Со временем глагол *арга//арка* теряет свое материальное значение во многих тюркских языках и поэтому этимон слова *арка* стал трудным для определения. А аффиксы *-ак//—чак*, *—ык//—чык* в «Диване» встречаются в целом ряде слов: *аркаг* — виды вязания [2, с. 241], *егрик* — пряжа [2, с. 219], *ешік* — покрывало [2, с. 611], *кешік (кеші+ык)* (кирг. кешеге) — занавес,

шторы [2, с. 711], *торгок (тары+ык)* (кирг. тарак) — гребень (расческа) [2, с. 865], *тешек (теше+ыг)* — (кирг. тешек) — постель [2, с. 675], *бутыг (бут+ык)* — маленький бурдюк [2, с. 658], *делік (делі+ык)* — сосуд из глины со сломанным горлышком [2, с. 677], *касук (касу+ык)* — бурдюк в форме сосуда из лошадиной шкуры [2, с. 677], *кашык (каш+ык)* (кирг. кашык) — ложка [2, с. 677], *ыргак (ыр+г+ак)* — крючок [2, с. 277], *артыг (арт+ык)* — груз, навьючиваемый на скотину [2, с. 207], *олук (ой+л+ык)* — корыто, кормушка, лодка [2, с. 157], *тушаг (туша+ык)* (кирг. тушоо) — путы [2, с. 717], *укрук (у+кїр+ык)* (кирг. укрुक) — укрюк [2, с. 211], *сызык (сыз+ык)* — (кирг. сызык) одежда, подол платья [2, с. 651] и др.

Базгаан- орудие труда кузнеца [2, с. 757] (кирг. *барскан*). Данное слово в кыргызском языке имеет два значения: 1. кузнечный молот, которым бьют по наковальне. Например: *Чокчо сакал барсканчы оор барскандын сабын таянын тура калып, Салмоорбекти эркелетти* — Молотобоец с острой бородкой, опираясь на рукоять тяжелого кузнечного молота, приласкал Салмоорбека (Сыдыков); 2. ист. булава (оружие). Например: *Барскандары бир йїдей балбандары женелдї* — двинулись бозатыри, булава у них с юрту фольк. [9, с. 103]. Встречается еще обозн. проф. Барсканчы — молотобоец: *Бул киши темир устанын барсканчысы Мурза экен* — Этот человек — молотобоец кузнеца, его зовут Мурза (Сасыков); *Балкачынын миў урганы* — барсканчынын бир урганы — тысяча ударов кузнеца равны одному удару молотобойца (поговорка). Данное слово в тюркских языках помимо кыргызского языка встречается исключительно в уйгурском (*базгон*) и в узбекском (*боскон*) языках [10, с. 85; 5, с. 83]. В древнетюркском словаре слово *басгун* истолковывается как большой, тяжёлый [1, с. 85]. Это дает нам основание считать, что данное слово происходит от глагола *бас*, в переводе означающее “давить”, и встречается в кыргызской топонимике как название местности.

Изучение соотношения слов письменных памятников древнетюркской и среднетюркской эпох со словами кыргызского языка, анализ их семантических особенностей способствуют развитию и расширению масштаба исследований в данном направлении.

Список литературы:

1. Древнетюркский словарь, Л., “Наука” 1969, 576 с.
2. Махмуд Кашгари “Словарь тюркских языков” Перевод на кыргызский: Т. Токоев, К. Кошмоков, т I., — Бишкек-2011, 906 с.
3. Махмуд Кашгари “Словарь тюркских языков” Перевод на кыргызский: Т. Токоев, К. Кошмоков, т II., — Бишкек-2012, 591 с.

4. Махмуд Кашгари “Словарь тюркских языков” Перевод на кыргызский: Т. Токоев, К. Кошмоков, т III., — Бишкек-2013, 678 с
5. Наджип Э. Н., Уйгурско — русский словарь, М., 1938, 811 с.
6. Русско — тувинский словарь, М., 1961, 720 стр.
7. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркская и межтюркская основа на гласные [текст] \ Э. В. Севортян — М., Наука, 1974, 767 с.
8. Толковый словарь кыргызского языка (КТТС). Ф.,: Мектеп, 1969, 778 с.
9. Толковый словарь кыргызского языка (КТТС). Ф.,: Мектеп, 1984, 622 с.
10. Узбекско — русский словарь, М., 1959, 781 с.

*Fedotova Kseniia Sergeevna,
Master of Philology,
Teacher of Russian as a Second Language
E-mail: ks-weiss@mail.ru*

Animal naming as a structural component of art-image

Abstract: The paper highlights naming of animals in an autobiographical short novel by G. Durrell “A Zoo in My Luggage”. Proper names and narrative descriptions have been described due to its context functioning. The cooperation between nominative space (poetonymosphere) and art-image of a hero has been shown.

Keywords: naming, nominative space (poetonymosphere), proper name, poetonym, narrative description, image.

The short novel “A Zoo in My Luggage” was written in 1957 (published in 1960) and reflects Durrell’s trip to Africa due to his own zoo collecting mission. G. Durrell is a well-known writer in Slavic world (especially in Russia, Ukraine and Belorussia), but in spite of this his works of art have not been yet actually described in the stylistic direction.

Gerald Durrell was a great naturalist with enormous will to keep rare species from its total extirpation. The book “A Zoo in My Luggage” was written as a result of the first Durrell expedition made for his own to-be zoo collecting. Durrell wanted and successfully achieved the aim to found the zoo where animals could behave and feel as in its natural state. “... if it is inevitable that the animal should become extinct in the wild state, at least we have not lost it completely”, said Durrell [1, p. 6]. Being included in human being, being fed and medically treated by human, lived and slept with human, non-domestic animal began to be considered as a part of people life. The animal life with its peculiarities, difficulties and individualities has got a great description by Gerald Durrell. Also he gave a great true description of animal behavior and habits.

Terms and definitions. Naming is the one of the most important aspect which makes the difference between human and animal being. Proper name is a privilege of mankind, to give the name means to separate

one individual object from the group of typical objects. “Names are conventional identifiers; their bestowal on individuals is an arbitrary linguistic act.” [2, p. 134]. When an animal received a name, it came into human life as a fully valid and individual member of society.

Proper names in language “have reference but no semantics” [2, p. 135]. *Proper name* in literary works can obtain semantics and special meaning due to its *context* functioning. As in example, *proper name* in the literary work can show the social status of a hero, the level of his/her education, his/her relations with other personages. *The proper name* in a fiction is an important structural part of the *image* of a hero. That’s why in Russian literary onomastic terminology the term ‘*poetonym*’ (from Greek ποιητική — poetical art, and ὄνομα — name) is often used as a definition of *the proper name* in works of art (both lyrical and prosaic).

Nominative space is a systematic complex of *proper names, narrative and onym descriptions* in accordance with its context functioning in literary work. In Russian literary onomastic terminology the term ‘*poetonymosphere*’ (from ‘*poetonym*’ and Eng. ‘*sphere*’ — ‘cosmos, space’ — from Greek σφαῖρα — ‘globe, ball’) is often used instead of the term ‘*nominative space*’. *Poetonymosphere* includes all nominations of a hero as his/her per-

sonal name, pseudonym, narrative and onym descriptions etc. *Poetonymosphere* is formed by context.

In Durrell's short novels animals are often the main heroes of a narrative, they are shown through their acting and character. For this reason a **purpose of this paper** is to describe the stylistic aspect of a nominative space of the animal names in a short novel "A Zoo in My Luggage".

In a plot of Durrell's story different animals with their behavior and habits are shown. But just a few of them have names — the favorite species with a bright individuality. The difference between human names and animal names in Durrell's stories is that the names of animals indicate their introduction into human life and are connected with a character of a creature (despite names of people which, although point at nationality, gender and social status, lost semantic association with its inner form).

1. Metaphorical names and naming due to the one special feature.

Bug-eyes. The name of a lemur. The proper name contains two-parts word where 'bug' represents the metaphor — lemur had enormous round eyes resembled to big bugs: "Dere be one beef for inside 'e get eye big big like man, sah" [1, p. 63].

Unlike the other animal names, poetonymosphere of *Bug-eyes* includes its Latin term *Euoticus elegantulus*. "Euoticus elegantulus, or better known as a *needle-clawed lemur* or *bushbaby*" [1, p. 64]. Durrell used the Latin term due to the fact that this creature was "extremely rare" [1, p. 64]. *Bug-eyes* became one of the famous animal in the zoo as soon as she appeared:

— "Oh, isn't it *sweet*," said Jacquie. — "Isn't it a *dear*?" said Sophie... [1, p. 65]

Name choosing process represented a searching of right metaphor which could show the greatest individual feature of an animal:

— "How about *Bubbles*?" suggested Sophie. — "No, it doesn't look like a *Bubbles*," said Jacquie surveying it critically. — "It's an *Euoticus* ..." — "How about *Moony*?" <...> — "No, it doesn't look like a *Moony* either." <...> — "What about *Fluffykins*?" asked Sophie. I shuddered. "If you must give it a name call it *Bug-eyes*," I said. "Oh, yes!" said Jacquie, "that suits it" [1, p. 66].

Nominative space of the poetonym *Bug-eyes* includes narrative descriptions with concepts "to look", "to see", "regard". These descriptions accentuate semantic meaning of emotionality and expressivity which are delivered by eyes of an animal. The first time when Durrell saw the animal: "Regarding me from inside it was a small, neat grey face <...> and *two enormous golden eyes*, that looked

at me with the horror-stricken *expression*..." [1, p. 63]. And after: "I opened the bag and *Euoticus* <...> surveyed us all in turn with its *enormous, staring eyes*" [1, p. 65].

Parisienne. Nomination of mongoose also called *Ticky*. "She was sleek, sinuous and svelte and reminded me of a soft-skinned *Parisienne* belle-amie clad in nothing more than two pairs of black silk stockings" [1, p. 82]. The description *Parisienne* used once in order to show the contrast between two "remotely related" animals: pigmy and black-footed mongooses. *Ticky* was sitting next to pigmy (who, by the way, does not have a proper name in the plot of a story) looking how he was eating a piece of a fresh meat. The pigmy was greedily snarling the meat and *Ticky* "watched the pigmy for a moment or so on and then gave a *sniff of scorn*, turned round *elegantly* <...> and went to sleep" [1, p. 83]. The nomination *Parisienne* is used to show the delicate and capricious character of *Ticky* who is also described as "the *grande dame*" and "a *very dainty and fastidious feeder*" [1, p. 83].

Ticky. — "How are the animals?" I asked. — "E well, sah. But dis *bush-hog*, sah, 'e get strong head *too much*." — "I peered into *Ticky*, the black-footed mongoose's cage" [1, p. 70].

Etymology of this proper name is not absolutely clear. The word 'tick' has several lexical meanings: 1) a mark put by something to show that it is correct or has been checked; 2) a regular clicking sound, especially that made by a clock of watch; 3) a bloodsucking insect [3, p. 499]. The 1st and the 2nd definitions can be related to a poetonym *Ticky*. It is possible to suppose that if the etymology of this proper name would be connected with some regular sounds that she liked to produce, Durrell would paid attention to this feature, but we did not find any descriptions which point out at such things. But it is sure that *Ticky* had one special feature which made her looked individual — black legs. *Ticky* was a black-footed mongoose with a cream color fur on the body. Her black legs are often mentioned in narrative, also at the description *Parisienne* showed above. Perhaps, the poetonym *Ticky* based on the idea of marking, 'to be marked': *Ticky* is marked by her black feet and this is the expressional feature in her appearance.

Squill-lill Small. This name was given in accord with pidgin pronunciation of the word 'squirrel': — "Na whatee dere for inside?" — "Na *squill-lill*, sah." [1, p. 77]. Poetonymosphere includes such definitions as "the *baby black-eared squirrel*", "a *tiny animal*", "an *exemplary baby*" [1, p. 104]. The size of squirrel, her nakedness in the world, and also her age ("It couldn't have been more than a few days old" [1, p. 78]) considered as a based

reasons of her naming: — “What shall I call it?” asked Jacquie <...> — “Call it what the hunter called it: *Squill-lill Small*,” I suggested. So *Squill-lill Small* she became, late to be abbreviated to *Small* for convenience” [1, p. 80].

2. Human-like names.

Georgina. The name of a monkey: “a half-grown female baboon called *Georgina*”. *Georgina* “was a creature with tremendous personality and with a wicked sense of humor” [1, p. 144]. Possibly, Durrell chose this name because it was quite popular in England in the middle of 20th century: “*Georgina* stayed just below the Top 100 until 1944 when it rose to #84. It reentered again in 1974 at #79” [4]. *Georgina* was a very active animal, spent a lot of time with people and was responsible for a several incidents: she entered the bathroom of Sophie and stole her clothes, she made afraid of an old-lady who had came for selling kerosene, she escaped from the cage soon after her arrival in England and put Aliens House in a total disorder. In spite of her tricky character she stayed one of the main heroes of the short novel and also, what is important, she had a human name.

Human-name bearer stands apart from other animals and began to be considered as a ‘half-human’. In Durrell’s novel only primates as highly organized forms of life have human names.

Cholmondeley St John. The name of a male ape: “... he must have a name befitting such a *blue-blooded primate*, so we christened him *Cholmondeley St John*, pronounced, of course, *Chumley Sinjun*. Later, when we got to know him better, he allowed us to become quite familiar with him and call him *Chum*, or sometimes, in moments of stress, ‘you bloody ape’...” [1, p. 152]. As Europeans, *Chum* had several forms of names: full form (*Cholmondeley St John*), official short forms (*Cholmondely*, *Chumley Sinjun*) and non-official name used by its friends (*Chum*). Every morning he was being taken out of the cage and accompanied to a Durrell’s room for having a morning tea. For another thing, *Chum* was sometimes being taken out for the “excursions into the countryside” — the privilege that no other animal at the zoo had. The ape was also called “*simian aristocrat*” that proves his eminence in animal world. Also the important aspect of the *Chum*’s nominating space is that towards this ape Durrell used the word “christened” which is defined to a sublime style.

The etymology of the name *Cholmondely* is most probably connected with the surname of British aristo-

cratic family titled as Marquess of Chormondeley [5]. Lord John Chormondeley was born at 1920 and his name was probably meant in a name of “blue-blooded primate”. Additional epithet *St* points the exceptional role which the ape played in animal world of Durrell’s zoo, and also the resemblance between this chimpanzee and human. Aristocrats are considered as a ‘supreme race’ of mankind, *Chum* can be considered as a supreme kind in the world of animals.

The nominations of *Chum* reflects him exceptional role in the world which makes him standing between animals and human being. This exclusive place was recognized by Durrell, and also by some of his guests who were doubted believed if *Chum* could speak: “On numerous occasions I was asked by apparently intelligent people whether he could talk. I always used to reply that chimps have, of course, a limited language of their own. But this is not what my questioners meant; they meant could he talk like a human being...” [1, p. 197]

Conclusions. Art-image contains characterizations of an appearance of the hero and his/her acting (behavior). During an analysis of animal names in a short novel “A Zoo in My Luggage” the author of the paper found out that proper names have systematical organization due to the status of a creature in human life. Poetonyms show relatives between people and animals and the place which animals took when they live with people.

Two types of nominations have been described. The first type includes naming based on the one of a special feature in animal appearance. Nomination can be founded on a metaphor (*Bug-eyes*, *Parisienne*), association (*Ticky*) or to have a simple meaning (*Small*). Animal naming due to this nominating process related to different mammals except primates. Names of primates belong to the second naming type — “human-like nominations”. Two names have been described: *Georgina* and *Cholmondeley St John*. The name of the latest animal consists of several forms depends on usage: full form and short forms (official and familiar), what proves the high ape’s status in animal world and also show his resemblance to people. Cooperation between proper name meaning and the status of animal existence brings out in a context.

Besides the proper name itself poetonymosphere consists of narrative onym descriptions which always bring an additional semantic to the meaning of poetonym. Descriptions outline an expressional background of the proper names functioning.

References:

1. Даррелл Джеральд (Gerald Durrell). Зоопарк в моем багаже (A Zoo in My Luggage). На англ. яз. – М.: ООО «ВК», 2010. – 208 с.
2. Brown E. K.; Anderson Anne. Encyclopedia of Language & Linguistics: 2nd ed. Boston: Elsevier, 2006.
3. Хокинс, Дж. Толковый словарь английского языка. Oxford School Dictionary: 40 000 слов и выражений/Дж. Хоккинс, Э. Делахантти, Ф. Макдональд. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 556 с.
4. British Baby Names. – URL: <http://www.britishbabynames.com/blog/2012/12/georgina.html> (latest visit 29 February 2016).
5. Cholmondeley George, 5th Marquess of Cholmondeley. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/George_Cholmondeley,_5th_Marquess_of_Cholmondeley (latest visit 28 February, 2016).

*Filonenko Nataliya Georgyivna,
Kyiv National Linguistic University,
Associate Professor of the Spanish and French Philology Department
E-mail: fng@ukr.net*

Demonstrative and existential constructions in modern French literary text: cognitive and functional aspects

Abstract: The article explores the conceptual components of existential and demonstrative constructions, their functions and syntactic features, as well as quantitative data of the use of these constructions in the novels of contemporary French writers.

Keywords: demonstrative constructions, existential constructions, syntactical concept, subject, predication.

*Филоненко Наталия Георгиевна,
Киевский национальный лингвистический университет,
Доцент кафедры испанской и французской филологии
E-mail: fng@ukr.net*

Указательные и бытийные конструкции в современном французском художественном тексте: когнитивный и функциональный аспекты

Аннотация: В статье изучаются концептуальные составляющие указательных и бытийных конструкций, их функции и синтаксические особенности, а также приводятся количественные данные употребления этих конструкций в романах современных французских писателей.

Ключевые слова: указательные конструкции, бытийные конструкции, синтаксический концепт, подлежащее, предикация.

Результаты исследований синтаксиса художественного текста в русле системно-структурного подхода, полученные в ходе эволюции гуманитарных дисциплин, стимулировали развитие когнитивного направления анализа текста, которое прежде всего основывается на изучении его концептосистемы. Когнитивные исследования французского синтаксиса свидетельствуют о том, что в синтаксических

связях и конструкциях отпечатываются первичные абстрактные концепты, появляющиеся в ментальности при получении человеком телесного опыта. Так, например, концепт БЫТИЕ специфически вербализуется во французском языке посредством указательных и бытийных конструкций.

Указательные и бытийные конструкции не часто употребляются в современном французском худо-

жественном тексте, поэтому не являются предметом авторской игры или специфического стиля, как определенные знаки препинания, или эллиптические конструкции. Однако эти конструкции имеют важный концептуальный компонент — референтность, а в художественном тексте эта референтность существует в виртуальной реальности.

Благодаря демонстративу *se*, в концептуальный состав указательной конструкции *c'est* входит компонент зрительного восприятия. Конструкция *il y a* — бытийная, она вербализирует концепт бытие с условно-референтным пространственным компонентом, который выражается наречием *y*. Такое разделение не вполне очевидно именно в связи с концептуальными составляющими.

Ряд исследователей определяет конструкцию *il y a* как указательную [1; 2, 49]. Другие подчеркивают, что конструкция *il y a* может быть как бытийной в одном контексте, так и указательной — в другом [3, 95–96; 4, 61–62]. Мы считаем эти терминологические нюансы справедливыми, они подтверждают вербализацию концептов бытие и наличие синтаксическими конструкциями.

К. Ламбрехт включает в указательные конструкции также единицы, формирующиеся с помощью слова *voilà*: «*Voilà le drame.*» [5]. В этом предложении слово *voilà* функционирует подобно конструкциям *c'est* или *il y a* и берет на себя функции формальных подлежащего и сказуемого, хотя таковыми не является. В. Г. Так считает, что специфические слова *voilà* и *voici* с определенной долей условности можно отнести к указательно-предикативным словам, имеющим признаки слов-фраз и глаголов одновременно, учитывая происхождение от глагола *voir* вместе с отсутствием следующих категорий: лицо, вид, время и залог [6, 227]. В ходе исследования современных французских художественных текстов мы отмечаем достаточно редкое употребление этих презентативов, в этих специфических словах, несмотря на их определенные предикативные признаки, глагол формально отсутствует, поэтому четко выделить подлежащее и сказуемое не представляется возможным, например:

«*Voilà*», dit-il, «*j'ai réfléchi.*» [7]. В приведенном предложении слово между словом *voilà* и любыми другими единицами связи зависимости не устанавливаются, *voilà* имеет признаки фразового наречия, такого, например, как *alors*. Этот презентатив может формировать специфические конструкции: «*Me voilà damné, se dit-il*» [8]. В современном французском художественном прозаическом тексте авторы упо-

требляют указательные конструкции со словом *voilà* с эмфатической функцией, в основном в речи персонажей.

Поскольку подлежащее является формальным, представленным местоимением-клитиком, в указательных и бытийных конструкциях нарушается тема-рематический порядок в паре подлежащее + сказуемое. В целом происходит смещение смысловых акцентов и информативной структуры предложения. Формальные сказуемые, выраженные глаголами *avoir* и *être*, могут иметь разные временные, а в конструкциях с *être* личные формы, например:

— «*Ce sont des hommes comme nous.*» [5].

В данном примере глагол *être* употреблен в форме третьего лица множественного числа, так как этого требует семантическое подлежащее, представленное существительным во множественном числе *des hommes*.

Правостороннее приращение указательной конструкции *c'est*, а именно семантическое подлежащее может выражаться:

1. Существительным, субститут которого по смыслу выполняет функции обстоятельства, например: «*c'était la première fois que Just l'entendait évoquer l'échec et la solitude*» [9]; существительным, субститут которого выступает прямым дополнением: — «*c'est le texte que je traduis*» [10]; обстоятельственными номинативными словосочетаниями с предлогом: «*c'est à ce point? demanda doucement Jasselin*» [7], обстоятельственными номинативными словосочетаниями, которые вводятся союзом: — «*Ce n'est pas comme en Ukraine*» [5]. Приведенное предложение демонстрирует отрицательную форму исследуемой конструкции, которая употребляется в современном художественном прозаическом тексте гораздо реже, чем утвердительная.

2. Ударным местоимением, субститут которого является подлежащим в подчиненном предложении: «*c'est moi qui fuis, rougis et bégaie d'embarras*» [11].

3. Наречным прилагательным или наречием: «*c'est triste, mais c'est ainsi*» [12]. В первой конструкции в этом предложении семантическое подлежащее выражается прилагательным *triste* в функции обстоятельства, во второй конструкции — наречием *ainsi*.

Функция указательной конструкции *c'est* в современном французском художественном прозаическом тексте является эмфатической, она чаще предназначается для контекстного сопровождения выражения эмоций, нежели в своей прототипичной указательной функции.

В отличие от презентатива *c'est*, конструкция *il y a* во французском художественном прозаическом тексте имеет нейтральную прототипичную функцию вербализации абстрактных концептов БЫТИЕ и НАЛИЧИЕ, иначе говоря, для выражения бытийного значения. Правостороннее приращение бытийной конструкции *il y a* не менее синтаксически вариативно, чем аналогичный элемент при указательной конструкции *c'est*.

М. Шароль делает вывод, что конструкция *il y a* выполняет функцию тематизатора без последующей предикации [13, 156]. Этот постулат мы считаем справедливым и для конструкции *c'est*, потому что предикация заложена в исключительно формально наличествующих глаголах *avoir* и *être*. К конструкции *il y a* присоединяются существительные, местоимения, наречия, местоименные, или именные словосочетания обстоятельственного значения: « Cette année-là, les ponts du mois de mai étaient exceptionnels: le 1er mai tombait un jeudi, le 8 également — ensuite il y avait comme d'habitude l'Ascension, et tout se terminait par le long week-end de la Pentecôte » [7]. В приведенном примере конструкция *il y a* формирует связь с существительным *l'Ascension* и обстоятельственным дополнением *comme d'habitude*, выраженным существительным с предлогом и сравнительным союзом.

Следуя фонетическому принципу передачи разговорной речи, М. Уэльбек использует в речи персонажа сокращенный вариант этой конструкции без местоимения-клитика: « Y'a du lourd ... » dit-elle au moment où il la rejoignit » [7].

Одной из устойчивых модификаций конструкции *il y a* является форма *il y en a*, однако в современном французском художественном прозаическом тексте она не является частотной. В крупном по объему романе Ж. Литтеля « Les Bienveillantes », в котором насчитывается более 22400 предложений без учета раздела *Glossaire*, нами найдено всего 32 единицы конструкции *il y a*, из которых ни одной в отрицательной форме. Эта конструкция употребляется М. Уэльбеком чаще, чем остальными писателями, например, в романе « La Carte et le Territoire » более 3200 предложений, автор использует 128 конструкций *il y a*, 4 *il y en a*, ни одной из них не найдено в отрицательной форме. Частое применение этих конструкций объясняется большим количеством диалогов персонажей в тексте романа « La Carte et le Territoire ». Интересным является факт волнообразного симметричного употребления этих конструкций: в прологе — 9 единиц, в эпилоге — 11 (*il y a*) + 1 (*il y en a*) единиц, в четвертом разделе и в десятом разделе второй главы совпадает их количество — по 11 единиц, в других структурных частях — намного меньше. Общее количество структурных частей в романе — 40 (без эпиграфа), первый пик наибольшего количества употребления конструкции *il y a* наблюдается в 16 части от начала, а второй — в 22 части с конца, что соответствует симметричному расположению внутри между зонами первого в пятнадцатой части и второго в двадцать пятой части золотых сечений. Таким образом, в увеличении и уменьшении употребления бытийной конструкции *il y a* в тексте наблюдается определенная симметрия.

Список литературы:

1. Carpeau P. Partition et topicalisation: *il y en a* «stabilisateur» de sujets et de topiques indéfinis/P. Carpeau, J. Deulofeu//Cahiers de praxématique 37. – 2001. – P. 45–82.
2. Lambrecht K. Prédication seconde et structure informationnelle: la relative de perception comme construction présentative/K. Lambrecht//Langue française. – 2000. – № 1. – Vol. 127. – P. 49–66.
3. Anscombe J.-C. Partitif et localisation temporelle/J.-C. Anscombe//Langue française. Un bien grand mot de. De la préposition au mode de quantification; [sous la dir.de Lucien Kupferman]. – 1996. – № 1. – Vol. 109. – P. 80–103.
4. Meulleman M. C. Les localisateurs dans les constructions existentielles: approche comparée en espagnol, en français et en italien/M. C. Meulleman//Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie. – University of Ghent, Belgium, 2012. – T. 369. – 268 p.
5. Littell J. Les Bienveillantes/Jonathan Littell. – P.: Gallimard, 2006. – 1403 p.
6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка/Владимир Григорьевич Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 839 с.
7. Houellebecq M. La carte et le territoire/Michel Houellebecq. – Flammarion, 2010. – 427 p.
8. Gaudé L. Le soleil des Scorta/Laurent Gaudé. – Actes sud, 2004. – 250 p.
9. Rufin J.-Ch. Rouge Brésil/Jean-Christophe Rufin. – P.: Gallimard, 2001. – 560 p.

10. Jenni A. *L'Art français de la guerre*/Alexis Jenni. – P.: Gallimard, 2011. – 633 p.
11. Leroy G. *Alabama song*/Leroy Gilles. – P.: Mercure de France, 2007. – 189 p.
12. Rahimi A. *Syngué sabour. Pierre de patience*/Atiq Rahimi. – P. O.L éditeur, 2008. – 160 p.
13. Charolles M. *La référence et les expressions référentielles en Français*/Michel Charolles. – Paris: Ophrys, 2002. – 258 p.

Contents

Section 1. Linguistics.....	3
<i>Abdullayeva Xumar Valiaddin</i>	
The role of science — fiction in the formation of society	3
<i>Yekibayeva Ninel Amanturliевна, Satysheva Ayala Khadzhimukanovna</i>	
Syllable division in the english language.....	5
<i>Zvarych Olena</i>	
Linguistic problems of modern migration processes	8
<i>Novakovskaya Olga Nikolaevna</i>	
Semantic component «descent» in the structure of the lexeme <i>blood</i> : investigation of the naive view of world.....	12
<i>Norbaeva Shukurjon</i>	
Names of substances belonging to professional lexis in Khorezmian dialects borrowed from Iranian languages	14
<i>Pashayeva Gilekhanim Qasim qizi</i>	
Place names of Dereleyez magal in Russian scientific literature of the XIX and XX centuries	17
<i>Rakhimova Guzal Yuldashovna</i>	
The usage of English phraseological units and their functions.....	20
<i>Matmuratova Gulchehra Tillayevna, Ochilova Dilorom Alisherovna,</i> <i>Saparbaeva Gulandom Masharipovna</i>	
Social and Linguistic peculiarities of Taboo	23
<i>Cenaj Mirjeta</i>	
Reconsidering translation as a learning tool in the ESP classroom.....	25
<i>Chumakova Kseniia, ...</i>	28
<i>Zaporizhzhya National University</i>	
Nationally specific verbalization means of “RAIL TRANSPORT” concept in American linguistic culture	28
<i>Shehu Isida</i>	
The importance of LSP and differentiation of word/term in a foreign language for engineering students	32
Section 2. Literature.....	36
<i>Ishonxanova Iroda Abduvakhitovna</i>	
The works of Abdulla Kadiri — the pearl of Uzbek literature	36
<i>Pavlyuk Khrystyna Bohdanivna</i>	
Things that are saying: material world in lyrics of Ulla Hahn.....	39
<i>Pinkovskiy Vitaly Ivanovich</i>	
Antinomies of the lyricism in the French culture of XIX–XX centuries	43
<i>Yulchiyev Qahhor Vahobovich</i>	
Genesis and poetics of triplets.....	46
Section 3. Philology.....	51
<i>Adjabi Yassine</i>	
Besonderheiten der lexikalisch-semantischen Ebene der Sprachpersönlichkeit.....	51
<i>Berezina Iuliia Olexandriwna</i>	
Sprachliche Besonderheiten der mittelhochdeutschen Periode	55
<i>Mansurova Dilfuza Ergashovna</i>	
Model and interpretation	56
<i>Pogorelova Olga Sergeevna</i>	
Features of the language representation of estimation in the modern English Language.....	59

<i>Usmambetov Bayaman Zhunushbekovich</i>	
The names of in dictionary “Divan lugat turk” by Mahmud Kashgari	62
<i>Fedotova Kseniia Sergeevna</i>	
Animal naming as a structural component of art-image.....	65
<i>Filonenko Nataliya Georgiyvna</i>	
Demonstrative and existential constructions in modern French literary text: cognitive and functional aspects	68

